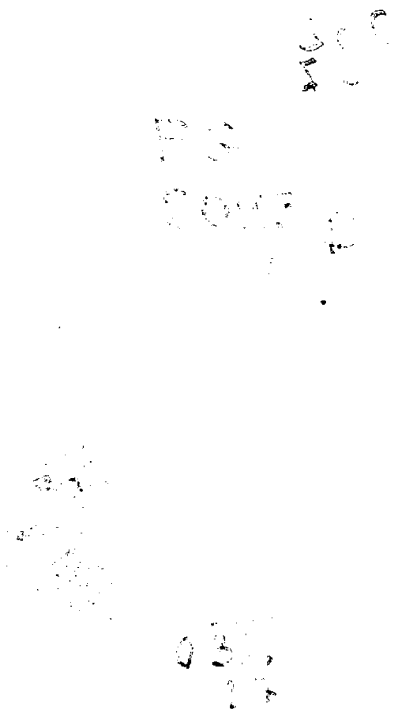
Опыть
русской діалектологіи.

Проф. А. И. Соболевскій.

Выпускъ I. – 2

Наречія великорусское и бѣлорусское.

Изд. Женск. Педаг. Инст.
1912 г.



Введеніе.

Русская діалектологія имѣетъ много правъ на вниманіе.

1) Каждый изъ насъ, какъ Русскій, обязанъ обладать хотя бы самыми общими свѣдѣніями о томъ, что такое русскій языкъ, какъ говорятъ подъ Новгородомъ, подъ Тулою, около Вильны, Полтавы.

2) Занимающіеся исторіею русскаго языка имѣютъ особенную потребность въ знакомствѣ съ діалектологіею. Интересуются ли они исторіею звуковъ и формъ, или слѣдятъ за судьбами синтаксическихъ явленій, словарнаго матеріала, все равно, — они могутъ найти въ современныхъ русскихъ народныхъ говорахъ то, что давно исчезло изъ говора образованнаго общества, и такимъ образомъ получить ясное представленіе о прошломъ нашего языка. Напримѣръ, мы не имѣемъ теперь въ своемъ говорѣ мягкаго ѕ, которое было (какъ пока-

Важнейшие памятники) в древне-русском языке; обращаясь к народным говорам, в некоторых из них мы встречаемся с этим и таким образом составляем себе понятие о качестве древнего звука.

3) Те, которые изучают древние памятники нашей письменности (как литературные, так и исторические, юридические), через изучение диалектологии почерпают средства к пониманию текста памятников. Значительное число слов, прежде употреблявшихся во всем русском языке и занимавших себе место в памятниках, теперь у нас, в нашем говоре, неизвестно, но остается в употреблении в других говорах. Таким образом знакомство с говорами дает нам возможность определить значение этих слов. Напр., в Русской Правде мы находим слово олекъ: „аще бчелы выдереть, то 3 гривне продажа, а за

меду, еже будуть бѣлы не ляжены, то 10 кунъ, будеть ли олекъ, то 5 кунъ!" Костромской и нынѣшній говоры объясняютъ намъ это слово. Въ нихъ олекъ = починъ сотовъ. Слѣдовательно Русская Правда противупоставляетъ умъло полному меду, не подрѣзанному, „не ляженому", — умѣлый съ небольшимъ количествомъ меда, оставленнымъ для пчелъ на зиму. Или, въ Словѣ Даніила Заточника мы читаемъ: „дивья за буянъ коня поставити, а за добрыхъ князь воевати." Слово буянъ въ говорѣ значитъ: гора, холмъ. И такъ, фразу Слова мы можемъ перевести: хорошо за горою коней пасти (т. е. въ укромномъ, прикрытомъ отъ вѣтра мѣстѣ). Конечно, не всѣ слова нашихъ памятниковъ сохраняются въ говорѣ; такъ слово тълъсень Русской Правды пока еще ни въ одномъ говорѣ не нашлось. Но за то и значеніе этихъ словъ остается неизвѣ-

стоимость, если лучшая разработка
діалектологии не дастъ ключа къ ихъ
пониманію.

4) Діалектологія имѣетъ значеніе какъ
вспомогательная наука, при изученіи
исторіи. Историкъ безпрестанно стал-
кивается съ такими вопросами, на ко-
торые могутъ отвѣтовъ въ лѣтопи-
сяхъ и документахъ, но которые могутъ
быть разъяснены современными говорами.
Напримѣръ, существуетъ вопросъ о насе-
леніи верхняго Поволжья, нынѣшней
Ярославской и Костромской губерній, ка-
кого оно происхожденія, откуда при-
шло и къ какому большому городу пер-
воначально тянуло. Обыкновенно отвѣ-
чаютъ на этотъ вопросъ такъ, что
де Поволжье было заселено выходцами
изъ новгородской области и первонача-
льно должно было тянуть къ Новгороду.
Но большая часть говоровъ нашихъ
губерній довольно ясно отличается
отъ говоровъ древней новгородской зем-
ли и новгородскихъ колоній (въ нихъ

нашъ звуки Ц и Ч); напротивъ того они слышны въ говорахъ средней Руси (Московской, Тульской и сосѣднихъ съ ними губерній). Слѣдовательно, вопросъ о происхожденіи новгородскаго наименія долженъ быть разрѣшенъ иначе: Новгородцы заселились съ юга и ихъ предки никогда не тянули въ Новгороду, а составляли одну область съ Москвою, Муромомъ, Рязанью.

Мы не хотимъ принижать знакомство съ діалектологіею какого-либо значенія для нашего литературнаго языка и не думаемъ, чтобы діалектическій матеріалъ могъ пригодиться для обогащенія и вмѣсто сохраненія чистоты литературнаго языка. Иное соображеніе, вмѣсто того, чтобы заимствовать новыя слова изъ иностранныхъ языковъ, — было бы для насъ несравненно полезнѣе брать подходящія по значенію слова изъ своихъ діалектовъ. Но мы сомнѣваемся, чтобы такое пользованіе было часто возможно. Было

в толк, что то русское, чего нет в нашем говоре и что есть в соседнем, обыкновенно кажется напыщенным или даже достойным насмешки. Мы не удерживаемся от улыбки, когда герой „Ясенка изъ новой линіи" (Чернышева) говоритъ — хотитё; намъ немножко смѣшно, когда герой „Большихъ денегъ" употребляетъ слово шабёръ. Что касается до простого народа, то онъ почти всегда насмѣхается надъ своими сосѣдями, имѣющими какія-нибудь, хотя бы незначительныя особенности рѣчи, „дразнитъ", преслѣдуетъ его особыми поговорками съ этими особенностями (въ родѣ: курица на улицѣ яйцо снесла), даетъ ему насмѣшливыя прозвища (въ родѣ: ягунь, отъ оружный родъ. падежа яго=его, съ г, вмѣсто яво, съ в), вообще обнаруживаетъ къ діалектическому матеріалу полную нетерпимость.

Наша задача – указать главныя особенности русскихъ говоровъ въ

звуках и формах, на основании почти исключительно печатного материала. Последний такъ скуденъ и отрывочен[1], он часто и старъ, что наши очерки русской діалектологии не имѣютъ притязания на полноту ни въ какихъ отношеніяхъ.

---

[1] Мы до сихъ поръ еще не имѣли специалистовъ по русской діалектологии. Тѣ немногіе занимались ею въ самыхъ рѣдкихъ случаяхъ и при томъ попутно, проѣздомъ, улавливая лишь случайно встрѣтившіяся черты. Этнографы обращали на говоры крайне мало вниманія, и мы имѣемъ рядъ хорошихъ сочиненій по этнографіи, гдѣ нѣтъ никакихъ замѣчаній по діалектологии, или помѣщены самыя ничтожныя. Помѣщики, священники, уѣздные учителя и т. п. народы, если дѣлали наблюденія надъ говорами, или отлично знакомыми, то не могли, вслѣдствіе отсутствія какой-либо подготовки — дать сколько-нибудь полный и ясный отчетъ объ особен-

Продолж. прим. на слѣд. стр. 8

постоянно этими говорами, а иногда даже изобразить их звуки. Вообще мы имеем чрезвычайно мало описаний говоров. Обыкновенно мы должны извлекать данныя изъ повсем, сказокъ и т. п. сырого матеріала и безпрестанно подвергаться опасности увидеть діалектическую особенность въ простой описк или опечатке. Мы можемъ назвать лишь одинъ трудъ посвященный вообще русской діалектологіи. Это — статья проф. Потебни въ „Филологическихъ Запискахъ" 1865 года: „О звуковыхъ особенностяхъ русскихъ нарѣчій", вышедшая въ свѣтъ 30 лѣтъ назадъ и основанная почти исключительно на печатномъ матеріалѣ. Другой трудъ, сходный съ этимъ по названію, статья Надеждина въ Венскихъ „Jahrbücher der Literatur" 1841 года: „Mundarten der russischen Sprache", посвященъ не столько описанію, сколько изслѣдованію о происхожденіи русскихъ нарѣчій. Сверхъ того, въ

„Исторической Хрестоматіи" Буслаева 1861 г. и „въ Сборникѣ древне-русскихъ памятниковъ и образцовъ народной русской рѣчи" проф. Смирнова 1882 г. приведены образцы разныхъ русскихъ говоровъ, взятые главнымъ образомъ изъ печатныхъ источниковъ. Наибольшее количество матеріаловъ по русской діалектологіи издано (безъ всякой системы) въ изданіяхъ Императорскаго Русскаго Географическаго Общества, особенно въ „Этнографическомъ Сборникѣ" и „Живой Старинѣ"; однако, эти матеріалы разсѣяны въ „Русскомъ Филологическомъ Вѣстникѣ" разныхъ годовъ. Ни грамматики ни словаря всего русскаго языка у насъ нѣтъ.

1. Великорусские наречия.

Мы не будем говорить о границах великорусского наречия съ языками инородцевъ въ европейской Россіи, въ Сибири и на Кавказѣ. Ихъ можно видѣть на этнографическій картѣ русскаго государства. Мы скажемъ лишь о границахъ великорусскаго наречія съ наречіями бѣлорусскимъ и малорусскимъ, какъ они опредѣляются имѣющимися у насъ скудными данными.[1]

---

1) Точное опредѣленіе границъ между двумя наречіями часто невозможно, по причинѣ существованія такихъ переходныхъ и смѣшанныхъ говоровъ, которые могутъ быть съ равнымъ основаніемъ причислены и къ одному и къ другому наречію. Сверхъ того, во многихъ губерніяхъ, занятыхъ Русскими въ XVIII—XIX вв., тамъ, гдѣ наречія еще не перемѣшались между собою, ихъ территоріи въ полномъ смыслѣ слова чересполосны.

Великорусское наречіе граничитъ съ бѣлорусскимъ на сѣверо-западѣ приблизительно по чертѣ Псковской губ.; бѣлорусское наречіе начинается нижее Опочки и Великихъ Лукъ, Псковской губ., но Себежъ, Полоцкъ и Суражъ находятся уже въ области этого наречія. Далѣе граница великорусскаго и бѣлорусскаго наречій идетъ внутри губерній Тверской и Смоленской. Значительныя части Рѣжевскаго и Зубцовскаго и нѣкоторая часть Осташковскаго уѣздовъ (западная часть Тверской губ. [1]) принадлежатъ бѣлорусскому

[1]) „Жители западной половины Рѣжевскаго уѣзда извѣстны нынѣ подъ именемъ Тудовлянъ, отъ названія рѣки Молодой Тудовли. Съ ними сходны крестьяне Осташковскаго уѣзда по правому берегу Волги и жители семействъ по рѣкамъ Ипомель (Рѣжевск. у.) и Ковшь (Осташк. у.), впадающимъ въ Волгу съ лѣвой стороны. Нѣкоторые относятъ ихъ къ бѣлорусскимъ. Отличіе ихъ отчасти заключается въ обычаяхъ, отчасти въ словахъ, особенно опредѣляющихъ одежду, обувь, пищу, орудія, мѣстность и разную домашнюю утварь" (Преображенскій: Описаніе Тверской губ. въ сѣверо-хозяйств. отношеніи. Спб. 1854, стр. 78.).

чарочію; северо-зап. и юрская часть Смоленской губ. говорятъ или бѣлорусскимъ нарѣчіемъ или говорами скорѣе бѣлорусскими, чѣмъ великорусскими, а восточная — Вяземскій, Гжатскій, Сычевскій и Юхновскій уѣзды — по великорусски [2]). Долгая граница идетъ по северо-восточной окраинѣ Черниговской губ.

Крестьяне той части остепи уѣзда, которая прилегаетъ къ Псковской и Смоленской губ., „отдѣлены будучи самою природою отъ другихъ жителей какъ своего, такъ и смѣжныхъ уѣздовъ, различаются отъ послѣднихъ нравомъ и образомъ жизни, въ особенности же нарѣчіемъ языка, которымъ они близки къ бѣлорусамъ“ (Зос. Бѣловъ, Путевыя замѣтки и впечатлѣнія по Моск. и Тверск. губ., стр. 63. М. 1852.).

2) „Рославльскій уѣздъ составляетъ часть Смоленской губ., населенную жителями бѣлорусскаго племени. Крестьянинъ Рославльскаго уѣзда рѣзко отличается отъ крестьянина вост. части губерніи въ образѣ жизни, домашней утвари, пищѣ, одеждѣ, обрядахъ словомъ — во всемъ, что касается народнаго характера, домашняго быта и хозяйства“ (Памят. книжка Смол. губ. на 1858 г., стр. 126).

Пограничная черта великорусского наречия съ малорусскимъ опредѣляется съ трудомъ. Сѣверо-восточная окраина Черниговской губ., пограничная съ Орловской губ. 3) съ ея смѣшанными гово-

---

Точно такъ же „матеріалы для географіи и статистики Россіи" (Смол. губ.) относятъ Рославльскій и Смоленскій уѣзды безъ всякихъ оговорокъ къ числу бѣлорусскихъ (стр. 195.).

3). „На сколько говоръ черниговскій, распространенный въ особенности въ сѣв.-части уѣзда Черниговскаго, въ уѣздахъ Городнянскомъ, Суражскомъ, Новозыбковскомъ, Мглинскомъ и зап. части Новгородсѣверскаго, составляетъ переходъ изъ малорусскаго нарѣчія къ бѣлорусскому, на столько сѣверскій распространенный въ вост. половинѣ Новгородсѣверскаго сѣв. части Глуховскаго уѣзда Черниговской губ., въ зап. части Конотопскаго уѣзда и въ зап. части Сѣвскаго уѣзда Орловской губ. составляетъ переходъ къ наречію бѣлорусскому". Р. Орлов. В. 1884 г., №1, стр. 118—

„Великороссіяне, или какъ ихъ называютъ здѣсь, Русскіе, слободяне, поселены въ Суражскомъ, Стародубскомъ, Новозыбковскомъ и Городнянскомъ уѣздахъ... и составляютъ потомковъ бѣжавшихъ сюда изъ Россіи въ XVII в. раскольниковъ". Календ. Черн. г. 1882 г. стр. 688

рами, и почти вся Курская губ. (кромѣ юго-зап. окраины) 4) принадлежатъ великорусскому племени. Половина Воронежской губ. 5) и большая часть Земли Войска Донского—

4). „Обитатели (Судженскаго у.) сіи суть: Малороссіяне — коренные жители, и Русскіе, начавшіе селиться съ 1664 г." (въ числѣ ихъ старообрядцевъ было въ 1826 г. до 1000 человѣкъ мужск. и женск. пола). Между простонародными, отъ рожденія жителей въ Судж. у., т.е. Малороссіянъ и Русскихъ, замѣтна немалая разность какъ въ одеждѣ, уборахъ, жилищѣ, характерѣ народномъ, такъ и въ самыхъ нравахъ и обычаяхъ". Моск. Телеграфъ 1826 г. ч. 39, стр. 256, 262, ст. Дмитріюва. Около 1/10 населенія Обоянскаго уѣзда Курск. губ. — Малорусси переселенцы (Этногр. сб., V, ст. „Бытъ крестьянъ Курск. губ.", стр. 1).

5). „Малорусское населеніе составляетъ едва ли не половину всѣхъ жителей Воронежской губ. Два самые большіе уѣзда оной — Острогожскій и Богучарскій, за исключеніемъ въ каждомъ двухъ—трехъ сель великорусскихъ, населены Малороссіянами. Бирюченскій и Валуйскій населены ими въ большей степени; въ Павловскомъ 12 слободъ малорусскихъ, кромѣ хуторовъ, и по-

— также.[6]) Въ восточной половинѣ Харьковской губ. (въ Зміевскомъ, ста-

---

ницкомъ слободѣ въ уѣздахъ Бобровскомъ и новохоперскомъ. Только въ сѣверныхъ уѣздахъ — Богучарскомъ, Землянскомъ, Нижнедевицкомъ и Воронежскомъ — малороссовъ нѣтъ". (Пам. книжки Воронежск. губ. на 1870-71 г., стр. 247). — Въ Валуйскомъ уѣздѣ „жители состоятъ изъ Русскихъ и Малороссіянъ почти на половину и тѣхъ, и другихъ". (Статистич. очерки Воронежск. губ. кн. I, стр. 15, 1850 г.). „Въ Богучарскомъ у. Малороссовъ болѣе 2/3, Великороссовъ менѣе 1/3" (Пам. кн. Воронеж. г. на 1865-66 г.).

6). „Жители сѣверныхъ частей (Земли В. Д.) — до Хопра и Медвѣдицы — настоящіе Великороссы". „Жители средн. частей Дона болѣе сходны съ Великороссами, чѣмъ низовые". „населеніе нижней части — потомки древнихъ казаковъ, которые поселились по низовьямъ Дона; они Великороссы, но принимали къ себѣ людей всякихъ національ; отъ этого низовое населеніе какъ въ наружности, такъ въ нравахъ и обычаяхъ имѣетъ особенный почти самостоятельный характеръ". „Малороссы изрѣдка приходятся на Дону, особенно много ихъ въ нижней части Донской Земли!

Славянскомъ, Волчанскомъ, Харьковскомъ и Купянскомъ уѣздахъ) есть чисто великорусскія поселенія. Русскіе жители восточной части современнаго Кавказа — переселенные съ Волги и Дона терскіе казаки — говорятъ по-великорусски, а ихъ сосѣди на западѣ — кубанцы, потомки запорожцевъ, — по малорусски; впрочемъ, въ Терской области есть нѣкоторое число малорусскихъ, а въ Кубанской — великорусскихъ поселеній. Въ Новороссіи великорусское населеніе находится, въ сравненіи съ малорусскимъ, у значительнаго меньшинства населенія. Сверхъ того, съ одной

„Когда былъ воспрещенъ переходъ на Донъ, войсковые чины стали записывать за собою приходившихъ сюда большими обществами Малорусовъ и заселили ими округи Міусскій и Донецкій." „Нѣкоторые Малорусы получили права казаковъ и составили нѣсколько станицъ за Дономъ, близъ Кавказской дороги" (Матеріалы для хозяйственной статистики Россіи изд. Имп. Вольн. Экономич. общ. Кн. I, СПб. 1853 г. стр. 23-27.) — „Донцы — низовцы, крупно съ донецкими.... отъ Россіи малѣя" (Чт. Общ. ист. и древн. 1863 г., кн. 3, ст. „Ист. свѣд. о Верхн. Курмоярс.

стороны более или менее крупныя колоніи съ малорусскимъ населеніемъ и нарѣчіемъ находятся въ великорусскихъ приволжскихъ губ. (особенно въ Саратовской, Самарской[7]) и Астраханской)[8], а остатки другихъ, меньшихъ

---

7) „Вы встрѣтите здѣсь пришельцевъ, можетъ быть, изъ 20 губерній: тутъ есть и остатки польской шляхты, поселившейся когда-то въ Мензелинскомъ у. и отчасти въ Бугульминскомъ; есть и малороссы по сахарнымъ трактамъ, Иверскому и Алтынскому, и по рѣкамъ Иргизу и Кинелю; есть переселенцы изъ всѣхъ украинныхъ губерній, особенно изъ Тамбовской, также Вятчане, Тульяки, Рязанцы и много другихъ... Поселенцы изъ Тульской и Рязанской губ. въ Самарскомъ и Бугульминскомъ уѣздахъ, живя среди Чувашей и Мордвы, до сихъ поръ сохраняютъ свои костюмы и нарѣчіе; еще упорные въ этомъ отношеніи малороссіяне, какъ напр. по Иргизу въ Новоузенскомъ уѣздѣ". Вяренцовъ, сборникъ писемъ Самарскаго края, СПб. 1862, стр. V—VI.

8) „Элементъ собственно-великорусскій въ Астрах. уѣздахъ часто перемѣшанъ

по численности помощи, может-быть, еще существуют въ Вологодской губ.; съ другой стороны — великорусское наречіе слышится въ малорусскихъ губерніяхъ и во всемъ русскомъ государствѣ у образованныхъ Русскихъ, по преимуществу по городамъ.

Казалось бы, на огромной территоріи великорусскаго наречія должно было бы быть очень много говоровъ; но, вѣроятно, благодаря отчасти почти исключительно равнинному характеру этой территоріи, допускающему самое широкое общеніе для ея населенія, отчасти значительной консервативности великорусскаго наречія,

---

вается съ малороссійскимъ, есть цѣлыя села въ нашемъ краѣ, почти исключительно заселенныя малороссами, есть станицы, населенныя одними казаками, переселенными сюда въ разное время изъ другихъ мѣстностей Россіи и Малороссіи, средняго и Верхняго Поволжья и изъ другихъ мѣстъ". (Сборникъ трудовъ членовъ Петр. Общ. изслѣд. Астрах. края. Астр. 1892 г., стр. 13.).

мы видим лишь ограниченное количество резко определенных диалектических разновидностей. 9)

---

9) Это одна из причин слабой разработки великорусских говоров, особенно говорных, которые мало отличаются от языка образованного общества и потому для исследователя малоинтересны. Все наши печатные сведения о великорусских говорах вообще ограничиваются статьею Даля при 1 томе его „Толкового Словаря" (которою надо пользоваться с большою осторожностью), да книгою Колосова: „Обзор звуковых и формальных особенностей народного русского языка", Варшава 1878. Последняя, после Даля, посвященная всему великорусскому наречию, имеет такое расположение материала, что по ней трудно составить себе понятие об особенностях того или другого великорусского говора.
Грамматики великор. наречия у нас нет, но словарные данные этого наречия собраны в довольно значительном количестве. Первое место занимает отличный 4-х томный „Толковый Словарь живого великорусского языка" Даля (2-е изд. Спб. 1880.); за

Великорусское наречіе ясно дѣлится на два поднарѣчія, сѣверное и южное, ёкающее и ёкающее, граница между которыми идетъ сначала внутри Псковской губ. (здѣсь только сѣв. вост. уголъ, въ Порховскомъ у., ёкаетъ), потомъ внутри Тверской губ., потомъ внутри Московской (здѣсь по границѣ съ Владимирской губ. уже ёкаютъ); Владимирская губ. почти вся (кромѣ части Меленковскаго уѣзда) принадлежитъ ёкающему поднарѣчію; далѣе граница идетъ внутри Нижегородской, Казанской и Симбирской губ. (въ Арзамасскомъ уѣздѣ Нижегородской губ. отчасти ёкаютъ, въ Ардатовскомъ, Сергачскомъ и Лукояновскомъ той же губ. — ёкаютъ, въ Тетюшскомъ и Симбирскомъ уѣздахъ и въ сѣверной части Курмышскаго

нимъ можетъ быть поставленъ Опытъ областнаго великорусскаго словаря" Спб. 1852, съ „Дополненіемъ" къ нему, изданный Академіею наукъ.

уѣзда Симбирской губ.; къ сѣверу отъ р. Пьяны, по преимуществу окаютъ, въ южной части Курмышскаго уѣзда акаютъ, въ Лукояновскомъ и Чистопольскомъ уѣздахъ Казанской губ., за Волгою, акаютъ[10]).

Пріуральцы и Сибиряки принадлежатъ окающему подразрѣчію, за исключеніемъ ключевъ, занятыхъ переселенцами изъ средней Руси; впрочемъ, теперь число этихъ ключевъ, вслѣдствіе происходящихъ переселеній, увеличивается.

Слѣдуетъ замѣтить, что окающее подразрѣчіе понемногу вытѣсняетъ окающее въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ существуютъ отхожіе промыслы, — особенно въ Костромской губ. Мѣстные крестьяне сообщества проводятъ по-много мѣста въ Москвѣ и Петербургѣ и здѣсь усвоиваютъ

---

10). Должно замѣтить, что опредѣлить точную границу подразрѣчій окающаго и акающаго въ среднемъ Поволжьѣ едва ли возможно, въ виду того, что здѣсь много смѣшанныхъ говоровъ, соединяющихъ въ себѣ особенности обоихъ подразрѣчій. Замѣтимъ, что городское поселеніе Саратовъ въ 40-хъ гг. окало (Сарат. Губ. Вѣд. 1845 г., №31-32).

особенности окающего поднарѣчія; послѣдніе отъ нихъ переходятъ къ мѣстному осѣдлому населенію. Такимъ образомъ цѣлый рядъ деревень и селъ Костромской губ. теперь уже не принадлежитъ окающему поднарѣчію. Такая же граница одного поднарѣчія другимъ начинаетъ замѣчаться въ значительныхъ размѣрахъ въ Ярославской и Владимирской губ.

А. Южно-великорусское, или окающее поднарѣчіе.

Передъ нами тотъ говоръ, который употребляемъ мы сами, который слышится у всѣхъ сколько-нибудь образованныхъ людей во всей Россіи и который можетъ быть названъ литературнымъ, или общерусскимъ языкомъ. Центръ и родина его-Москва; здѣсь у мѣстныхъ уроженцевъ онъ является въ наибольшей чистотѣ, въ другихъ городахъ къ нему иногда

примѣшиваются мѣстныя черты (изъ близкой къ нимъ говоровъ); такъ, въ Кіевѣ у образованныхъ людей мѣстнаго происхожденія и воспитанія можно слышать к вмѣсто g: калка, короха, и неслоговое ў вмѣсто в и л: любоў, даў, нищ; въ западно-русскихъ городахъ у мѣстной интеллигенціи замѣчается то особенно-сильная мягкость согласныхъ, свойственная польскому языку, то полная или почти полная твердость р въ словахъ въ родѣ буря (=буря).

Общее-русскій языкъ въ его чистомъ видѣ будетъ для насъ исходнымъ пунктомъ при характеристикѣ говоровъ: мы будемъ характеризовать эти послѣдніе, сопоставляя ихъ особенности съ особенностями своего собственнаго языка. Которому мы прежде всего остановимся на звукахъ своего языка.

Гласные ударяемые. Ударяемое а общее-русскаго языка — звукъ от-

гласный, то более широкий (брать, пятка), то более узкий (рать, пять), всегда вполне отличный от ударяемого о; этот звук слышится на месте каждого древняго (=орфографическаго) а, я.

Ударяемое е = звук мягкий, почти всегда смягчающий предыдущее согласное, то более открытый (этот, шесть), то менее, со приближением къ и (плеть, лечь), но вполне отличный отъ и; этот звук слышится на месте как древняго (=орфографическаго) е, так и древняго ѣ.

Ударяемое о звучит открыто, ближе къ а, чѣмъ къ у; оно слышится на месте древняго (=орфографическаго) е постоянно въ концѣ словъ (плечо́, его́, твоё) и очень часто въ серединѣ словъ, передъ слѣдующимъ твердымъ согласнымъ (вёдро, ласкать, гребёнка[1]).

---

1) Подробнее см. въ нашихъ „Лекціяхъ по исторіи русскаго языка".

Ударяемыя и и ы вполнѣ ясно отличаются другъ отъ друга; они находятся на мѣстѣ древнихъ и и ы.

Гласные неударяемые. Изъ нихъ на мѣстѣ древнихъ (= праславянскихъ) неударяемыхъ а и о слышится: 1) въ началѣ и въ концѣ словъ всегда и въ серединѣ словъ послѣ некоторыхъ твердыхъ согласныхъ (не j, не ц и не шипящихъ) непосредственно передъ удареніемъ — а, нѣсколько закрытое, приближающееся къ о: а́ддала, сло́ва, ма́сла (имен. и род. ед.), пи-та́чокъ, на дваре́, чистока́ль, зна-ха́тель (= пятачокъ, на дворъ, ча-стоколъ, зохотѣлъ); 2) въ серединѣ словъ послѣ j, мягкихъ согласныхъ, шипящихъ и ц какъ непосредствен-но передъ удареніемъ, такъ и послѣ ударенія — и или (послѣ ѳ, ш, ц) глухой близкій къ ы: ѳи́снѣть, пи́токъ, чисы́, ѳсы́лѣть, шиги́ (= ясный, пятокъ, часы, ѳсылать, шаги),

вы́яснить, ску́шяя (= выяснить, скушая); 3) въ серединѣ слова во второмъ слогѣ передъ удареніемъ если передъ нимъ j, мягкій согласный или ч, щ, — то и: jирявой, питачо́къ, чисавой (= яровой, пятачокъ, часовой), если же передъ нимъ твердый согласный, ж, ш, ц, то глухой близкій къ ы: зыхятѣ́ль, сыракóдка, шыпавать (= захотѣль, сороковка, шиповать). Неударяемый гласный на мѣстѣ древняго (= орѳографическаго) е, ѣ всегда, кромѣ конца слова, звучитъ какъ и: пирихо́ть, пиро́, вису́, jиво́ (= переходъ, перо́, весу, ево); въ концѣ же слова они звучатъ: 1) какъ и (въ формахъ дат. и мѣстн. ед., 2го л. мн. из. и повел. н.): на бе́регии, на во́йи, бирѝте (= на берегѣ, на войѣ, берите) и 2) какъ открытое е или какъ а съ предшедшимъ мягкимъ согласнымъ: поле, мо́ре, или по́ля, мо́ря (= поле,

море; часто мы произносимъ им. поле и род. поля тождественно.

Неударяемый гласный на мѣстѣ древняго (=ороэпографическаго) ы звучитъ какъ глухой блицкій къ ударяемому ы, но не тождественный съ нимъ, такъ что есть разница между гласными въ дыра́ и ды́рка, сынокъ и сы́нъ.

Неударяемое и по качеству звука ничѣмъ не отличается отъ ударяемаго; неударяемое у не приближается къ в и всегда составляетъ слогъ.

Внутри неударяемыхъ гласныхъ рѣдко: и́споловникъ = испо́лоник.

Изъ согласныхъ, губныя б, в, п, ф, м могутъ быть и твердыми, и мягкими; послѣднія слышатся въ бить, вязнуть, пятнать, сыпь, черпь, семь. При этомъ в никогда не приближается къ у.

Губное ф не смягчается съ х или хв.

Чертанное г произносится перед гласными как латинское g, за исключением нескольких слов, где обыкновенно h (господь, государь, бога, благословить).

Чертанное к перед а и у, где было в древности твердо, остается твердым: бабушка, бабушку.

Зубные д и т, будучи мягкими, сохраняют древнее качество своих звуков: дядя, тётка.

Группа щ звучит как двойное ш: шишка (= щука).

Шипящие жс и шт и свистящее ц постоянно произносятся твердо, коль скоро они не повторяются: ясень, ясок, шолк, цэпь (= ясень, ясень, шелк, цепь).

Шипящие жс и шт при удвоении сохраняют древнее мягкое произношение: вижсю, вожсди, шишка, шшядить (= вижу, вожди, щука, щадить). Но в тех случаях, где двойное жс или шт образовалось

через соединение конечного согласного предлога-префикса с начальным согласным имени или глагола, при ж, ш звучать твердо: жажда, шипеть (= сосать, сипеть).

Шипящее ч не смешивается с ц и всегда вполне ясно отличается от ц.

Плавное р может быть и твердым и мягким: бурак, буря; древнее плавное л всегда сохраняется и не переходит в в или у: плач.

Древние (= орфографические) звонкие (= звучные) согласные б, в, г, д, ж, з, твердые и мягкие, в конце слов звучать как соответствующие глухие (= отзвучные) п, ф, к (х), т, ш, с, твердые и мягкие: бог, обувь, друг, бох, дет, ночь, вось (= бобр, обувь, друг, бог, дождь, дождь, вождь).

Точно также произносятся древние звонкие согласные перед глухими согласными: банка, лодка,

выраэстъво, сасетка, рошки, пиривоска (= бабка и т. д.)

Между формами нашего говора мы должны отмѣтить:

Формы имен.-вин. ед., род. мн. и 2го л. ед. повел. накл. на ей и ой: сей; вагнéй, гостéй, дьчирéй, конéй; бей, пей; самóй, бальшóй, мой (отъ мыть) крой (а также фр. 2го л. мн. повел. н.: бéйте, мóйте, и наст. врем. мóю, крóю и т. д.).

Формы мѣстн. ед. муж. и женск. р. и дат. ед. жс. р. съ гортанными согласными: на нарóге, въ руке́, на сяхе́ (= на порогъ, по сохъ).

Формы род.-вин. ед. миня́, тибя́, себя́, дат. тибе́, себе́ (= тебя, себъ...)

Формы род.-вин. ед. прилагательн. и мѣстоимсний на во, óва, ива, ива: живо, самóва, добрыва (= его, самого, добраго).

Формы род. и вин. ед. женск. р. на ё, не на е: жи́ё, самаё́ (= ее, самое.).

самое).

Формы им.-вин. множ. ч. прилагательных и местоимений на и, иногда ударяемое: добрыи, большóи, маи (=мои); но фсе, те, янé (= вся, та...).

Формы род. мн. муж. р. имен. сущ. мягкого склонения на éй: рублéй, грошéй; после ц — на óръ, ырь (=евъ): купцóрь, мéсяцырь; формы род. мн. ж. сред. р. никогда не имеют окончаний óрь, ырь.

Формы 3-го л. ед. и мн. на ть: идéть, идýть (но есть, весть), с сохранением древних шипящих: пичóть (= печать), жжéть.

Формы 2 л. ед. и мн., 1 л. мн. изъявит. накл. с ё при ударении: идёшь, идёте, идём, при чем ф. 1 л. мн. всегда имеет окончание мъ.

Формы повел. накл. 1-го л. мн. идёмъ, идúте и т. п.

Формы неопред. накл. на ть (редко на тú: итти, вести).

Формы возвратного залога на ся,

съ, ца: скаясуся, скаясусь, скаясуца (= скаясуся, скаясусь, скаясутся).

Подведем итоги. Наш говоръ можетъ быть названъ умѣренно окающимъ. Открытыя а и о, требующія сильнаго движенія губъ, употребляются у насъ лишь подъ удареніемъ; неударяемое а (неударяемаго о у насъ нѣтъ) произносится наши какъ нѣсколько закрытое а, сомнительно, съ сравнительно слабымъ движеніемъ губъ, и смѣшивается необыкновенно часто. За то у насъ въ большомъ употребленіи звуки и, ы и глухой близкій къ ы, произносимые почти безъ движенія губами. Въ виду этихъ и другихъ особенностей нашъ говоръ можетъ быть причисленъ къ числу легкихъ для рѣчи. Употребляющіе его, начиная съ Ломоносова, находятъ его пріятнымъ для слуха; но обилія ы и глухого близкаго къ ы едва ли можетъ производить на свѣжій и развитой слухъ пріятныя впечатлѣнія, и поэ-

му, можемъ быть, более правы наши
окающіе сов'ряне, которымъ не нра-
вится наша „высокая", какъ они
выражаются, рѣчь (мы говоримъ, по
ихъ мнѣнію, „высока").
Если мы обратимся къ московскому
простонародному и подмосковному
говору, то увидимъ, что никакихъ
звуковыхъ особенностей онъ не имѣетъ.
Главное отличіе его отъ нашего гово-
ра — въ формахъ и словарномъ ма-
теріалѣ. Московское и подмосковное
простонародье употребляетъ всѣ фор-
мы и огромное большинство словъ,
которыя мы употребляемъ, но сверхъ
ихъ, имѣетъ еще рядъ формъ и
словъ, которыя намъ хорошо извѣ-
стны, но которыя мы считаемъ
вульгарными. Это формы: им.-вин.
мн. маé (= мои), твaé, род. мн.
рублёфъ, баранкыфъ (рядомъ: ба-
ранкыхъ), дёнь, саженьсажонь (= дней, са-
жень), да пейхъ порь, изъявит.
н. яжёть, повел. н. пайошь (= по-

ложи), пальнúти, не трош (= трогай), слышь, наст. время хошь (= хочешь); это слова: пужáть, пужáть, яя-лица, убéчь (= убежать), встрéтуся (= встретиться), сусéть, убúвицу, éр-тоть, пóнича, тапéрича, дóйя, тý-тытря, дарлúя, во́ (= вот), аттóдова и т. п.

Не безынтересно заметить, что часть вышеприведенных вульгарных форм и слов были в употреблении у всех москвичей не только XVII в. (напр. у царя Алексея Михайловича), но далее XVIII в.; они встречаются более или менее часто в литературном языке писателей XVIII в.

Очевидно, наша интеллигенция утратила эти слова не ранее конца XVIII века.

Наш умеренно-окающий говор не обладает значительною территорией. На северо-от Москвы, где не слышится оканья, на юго,

ня юго-востока и ня запад Московской губ. уже появляются особенности говоров сильно окающих. Говоры Серпуховского и Верейского уездов имеют бо́льшее количество случаев употребления неударенного а, чьим подмосковный: по́ля, мо́ря (им.-вин. ед., постоянно); сверх того, в нем древнее твердое к в конце некоторых имен и наречий, перед а и у, заменяется мягким: Ва́ньця, коне́йця, чи́ю (откуда иногда мягкие т: Ваньтя); появляются формы род.-вин. мине́, тебе́, себе́ (рядом с меня́), дат. мне́, тебе́, себе́ (рядом с тебѣ), род.-вин. йе́ (рядом с йе = ее), 3 л. идёть, идуть, возвратн. зам. скайусе, скайсесе (рядом с — ся); настоящее 3 лица иногда звучит ёнь, йна́, йно́. Говоры северных частей Рязанской, Тульской и Калужской губ., вероятно, нижемос-

или почти ничѣмъ не отличается отъ говора юга Московской губ. Но дальше начинаются сильно окающіе говоры.

Сильно окающіе говоры, имѣя нѣкоторыя отличія другъ отъ друга (на которыя мы укажемъ ниже), въ общемъ представляютъ одно цѣлое, занимающее почти всю Калужскую, почти всю Тульскую, почти всю Рязанскую, почти всю Тамбовскую, всю Орловскую, всю Курскую, всю Воронежскую губ.[1]), весь великорусскій югъ, отчасти востокъ и западъ (о нихъ у насъ недостаточно свѣдѣній). Особенности этихъ говоровъ, повторяющіяся въ большинствѣ ихъ, — слѣдующія.

Гласные неударяемые. Мѣсто нашего неударяемаго а занято тоже а, но болѣе открытымъ, рѣзкимъ, произносимымъ отчётливо, непріятно

1) Мы говоримъ, конечно, только о великорусск. частяхъ.

для нашего слуха. Этот последний звукъ слышится такъже на мѣстѣ нашихъ и и глухаго близкаго къ ы – послѣ j, мягкихъ согласныхъ, шипящихъ и ц: 1) въ слогѣ передъ ударяемымъ твердымъ слогомъ: пя́токъ, часы́, маля́ть, цыня́, перя́хоть, пяро́, вязу́, а нерѣдко и въ томъ же слогѣ передъ ударяемымъ мягкимъ слогомъ: шоги́, пя́ле, вязми́, бя́ри́тя, пя́ве́стя (= везми...), 2) въ слогѣ послѣ ударенія: ску́шала, пе́рязь (= передъ), те́рязь, въ те́рязи; 3) въ концѣ словъ: по́ля, ми́ря, скоре́я, на во́зя, бя́ри́тя, ска́ня (= скачетъ), игра́я. Иногда а является даже на мѣстѣ древняго неударяемаго и: бя́ря́нь (= баринъ), видя (видитъ). Вслѣдствіе этого употребленіе неударяемыхъ и и глухаго ы очень ограничено; эти гласные всего чаще слышатся во 2мъ слогѣ передъ удареніемъ: jыравóй, пытáюсь, ты-

ганить, зыкатель, и то не всегда (может быть и яровой, пятачок, в начале слова всегда а - адда-ля), но и (после же, ше, ц - ы) сравнительно нередко в самом начале перед и после ударения при следующем мягком слоге: визий, невéста, ясыпеть, игрáть, слышыть (3 л. ед.), и в конце слов (особенно после гортанных): на бéряги, в скаски (сказку).

Неударяемое у заменяется через в и, наоборот, является на месте в: вкрасть (= украсть), в отцá (= у -), у гóрать, умéсти, ув дарéй (= в вёсь).

Согласные. Конечные губные (особенно п и ф) звучат твердо: голупъ, любофъ, даже семъ.

Губное в перед у может опускаться: карбушка (коровушка).

Гортанное г перед гласными произносится или более часто, чем у нас, или даже постоянно

Как к.

Сортание к перед а и у в конце слова, при предшествующем мягком согласном или j, звучит не твердо, как у нас, а мягко: Ва́ньк'а, кан'е́ш'к'а, пе́ньч'к'а, то́л'к'а (откуда иногда мягкое т: Ваньт'а).

При шипящем ш (ж) сохраняется твердое к: ба́бушка, дорожка.

Шипящие ж и ш при удвоении звучат твердо: вижжу, боятся, шшура, шшедить.

Гласный у в начале слова, если предшествующее слово оканчивается на гласный, может иметь перед собой j: на йо́лицы.

Между формами в сильно-окающих говорах распространены формы род.-вин. мен'е́, теб'е́, дат. мн'е́, теб'е́, соб'е́, род.-вин. йе́, же́ (=ё́); формы род. ед. жен. р. (особенно с предлогами) не только на ы, но и на е́: нет выб'е́, ходь ясыне́; формы род. ед. прил-

ляются и местоим. не только
ня вó, óва, ява, но и ня нó,
óна, яна; янó, чянó, дóбрана;
именит.-вин. мн. мяé, твяé, чьé;
3-го л. ед. и мн. ня ть и бесчть: идёть или идеть, идё, или
идé, или íдя, вúдять и вúдя
(=видять) съ гортанными вместо шипящихъ: пякёть, пякéть;
возвр. замена ня ся (рядомъ: ся,
рѣже ся): скáдуся, скáжуся).
Существительныя средн. рода въ
сильно акающихъ говорахъ более
или менѣе часто соединяются
съ прилагательными и местоимениями женскаго рода: мяя
сялó (=мое село).
Местоимение 3го мяя обыкновенно звучитъ: ёнъ, яня, янó.

Остановимся на отдѣльныхъ говорахъ сильно акающаго центра.
В говорахъ Калужской губ. мы
имѣемъ мало свѣдѣній.

Въ говорѣ с. Воронцова, Тарусскаго у., окаянье сильно: сонный, боромотать, бору́, няну́, доянье: невѣ́ста. Сверхъ того: г = ɣ (но: оружь, род. мн. ножъ), у вм. в, твердость двойныхъ жс и шш, хв вм. фр: Хвёня, хва́ртукъ, формы род. добровья, явю́, яё, 3 л. ед. идёть, иде́, любя́, 2 л. мн. идёте. Въ говорѣ Калужскаго, Перемышльскаго и Лихвинскаго у. отмѣчено: няну́, ряка́, питаючь и пятачо́къ, мо́лынькимъ, вы баю́тте, мя́лай (вм.), то́лькя, копе́ичкю, Ва́ськя (и Ва́сьтя, Перем. у.), увёсь, усё, у ку́чу, орёй (род. мн.) в одно́во; г произносится очень часто какъ х; вм. фр иногда слышится хв: мархва, хвунтъ (но иногда звучитъ ясно); двойныя жс и шш твердыя; ɟ передъ у: ɟо ночь (Лихв. у.) формы род. ед. тиня́ и миня́, куль сахе́ (около сохи), дат. тобе́, мѣстн. ед. на тей доро́ги

(= по той), им. мн. они́, дат. мн. маша дёмъ, мѣстн. маша дёхъ (Кал. у.), 3 л. скидя́ть, гуля́ю (= гуляетъ, Мещ. у. [1]).

Мещовскій у.: ясна́ймися, въ нась (= у насъ), ва мне́ (= у меня), ва шуясихъ варотъ; орогрыи род. ед. тае́ (= тебя), дат. тае́ (= тебѣ), род. у те (= у тебя), чаго́ и ма-во (= моего), дат. мн. сяня́мъ, 3 л. ед. (въ пѣснѣ): кого мнѣ любить будити. Мѣстоимѣній що [2].

Козельскій у. повидимому представляетъ (подобно Мещовскому у.) нѣчто особенное въ діалектическомъ отношеніи сравнительно съ восточною частью губерніи; по крайней мѣрѣ, по словамъ уроженцевъ восточной части уѣзда, въ Козельскомъ уѣздѣ такъ говорятъ, что „и понять нельзя".

---

1) Кирѣевскій, пѣсни, VIII, 47; Аѳанасьевъ, Сказки, III; замѣтка м. Поливановой.

2) Калужскія Губ. Вѣдом. 1860 г., №№ 27–28.

Мосальский говоръ, кажется, не отличается никакими выдающимися особенностями говора: молодёшенька, ня пьёть, бирётя, свитокъ = цвьтъ, винокъ, бирёза, у вм. в, мягкость R, твердость двойного ш, формы род. мине', 3 л. на ть: идёть 3).

Относительно говора Жиздринскаго у. мы знаемъ лишь то, что въ немъ есть смъна у и в.

Наблюдатель указываетъ, что „въ произношеніи Мосальскаго у. и западной части Жиздринскаго замѣтно вліяніе Бѣлоруссіи" 4).

---

3). Р. Орлов. Вѣстн. 1879 г. № 1. стр. 98.

4) Матеріалы для географ. и стат. Россіи (Кал. губ.), стр. 185. Отмѣтимъ встрѣтившіяся мѣстныя названія жителей. Жители зап. части Мосальск. у. Калужской губ. и Брянск. и Трубчевскаго у. Орловской извѣстны подъ именемъ полѣховъ, а жители вост. ч. Мосальскаго у. наз. поляне (Мат. для геогр. и стат. Р. Кал. губ., 184; Очерки Россіи, Поссека, IV).

Наши сведения о говорах Тульской губ. также не обширны.

Въ соседстве съ Московскою губ. Каширскомъ у. (село Григорьевское) аканье еще слабо: бяру́, пяту́ (чаще), рядомъ съ бяру́, пяту́ (рѣже); мѣшаніе у и в ноутъ; мягкое к обычно: чайкю; двойныя яс и ш часто мягки (не всегда); Хорё-дярь; любо́дярь. Формы: род. мне́, іё, твоявó, чавó; 3 л. идёть и идё; съ стяженіемъ гласныхъ: знашь, ни дéлашь [1].

Около Тулы и у мещанъ самой Тулы аканье сильно: пятóкъ, вязу́, часы́, ясанóй, ня знáю, дóбрай, далéче: мятётъ, бярёза, зялёнай, падúтя (пойдите), харашó, тарáкать, мялóй (милый), пячавó (ничего); но: бирéгъ, шчо́, спáть, писáть, камень, человéкъ, на вóзи,

---

1) На основаніи сообщенія Н. М. Рудневой. Онъ замѣчаетъ, что одна деревня Каширск. у., Хорошово, „поетъ".

на бе́реши, тыграи́ть 2). Конечныя р и ф мягки: каронь, любофь; г = h чаще, чѣмъ у насъ, но не постоянно: на бирявý (отсюда: бе́рявъ, удрýхъ, пехъ); ф вмѣсто хв: фост, фóрост, х, хор вм. ф: хрунить, Хорёдаръ. Фрумыя линія, тибя́, јіё, чаво́, добрава, мово́; 3 л. ед. пьёть, ясцёть, пьё, игра́ить, игра́я, хо́дя; можно указать еще на а вмѣсто ое: мово́, тваво́ (род.), на ф. сравнит. степ. ня́я (иногда): скоря́я 3).

---

2) Наблюдатель говоритъ: „въ тульскомъ говорѣ неударяемое я почти никогда не переходитъ въ другіе звуки; напротивъ, существуетъ какое-то особенное тяготѣніе къ этому звуку" (Р. ориг. Юзеф. 1883 г. №3, стр. 28). Говоръ тульскихъ мѣщанокъ еще недавно былъ такимъ... „почти ничего непріятнаго, какъ слышатъ разговаривающихъ между собою здѣшнихъ женщинъ. Одни слова они произносятъ и тянутъ, другія понижаютъ и скороговорятъ" (Гилфердингъ, Зап. р. путеш. с 1823 по 1827 г. Спб. 1837, I, 28.).

3) Р. ориг. В. 1880 г. №2, 1883 г. №3.

Село Горловское, Тульского у.: сынай бяру', бярёшь, пиряняcу', даётя; мягкий у и в конце; мягкого р конце; ор сохраняется; двойной жс и ш твердый: пишшо́ть (но: пуш); кроорь (= кровь). Формы: род. мине́, тибе́, дат. тобе́, и тибе́, род. явво́, маявво́ и мавво́; 3 л. ед. идёть и идёт, идё и иде́, любить и любя, 3 л. мн. любють, 2 л. ед. идёшь и идёш, 2 л. мн. идёте и идёте, 1 л. мн. идём и идём; возвр. з. боюсь, боюсь, боисьси (2 л.).

Села Слободка и Бочарово, тоже же говора: сынай и сонай, бяру бярёшь и бирёш, идёте, въ ограде; в мине́ (= у меня), у своё время; чайкю́, дочкя, тольця (Слоб.) и тольки (Бочар.); пишшать; Хлеб, квасить, кроорь. Формы: род. ед. мине́, тибе́, дат. мине́, тобе́, род. явво́, мавво́; 3 л. ед. идёть, любит; возвр. з. на ся и св

Въ сосѣдствѣ съ Тульскимъ Крапивенскомъ говоръ почти тотъ же, что въ Тульскомъ. Только оформы род. ед. звучатъ чано́, до́брана, ор. 3 л. ед. пьетъ (съ ѣ, не съ ё); другія оформ. наст. вр. пьешь, пьемъ, пьетя; отмѣчено употребленіе ор. дат. мн. въ значеніи твор.: бить нагамъ. Замѣна хъ черезъ ф здѣсь не отмѣчена[4]) О говорѣ Новосильскаго у. нашъ свѣдѣній скудны. Отмѣчено рядомъ съ употребленіемъ я въ лянёшка, зна́я, лю́бя, ви́дя (3 л. ед.) и т. п., частое употребленіе и: рибі́на, чисо́вня, чипра́къ, рядавой. Отмѣчены также ор. дат. и мѣстн. съ древнимъ свистящимъ: на нарóди, въ кабаце́, на ве́рси, и ор. тае́, сае́ (= тебѣ, себѣ)[1]).

---

4) Ф. Орл. В. 1880 г. №№ 2 и 4, 1883 г. № 3. Наблюдатель характеризуетъ крапивенскій говоръ: „произношеніе словъ бываетъ грубое и рѣзкое".

1) Этнограф. сборникъ, II, 94.

В говоре Тульского у. мы замечаем то, что в нем есть замена в через у: у Тулы [2], а в говоре Черского у. — что в нем формы род. ед. имеют к: чяко́.

Из говоров Орловской губ. мы имеем немного сведений о говорах Елецкого, Ливенского, и Малоархангельского уездов.

В говоре Елецкого у. наши сведения скудны. Наблюдатель указывает на сильное яканье: бя́ра́м, Я́ле́ць, зна́я, ви́дя (3 л. ед.) [3], на у вм. в и наоборот:

---

2) «Тульское наречие, удаляясь от правильного тульского, приближается более к калужскому и отличается особенным употреблением предлогов, своеобразным выговором слов, незаметным в других областных наречиях. В коротком и звучном произношении мужчин слышно всегда грубое о и редко встречаются мягкие тоны. Тульский в быстром, почти всегда визгливом выговоре звука в превращается в у и всегда говорят: быль у Тулы. Так только говорят

Продолж. на след. стр.

узя́ли, ув Ямбу́ј, вшолъ (= ушелъ), въ – бя́тюшки, на мягкое к̄, твердость двойнаго ш̄, формы 3 л. безъ ть (пайдё), ф. возвр. з. на сѧ. Онъ отмѣчаетъ еще одну „вя́жущую" черту – мягкое л̄, „слышимое особенно въ женскомъ говорѣ" и близкое къ франц. l: пришлa, былa [4]).

Въ говорѣ Ливенскаго у. мы знаемъ менѣе. Въ немъ отмѣчены только у вм. в и на оборотъ, твердое двойное ш̄, формы 3 л. на ть (идётъ). Аканье съ едва ли принадлежитъ

людей средняго класса. Въ выговорѣ поселянъ Гдовскаго уѣзда замѣтно болѣе пріятности и очень рѣдко можно встрѣтить людей съ городскимъ тяжелымъ словамъ". Маякъ 1843 г. кн. 16, стр. 56 (смѣсь).

3) По его словамъ, во всѣхъ уѣздахъ выговариваютъ по московски на а и весьма рѣдко.

4) Стаховичъ. Исторія, этнографія и статистика Лифляндскаго у. М. 1858 (то же въ Вѣстн. имп. Р. Геогр. общ., ч. 25). Такое же л̄ и въ эстонской рѣчи, говорятъ, слышится въ Ревельск. губ.

Ря́зань особенно сильнаго: я́зыкá 5). Говоръ Малоархангельскаго у. принадлежитъ къ числу очень сильно акающихъ. Въ немъ отмѣчены у вм. в и на оборотъ, формы род. ед. на во: яво́, дат. тибе́, 3 л. ед. идетъ, сидитъ, 2 л. мн. идёте, возвр. з. ноя. си (рядомъ съ ф. на ся) 6). Наличность К нѣтъ указаній.

Съ говорами Курской губ. мы сравнительно хорошо знакомы.

Говоръ Щигровскаго у. принадлежитъ къ числу очень сильно акающихъ (бярёза, на нявéстя, вúдя, 3 ед., залатúя гривну, вин.). Гласное ы въ немъ большая рѣдкость и является иногда лишь во 2-мъ слогѣ передъ удареніемъ (тарякíть, залатóй); неударяемое и не имѣетъ древнихъ

5) Матеріалы къ „Опыту" Ломоносова, Т-ще изд., вып. 3.

6) Матеріалы въ „Пѣснях" собр. Якушкинымъ и въ „Калинкѣ" Безсонова.

я и ѣ употребляется тоже не на-сто или во 2-мъ слогѣ передъ ударе-ніемъ (племя́нá), или послѣ ударенія (яко́нчкя); у и в мѣняются; мяг-кое к: чайкю; двойныя як и ш — твердыя; конечное н твердо: го́лунъ; вмѣсто конечнаго мягкаго ор — твер-дое в: кровъ (= кровь); г постоянно = х; хв и х постоянно вм. ор: Хве́доры, орфмы род. мнѣ́, тебѣ́, явѣ́; дат. мнѣ́, тобѣ́; род. тыѣ, адныѣ (= той, одной), дат.-мѣстн. тэ́й, одно́й, твор. тэ́ю, одно́ю; мѣстн. ед. мудр. ср. р. на у: у дому́, объ мясу́, на раню́, объ пятнáстью; дат.-мѣстн. ед. ж. р. посль гортанныхъ на и́: рякѝ; рядомъ ор. дат.-мѣстн. ед. ж. р. съ древнимъ смѣстящимся: на до-ро́зэ, на руцѣ́; 3 л. ед. нясе́ть, мя-се́, лю́бя; 3 л. мн. ясуясяся́, га-варя́ (но: идутъ); при ор. возвр. з. на си передъ ор. на ся (не са)[1]

[1] Матеріалъ, прекрасно запис. въ Р. Орѣв. Вѣстн. 1879 г. и сльд. Опис. говора тѣхъ же, 1879 г. № 2.

Въ Тимскомъ[2] и Старооскольскомъ[3] уѣздахъ говоръ тотъ же, что въ Щигровскомъ. Въ Старооскольскомъ отмѣчены ф. род. на но: яго́, и ф. 3 л. идётъ.

Въ Обоянскомъ и Судженскомъ у. глухое в совсѣмъ неизвѣстно (таро́нить), но и на мѣстѣ я, е очень распространено, такъ что рядомъ съ сястро́й, бярёзя, бобя (дат.) — слышится систро́й, бирёзя, у по́ли.

Другія особенности тѣ же, что въ Щигровскомъ у. Можно отмѣтить только ф. род. на но: яго́, до́бра-го, мие́, сие́ (= тебя, себя), дат. мае́, сае́ (= тебѣ), дат.-мѣстн. ед. яс. р. бядо́й, на рако́й, а блоко́й, мѣстн. муж. — ср. р. на у: объ яко́ву, при Ива́ну, на концу́, при гро́шу, объ сяну́, (отъ сено), въ яку́ (рядомъ

2) Матеріалы въ трудахъ Курской губ. Статист. Комитета, вып. I. Курскъ 1863 г.

3) Фрилой. Зап. 1867 г.

на кáкий, обь рублéй), 3 л. ед. несéть, лéть и несé, 2 л. несéшь, несéтя (съ е), 3 л. мн. стоя́, спя́ (но: несýть). Сверхъ того, здѣсь слышны ф. дат.-мѣстн. женск. р. на э́й (вм. ой): той, одно́й 4). О говорѣ новосколькаго у. можно сказать, что онъ занимаетъ среднее мѣсто между говоромъ щигровскаго у. и говоромъ обоянскаго. Глухое ы въ немъ неизвѣстно, и вм. я, е нерѣдко: ночева́ть, мета́ть, тысеча. Но формы тіе́, сіе́, тое́, сае́ такъже неизвѣстны (вмѣсто нихъ тибе́, тобе́). Ф. род. мѣняютъ окончаніе: по: яго́, но рядомъ отмѣчена форма зимняя; ф. 3 л. несéть и несé, 2 л. несéшь, 3 л. мн. стоя́ и идýть, возв. з. на сь и на ся 1)

4) Матеріалы и описаніе въ Трудахъ Курск. г. Стат. Ком. вып. I. — Р. орѳм. В. 1889 г. № 1; Этногр. сб., V. О „саянай" (какъ называютъ женщинъ об. и Судже. у., отъ дат. сае?) см. также Е. Добротворскаго въ Конст. Евар. 1888 г. № 9.

1) Р. Ѳилол. В. 1889 г. № 2.

говоры Выгородского у. принадлежить къ числу самобытныхъ. Оканье по очень близко къ аканью предударного говора. Глухое ы почти нигдѣ только послѣ шипящихъ: жыка'); и вм. я, е нерѣдко. Формы род. мыне', тыбе', яво, свояво', добрава; др. дат. тыбе', 3 л. на ть, возвр. з. на сы: зашыталысы, лаялысы. Рядомъ съ этими великорусскими особенностями есть малорусскія: спорадическое неударяемое о: мо-лодзець, го'лосомъ; спорад. и вм. ъ: къ ясыни; спорад. соч. звонкій вм. глухихъ: дорóяска (рядомъ: поть пустомъ) [2].

---

2) Тамъ же 1882 г. №1. О „Курской народности" (такъ авторъ называетъ говоры всей орловской, Курской и юго-зап. частей Рязанск. и Тульск. губ.) см. интересную ст. Васьянова въ „Очеркахъ Россіи" Вад. Кассека, вып. IV, М. 1840. О немъ же ст. въ Памятн. Курск. губ. на 1893 г. Матеріалы по одонцамъ изъ курск. гов. в Р. Фил. В. 1879 г. №1, на другихъ — въ „Сказаніи" Добровольскаго

Говоръ Путивльскаго у. также принадлежитъ къ числу смѣшанныхъ. Глухое ъ неизвѣстенъ; и вм. я, е сравнительно часто: ризвóй, одевáтай (рядомъ, чаще: бярёза, бáлькай). Формы род. на го: яго; ор. род.-дат.-мѣстн. ед. р. на ôй: одной, свято̀й, какóй, бальшóй; ор. дат.-мѣстн. ед. р. на ъ: въ яслáхъ, на травъ; ор. тв. мн. на ми: самыми, самозвáми; ор. крыю, мыю. Рядомъ съ великорусскими особенностями мы находимъ въ этомъ говорѣ черты малорусскія и бѣлорусскія. Таковы еще: спорадическое и вм. ъ: сняги = = снѣги, пальядимъ; двойныя л, н, д и др. вмѣсто ль, нь, дь: намю̀. = намью, вýгалья, замирéнья; звонкія въ концѣ и серединѣ словъ: годъ, грибровъ, сйезки; в вм. л въ ор. прош. вр.: давъ = далъ; ор. 3 л. ёсть = есть.[3])

[3]) Р. фил. В. 1886 г. № 4.

Вотъ наши свѣдѣнія о говорахъ Рязанской губ.

Говоръ Зарайскаго у. повидимому, близокъ къ подмосковному.

Отмѣчено только: цѣрковь и церковь, и частое г = ɣ.

Говоры центра и юга Рязан. г. — уже сильно акающіе, съ мягкимъ р: чайтрю́, твердыми двойными яе и ие, съ j передъ у въ началѣ словъ послѣ гласныхъ: ня юмщу, съ прилаг. женск. р. при существительн. средн. р.: густа́я дирявю́, худа́я вядро́; мѣна у и в въ нихъ сравнительно рѣдкія и повсемѣстныя.

Изъ говоровъ Скопинскаго у.

Отмѣчено: шьлёшь, ясьмець, лёнтьми (тв.), цицяно́й, сицяро́й, яцянихъ, выняцъ, вы́тощяцъ (= вынесъ, вытащить), подойтя, въ убо́рце, дарце ко́сидя (вин. ед. ж. р.); г = h (ноч, дёняць, род.); оформы род. мине́ и миня́, яво́, своево́, jеё, дат. табе́,

мыстн. на у: на мо́стику; 3 л. аре́ть (и безъ ть), возвр. з конча́ться и купа́ться; мистоимение (мистоими) ндо[1]).

Въ одномъ говоры Донковскаго у. (дер. Черныше́вка): пяро́, ясна́, ля́тэли, гри чиво́, свеча́, вели́, по́гриць, въ по́ли, на ахо́тушки; сверхъ того: формы род. чиво́, сваво́, 3 л. на ть. Вид: нать кра́сную якошику. Въ другомъ говоры того же у. (д. Гремячка): молодя́, ясна́, ря́домъ съ зайцу́, мися (= мыся), спишиць; сверхъ того, мя́гкое ясд вм. ясс въ сьмяхо́ячь (= съмяхаць); формы род. чиво́ 3 л. на ть[2]).

Говоры Ольденбургскаго у. имѣютъ глухое ы во 2-мъ слогѣ передъ ударе́ніемъ и въ слогѣ послѣ уда-

---

1) Будде. Въ діалектахъ великорусскихъ народовъ. Изслѣдованіе особенностей рязанскаго говора. Варш. 1892 г. — Яз. и слов. 1894 г., I, 288, 290.

2) на основаніи сообщенія О. Н. Семеновой.

ренія: тырять, по́ миру (также ясмле́ть); въ нихъ обычно и передъ ударе́ніемъ и послѣ ударе́нія: бе-ре́за, вну́къ, систра́, ко́нишь, ска-зываешь, на во́зи, на бе́реги, ряду́ись съ сястра́, яво́, чатыри, играя (3 л.); г=h; мягкія у и в нѣтъ; двойное же можетъ быть мягко (вняжно), но двойное ш твердо; вмѣсто мягкаго к мѣстами мягкое ть: Ваньтя; формы род. jié, яé, явó, до́брыва; 3 л. ед. — придёть и придё (ср. 3 л. мн. бегуть нѣтъ); ср. возвр. з. оканчиваются на сь и на сяг 3).

Говоры ряжской части Ряз. губ. приподмѣсать къ числу переходно-смѣшанныхъ и соединяютъ въ себѣ черты окающихъ говоровъ съ чертами говоровъ окающихъ, и сверхъ того, имѣютъ не мало своихъ собственныхъ своеобразныхъ чертъ.

3). Пам. книжка Ряз. губ. на 1868 г., ст. Ермакова; ясн. старина 1891 г., IV, 1894 г. II, матеріалы о. н. семенова.

„При переходе через Оку (с юго-востока), говорит наблюдатель, мы слышим говоры тоясно-рязанский лишь на расстоянии каких-нибудь 10–15 верст, и то с легкой примесью оканья". Здесь, в Спасском у., при преобладающем г=h, есть и г=g. Далее, с д. Деревенское, начинается новая группа говоров, занимающая большую часть Спасского и Касимовского уездов. Все они более или менее сильно окающие. Одни из них, большая часть, имеют лишь ц (твердое) вм. ч, другие (в углу Кас. у. от р. Гуся, вниз по Оке, до границы Тамбовской губ.) — взаимную смену звуков ц и ч, третьи (центра Касим. у.) меняют средние звуки: ч с свистящим оттенком и ц с шипящим. Обширный район около с. Тумы, Касим. у., отличается шепелявостью: свои говоры, мягкое с в нем звучит с шипящим отт-

тынкомы: де́с^{ы}чить (десять); такъ же, но кажется, рѣзче, звучитъ мягкое з: з^{ъ}ямля́, з^{ъ}я́ть.

Тотъ же районъ и еще нѣкоторыя мѣстности Канск. у. имѣютъ мягкія д и т (особенно д) съ свистящимъ оттѣнкомъ: ядзе́ясь; а въ одной мѣстности (Парѣнской волость на сѣверѣ Канск. у.) мягкое д звучитъ такъ съ шипящимъ оттѣнкомъ: ядзе́ясь. Наблюдается отмѣтить въ закской группѣ говоровъ „растянутость рѣчи", которая сообщаетъ ей „какую-то особенную музыкальность". Ему посвящались долгіе глухіе въ родныхъ частяхъ слова, не всегда чаще въ концѣ ихъ; въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ (Китовская и Парѣнская волости и с. Ярыгино Канск. у.) онъ сѣмѣются даже дифтонги уо и е, подъ удареніемъ и безъ ударенія: зимуо́й, уобы, придуо́ть (3 л. мн.), придуо́ть (3 л. ед.), дымяруо́; стя-

нѣмъ, купѣмъ (1 л. мн.), между прочимъ на мѣстѣ древняго ѣ: мѣ́ра, пѣ́сьня (съ преобладаніемъ по і то е). Употребленіе у вм. в въ этой группѣ очень распространено, даже между гласными, т. е. не только въ бу́ди (рядомъ съ бу́ди), кузаў (кузовъ), но и яу́о́ (рядомъ съ яво́); встрѣчается у даже вм. твердаго л въ концѣ словъ. Кромѣ того, твердое в нерѣдко звучитъ какъ ф и х: ф Москвѣ́ (= въ —), ф водѣ́ (въ —), х по́ля, х сабо́ри, лохка (ловко), дѣ́хри (дрова), яхлиха (ялина), зубоф (род.), а мягкое в черезъ j: свяхрёj (свекровь), любёји (любовь), галёјки (головки). Наконецъ встрѣчается опущеніе в между твердыми гласными, между прочимъ въ формахъ род. п. уаво́ (чело), въ началѣ и въ концѣ словъ. Другія спорадическія черты: у вм. о безъ ударенія: за нявѣ́стуў, самаўзуў; глухое

ы вн слоги передъ ударенiемъ: гыстiя, сысвáтаи; е вм. я: опéть, дéдя, éсли: дрыгие: ни вм. дн: яниня; ли вм. бл: яблиáнь; жяе вм. жд: яжяеши = ждеши, жяеи = жди; двойныя жс и шт то твердыя, то мягкiя: дошь и дожясéдь; х и хв вм. ор: хéдя; изрыдка умыгчаю мягкаго д передъ j: поjéмъ, хоjетъ, склаjёшь (парах. вол.); мыстами мягкость к (китовск. вол.); мягкость с вн судор. ск: атцóськай.

Оформы род. ед. jiё, тея, доброва, цяо и даже цо; 3 л. вн одныхъ мыстахъ (Спасск. у. и точ Касим. у.) на ть, вн другихъ на ть и безъ ть, вн третьихъ рядомъ и на ть, и на ть; 1 л. ед. сóюстюся, устýпю, сню, возвр. з. иногда на си. Оформы им. и вин. ед. ж. р. членныхъ прилаг.: изба бальшáя, рядомъ съ бальшóя и т. п. Оформы членя сравнительно разно-

образцы: работу — ту, бабы — ты. Существит. ср. р. могут иметь при себе прилагат. женск. р. местоимение звучить: што, штё, што, шё[1]) Говоры восточной части Могилевскаго у., вероятно, близки къ говорамъ Спасскаго и Касповскаго у.; во всякомъ случаѣ, они имѣютъ мѣну ц и ч.

Мы не богаты свѣдѣніями о говорахъ Тамбовской губ.
Въ сѣверной ея части, въ Радомскомъ уѣздѣ, слышится (мѣстами?[2]) очень сильное аканье: тяра́пить, чатыра́, яцо́, ня́ увіда́я, бу́дя (3 л.), вы́ести. Но есть и ѣ передъ ударяемымъ мягкимъ слогомъ: бярёза. Кромѣ того здѣсь отмѣчена мягкость р, орёлъ род. ёе, ярё, 3 л. придё.
Свѣдѣнія объ южной группѣ говоровъ — въ позднѣйшемъ трудѣ Будде, въ его же соч. „Къ исторіи великорусскихъ говоровъ" Каз. 1896 г. (мы могли познакомиться лишь съ

Местоимение что звучит цо [1]. Говоры цацкаю и тамбовскаю ч. оканчив. слабые: пятёк, пирожёк, на бирёзак, невёстка. Глухой изъясняет: тыранить. Отличены еще формы род. миня, ие, возвр. з. на си др. з л., повидимому, оканчиваются на ти [2].

Одинъ изъ говоровъ Липецкаго ч. Кажется, тождественъ съ тамбовскимъ. Ядерны съ пятёк, бирёзка (2 л. мн.), здесь часты глухие и (тыранить, питерщык, твор.) и и (бирёзка, на предлогу). Отличены формы род. миня, ие, 3 л. ед. на ть и безъ ть (писёть и ё = есть), возвр. з. на си. Местоимение звучит цо. Можетъ у и в и мягкаго к повидимому отлич.

начальномъ этого сочинения), и въ его же „отчете" (Уч. Зап. Каз. ун. 1895 г., т. I.

[1] Материалы въ „Сказаніи" Ломоносова. [2] Мат. тамъ же (1е изд. вып. 2).

Другой говоры того же у. имеет сильные: бя́рёня, нябёсный, дя́вять, зюбя́ю, цяря́я, убя́тия (родит. ед. убя́тива, род.) отличены мягкость к, твердость двойного ш и др. род. явó. Местоимение звучит цудо 3)

Воронежская губ. заняты Великорусами-переселенцами из разных областей вр. нарочит. Названия сел (напр., в Воронежском у.: Московское, Коломенское, Моясайское, Москаленское, Данковка) часто показывают, откуда вышли их жители. В одном селе иногда живут переселенцы из разных губерний. Отсюда разнообразие мелких черт в говорах, говорятят яно́, кано́ и яво́, каво́, бя́рёшь и бя́ре́шь, што и цо. Отсюда пестрота произношения, данная жителями Воронеж-

3) Материалы тамже (вып. 2).

свой губ. друг-друга: ягуны, кагуны, цекуны 4).

4) „Между Великороссиянами тѣ, которые принадлежатъ къ сословію однодворцевъ, особенно въ сѣверо-западной половинѣ губерній, носятъ общее названіе Малагаевъ или цекуновъ, по произношенію большею частію ими ихъ цо вм. что; принадлежащіе же къ разряду бывшихъ экономическихъ крестьянъ, наиболѣе поселенные по р. Ороросатѣ, въ уѣздахъ Воронежскомъ и Ростоярскомъ, называются цуканами, отъ цуканья, т. е. произношенія нѣкоторыми изъ нихъ буквы ц вм. ч.

Малаганъ называютъ себя старожилами и не знаютъ, откуда переселились сюда ихъ предки; у цуконовъ, напротивъ, по большей части сохраняется въ памяти разсказъ отцовъ о томъ, изъ какихъ

Северо-Воронежской губ. едва ли отличается отъ того Тамбовскаго.

изъ такихъ мѣстностей они вышли: названія многихъ селеній, въ которыхъ живутъ цуканы, ясно указываютъ на мѣста первоначальнаго ихъ жительства; напримѣръ, поселки Московскій, Москаевскій, Моздокскій, Коломенскій, Вощиркій, Одоевскій, Дорогобужскій, Новосильскій, Веревскій, Мещовскій, Кашфранскій.

Замѣтимъ здѣсь кстати, что нѣкоторые экономическіе крестьяне, выселившіеся не изъ подмосковныхъ мѣстностей, не называются ни цуканами, ни малаканами. Точно такое же встрѣчается этихъ названій въ того восточной полосѣ губерніи: Воронежскій Епархіальный Сборникъ. т. II, Воронежъ., 1886 г. стр. 269; — Ворон. Тверской, стр. 265.

Середина ея, уроды нижне-дубовицкий[1] и бобровский[2], имеютъ говоры очень близкіе къ соседнимъ говорамъ Курской губ. — щигровскому и старооскольскому. Яканье здѣсь очень сильно: дя́рёвя, пя́лью, ня ёзди́ш, ве́сять, игра́ю, пла́чя (3 ед.), бя́рёшь, на бо́ю, въ астро́ю, на маши́ню, даяче ясаю́ маладу́ю. Цокае не — очень рѣдко (тоскать); и вмѣсто я, е — чаще: бирёза, нибёста, зна́шить, прибя́шёл. Здѣсь отмѣчено у вш. в и на об., г „вообще" произносимое какъ h, мягкость р, твердость двойныхъ жс и ш, оформы род. мене́, тебе́, 3 л. ед. нясеть и нясёт, няке́, повел. з. на си.

Говоръ мещанъ г. Воронежа, сохранившій великорусскіе городскіе говоры, близокъ къ московскому просторѣчію.

Яканье менѣе сильно,

1) Воронеж. литер. сборн., изд. П. Гарденинымъ. Вып. 1. Воронежъ, 1861.

2) Ермаковъ. Зап. 1885 г., ст. Нрядовка,

чтыкъ у крестьянъ Воронежскаго у. („после шипящихъ чаще употребляется звукъ ы, звукъ же э слышится приближающійся болѣе деревенской рѣчи"): ясыка, ясылáть, рядомъ съ карабóй, пóшаму, раскасавúць, пирыдáйти, рыбóй, бýдзить. Отмѣчены оорыы: им. ед. на і вм. я: Вóни, бáрышни, мóимы мая, бабы схóтка, род. ед. у рикé, у ясынé, вкала тапé, мѣстн. ед. въ гарысмé, оръ чалмé 3)

Теперь передъ нами аканье говоровъ великорусскаго юга и востока, насколько мы ихъ знаемъ по наличнымъ скуднымъ даннымъ. Говоръ городка Новгорода, Черниговской губ., принадлежитъ къ числу сильно аканныхъ. Аканье здѣсь очень сильное: бя́рёза, мастяръ, шрáйз, бѣ-

3) Ком. кн. Воронеж. губ. на 1892 г., вып. II, Воронеж. 1892 г., стр. Никарева.

дя, бярэ́мя, тарапі́ць, радзіць сі́ мілодзей, гэ́ряду (дат.); и вымаўляецца я, а сравнітельна рэдка (во 2мім слогу перэд удар. и ва канцу слов: у хаці). Здзесь отмічаем у вым. в и на обороці, формы род. тябе́, яе́, яно́, свайго́, дат. себе́ и сябе́, 3 л. ед. яго́, сядзіць (по малорусски и бѣлорусски), и нъ-сколько мало-и бѣлорусскіх чертъ: звонкіе на мѣстѣ нашихъ глухихъ: разказаў, ды, ны вм. т, дз, нь: кумпанія, в вм. л (прош. вр. на вш): быў, яскавітых = ярматорк, замовкам = замалчам, переходъ з вмѣсто с, из (зробіць), форма им. ед: муж жывёл (звѣрь), 3 л. ёсць, наст. вр. намыю = намыю, неопр. н: стерэ́гчы, распрацо́ўваць. Словарный составъ говора имѣетъ въ себѣ много малор. и бѣлорусскихъ (ацо) 4)

4) матэрыялы въ „Путевыхъ нашихъ —

В восточной части Новгородской губ. (близ границы Архангельск. г-), говоры ещё ещё сильно отличаются, однако более вр., чем мр. Звуки ѣ, и часто (не всегда) сливаются с предыдущей гласной, при чём вместо ѣ под ударением слышится ё: тёплая хата; ъ=е; ѧ ясно слышно: моя́, нае́но, тя́мица, тябе́ (род.) тяпе́рь, но лишь перед ударением. А рядом много особенностей малорусских: сохранение неударяемых гласных после ударения (а иногда и перед ударн.), сохранение звучных согласных (вонъ и т. п.) дзе вм. же (дзекадзесять), в вместо л (давъ, вовкъ), зъ, соръ вм. съ, изъ, отъ. Зъ рядом зъо стопой. Сверх того, здесь у вм. ь, г=h, форма род. на — но (свайго́). 3 л. ед. е (по мр.), вопр. з. на са

маи" Якутская (осень 1862 г., №1 = Сочин. Якутская) и в „Сказание Доманевского. Из говоров Гомельщины — Великорусск., перех. к малорусск." (Зап. о малор. нар. 3).

(вели́чаться), цо = што. Этот „съверскій" говоръ слышится, кромѣ вост. части Новгородскаго у., еще въ сѣв. части Глуховскаго у. Черн. г., въ юго-вост. углу Трубчевскаго и въ зап. части Севскаго у. Орловск. губ.[1].

Говоръ слободы Трехизбянской, Харьковской губ., Старобѣльскаго у., близъ границы Екатеринославской губ., принадлежитъ къ числу сѣверно-великорусскихъ. Главныя части жителей этой слободы – переселенцы XVIII в. изъ Бѣлгородскаго у.; другая часть – переселенцы позднѣйшаго времени изъ Обоянскаго, Валуйскаго и Нижнедевицкаго у. Здѣсь говорятъ не только пя́токъ, чаёвъ, игра́я, но также: бя́рёза, пя́тачо́къ, е́дя́, ви́дя́ (3. ед.), тара́щъ; впрочемъ и вм. я́, е́ нерѣдко: бярёза, зимёнай. Здѣсь отмѣчено:

1) К. орлов. В. 1884 г. №1.

у вел. в, формы род. мине́, яно́, 3 л. няся́ть (сч. е, не ѣ) и няся́, литя́ть и литя́. У позднейших переселенцев слышно кеё[11] и цо = что [2].

Говоры слободы Бокмутовки, того же у., повидимому, ничем не отличается от говоров слободы Трехизбянской. Отмечено: вя́зу, мячи́ть, вя́рёвка, харакйть, ряфочи сч. бяда́, бяре́, 3 л., шиятьи (= ясн. —), и при бу́де, ко́рме, 3 л. то́локе; у вел. в, г = h (издёхи, проше.), мягкое к иногда х и хв вел. ф, тверд. шш; формы род. ед. чи сомо́ше сч. воде́, яно и ино́, іе́, мине́, вин. же р. одные́ (= одну), род.-мест. одней, мест. на какей стороне́, на каню́, 3 л. на те и деть ть: виде́ть, ду́мае, ко́рме, лю́бя, мн. ч. мяю́тя, ляжа́

[2] Этногр. сборн., т. III.

при мало́тюнь), 2 л. ед. виде́шь, 1 лиц. виде́шь (см. е, не ѣ), повр. з. на ся: наде́йся. Местоимений што. Въ словарь малорусскихъ[3].

О орлецкихъ говорахъ мы мало знаемъ. Донцы-верховцы, говоритъ наблюдатель начала нашего столѣтія, „изъ той части Россіи, гдѣ говорятъ яло, чало и подобныя имъ"; Донцы-низовцы ихъ называютъ чила (что имѣетъ брянское значеніе)[4].
Другой наблюдатель говоритъ: „Верховые казаки говорятъ нарѣчіемъ твердымъ, близко подходящимъ къ великорусскому. За исключеніемъ звуковъ, происходящихъ отъ буквы ѣ, которые они произносятъ безъ всякаго различія, совершеннаго отсутствія звука ы, небольшихъ другихъ мѣ-

3) Р. филол. В. 1893 г., №3
4) Чтенія общ. ист. и др. 1863 г. кн. 3.

станицъ отличаются, во всемъ прочемъ произношеніи ихъ мало отличается отъ сосѣднихъ съ ними губерній. Напротивъ того, произношеніе жителей низовыхъ очень мягко и бываетъ иногда, особенно у мужчинъ, до приторности нѣжно. Нарѣчіе это имѣетъ многіе оттѣнки малороссійскіе и греческіе. Не слѣдуетъ однако заключать, чтобы сдѣланное наблюденіе касательно верховыхъ казаковъ не имѣло вовсе исключенія. Въ самыхъ близкихъ къ Черкаску станицахъ замѣтны въ выговорѣ нѣкоторые оттѣнки, которые жители ихъ перенятъ отъ городовыхъ; также казаки, живущіе по Дону въ станицахъ, ближайшихъ къ Харьковской и Екатеринославской губ., обнаруживаютъ вліяніе малороссійскаго выговора. Въ станицахъ же по Хопру, Медвѣдицѣ и Бузулуку, а также въ самыхъ верхнихъ по Дону — Казанской и Мигулинской, какъ

местами, близкими к губерниям Воронежской, Тамбовской и Саратовской, влияние великорусского говора еще ощутительное, нежели в прочих станицах по Дону" [1].

---

1) Донские Войск. Ведом. 1859 г., №34. Здесь же мы читаем: „Трудно найти где-либо большую разницу в физических и нравственных свойствах, в образе жизни, нравах, обычаях, одежде, даже в наречии, которая отличала и до сих пор еще отличает верховых казаков от низовых. Верховые казаки принадлежат к породе блондинов, по большей части русые и сероглазые; попадающих же брюнетов между ними мало. Низовые казаки — по большей части брюнеты, черноглазые и черноволосые..." Савельев, Сборник донских народных песен, Спб., 1864 г., стр. II, говорит о Донцах-низовцах: „их не трудно отличить по говору, в-

То же мы должны сказать о вр. говорах северного Кавказа.
Жители станицы Темижбекской, Кубанской обл., переселенцы из Бахмутского у. Екатеринославской губ., имеют сильное аканье: пятóрь, пясóк, бярёзá, грáя, вéдя (3 л.), тúя рúку (вин. ед. ж. р.), с употреблением глухого ы во 2-м слоге перед уд.: тыранúть, ры рúкй, и ле : ёе, шмó (еще). Здесь отличен: у вм. в и на об., мягкость к, твердость двойных яс и ш, формы род. мúнé, тибé, ёе, явó, своёó, 3 л. на ть и буд. ть: пясёть, пясё 2).

которыми малороссийская слова, под влиянием мягкого рязанского говора, получили своеобразный характер; он и всю другую словоизговаривается здесь до крайности мягко". У других Добнов, по Савельеву, „рязанский говор".

2) Сборникъ матер. для описания местностей и племенъ Кавказа. Вып. III. Тифл. 1883.

Жители Воронежской станицы (очевидно, переселенцы изъ Воронежской губ.) такъе яканье сильно: приходитя, пишя (3 ед.), но: сн лилбйеть. Отмечено: у вм. в, оформы род. яво', 3 л. ед. буду – ть, возвр. з. на сн и сь (прошйлся). „Въ остальномъ мъстный языкъ болье или менье подходитъ къ литературному русскому яз." 1).

О жителяхъ Великорусскихъ другихъ мъстъ Кубанской обл. мы знаемъ лишь то, что они переселились изъ Елецкаго у., изъ Нижнедевицкаго у., изъ Курской губ., съ Дону 2).

У жителей Терской обл. отмечены у вм. в и на об., оформы род. сн – в 3).

---

1) Кубанскій сборникъ, I, Екатеринодаръ, 1883, стр. 664.

2) Сборникъ .... для опис. Кавк., вып. VI

3) Матеріалы къ Терскому сборнику (приложеніе къ Терскому Календ. на 1891 г.), вып. I. Владикавказъ, 1890 г.

Диалектология. 6-ой семестр

Акающие говоры северного Поволжья — Нижегородской, Казанской, Пензенской и Симбирской губ. принадлежат переселенцам из разных мест вр. центра, заняв. свои места в разное время, начиная с XVII в., и смешавшимся с переселенцами из-за Волги 4). Отсюда в них говорах нередкость особенности северно-великорусския, особенно меня ы и и.

Наши сведения о говоре Краснослободского у. Пензенской губ. ничтожные. Отмечено ы вм. а в слогах перед ударением: цырёфы сыны, цырёвня, рядом с сыстрой, рыпей, стё-

4) Шестьдесят лет назад на говор. часть Лукояновского у. Нижег. г. состояла изъ двухъ деревень, а в 1869 г. — изъ 14. Новыя деревни выведены изъ Орловской, Пензенской, Тамбовской, Нижегородской губ., изъ других частей того же уезда (Нижего-

литея [5].

В говоре Ардатовского у. Нижегородск. губ. мы можем сказать лишь то, что оканье в нем неполное: на дваре́, пара́, смотри́, бядо́ и биду́, бе́лить, рядом с о: Гогу́рий. Глагольныя формы иногда с а вм. ае: знаишь, подме́ливать. Мягкаго к (чайкю) нет, меня ч и в таяне. Меня ц и ч обычна: поцью, сабацо́нка, ме́лничка, рытчя [6].

В говоре Сергачского у. той же губ. тъ же особенности. Глухое ъ по видимому в нем довольно употребительно: минуту́ечка; неударяемое и — также: питьсо́ть,

---

гор. Сборникъ, II, Н.-Новгородъ, 1869).
Переселенцы с севера были далее в Тамбовской губ. Такъ, село Ново-Кирилловское, Спасск. у., основано в XVII в. крестьянами изъ Бѣлозерского и Пошехонск. у. (Тамб. губ. Вѣд. 1884, №27).

5) Пенз. губ. В. 1865 г., №43. 6) Русск. фил. В. 1879 г. №2, стр. 161–163

недéля, мимя́, ни дóлга, мисá (грядóмч: подайдú, ваивóды). Мягкое ц и ч: тысячу, загулячатча. Формы род.-вин. тия = тебя 2).

Наблюдатель, сообщая сведения о селе Ульяновке, Лукояновского у. Нижегородской г., дает понять, что въ этомъ селе „языкъ болѣе правиленъ и болѣе пріятенъ для слуха“ 1), чѣмъ въ другихъ селахъ того же у.; слѣдовательно, болѣе близокъ къ подмосковному. Въ немъ отсутствуетъ: зимúя, дычóкъ, сидяú, грúда", рядóмъ съ чаю́, ясавáть, дóйре харашо́, чаловéкъ. Но говоръ другихъ мѣстъ того же у., наоборотъ, въ устныхъ актахъ не слышенъ: шуй, глúжу́, сúло", христáми (= крестами), пиризабúть, выйдúти, вставáйти, рядóмъ съ на канéцъ стаúла, останавúлася, ящú, зеленáва, малóдинькай, слугу вторъ-

2) Русск. фил. Вѣстн. 1879. №2, стр. 154-155, 1) Этн. сб. I, 35.

мало, бу́йно го́лову. Глухое ы
здесь неизвестно: молодёнка.
на мягкое к нет указаний (на-
против: молодинской, горькая).
Форма род. имеет в: кабо. За-
мена ч через ц широко распро-
странена: кацоцы, цуяцой, вецыра.
Отметим еще форму: сво добро,
тайа тривога, моёй 2).
Один акающий говор Курмышско-
го у. Симбирской губ. также при-
надлежит к умеренно акающим: дирёнка, трихнёшь, вис-
нёй, бирýть, вызáть; но после
шипящих и ј вместо е в слог
перед ударением является а:
ячáй, чабó, ячо́, ячмéй. Глухие ы
нередко: ябылыкыярь (род.) мош-
кырь (отч мошка). Стяжение
ае в а: бать, знать, молúй

2) К. Орлов. В. 1879 г. № 2. стр. 155 сноск.
Диалектол. карта Пухоян. у. съ объясне-
ніями Б. М. Ляпунова въ ежег. стр. 1894 г. II.

твоему́, даже умо́ю́ть (= умоется), мо́ть (моет). Формы род.-вин. тиё́, сиё́ (= тебя, себя), дат. тиé, сиé (тобе́ и собе́ неизвестны). Формы 3 л. на ть. Формы имен. мн. худэ́и, прастэ́и, друге́и, род. худэ́ич, дат. худэ́ич и т. д. Мягкие у и в, ц и ч здесь нет, мягкого р также. Другой акающий говор того же у. (въ 2ухъ верстахъ отъ 1го) имеетъ более сильное аканье: дэйо́й и т. п. 3). Говоръ Лашмевскаго у. Казанской губ. принадлежитъ къ числу смѣшанныхъ. Наблюдатель далъ о немъ очень немного свѣдѣній, изъ которыхъ видно лишь то, что аканье этого говора умѣренное, съ частымъ употребленіемъ глухого ы и и: сыно́й, о́стыр,

3) Archiv für slav. Philol. X, 350.

са́хару (даже вместо у, во 2м ъ слогѣ передъ удареніемъ: мьяскы-ки́, кылачи́ца = мужики, кулачище). Въ остаткѣ оканья — о на мѣстѣ древняго о въ слогѣ передъ удареніемъ: сьнестáть, пьстомéя, сьдомóйка 4).

Въ говорахъ Чистопольскаго у. той же губ. мы знаемъ очень немного. Одинъ изъ нихъ пишетъ: гáласъ, къ пáлку, лятóйть, лýжка, двóя, трéтяй (имен.), даяс кагатíлса, рядом съ щó, бýдить (= будетъ), на дарóги, на свéтки, вмéсти, денúкъ (род.). Къ немногому еще отнесемъ: знашъ, знать (= знаетъ), научóйть 5).

Объ юго-великорусскихъ говорахъ

4) Р. филол. В. 1884 г. №4; 1883 г. №2.

5) Матеріалы въ „Сб." Ломакина.

Саратовской губернии мы имеем очень мало сведений. Наблюдатель говорит, что одни из них — „акающие по-московски", а другие — „акающие по-рязански"; приведенныя нами записи песен на говоре Петровскаго у., „акающем по московски", показывают, что этот говор действительно особенно сильно акает: вя́ра́той, вя́сна́, я́во́, пристава́ть, рыби́на, де́вить, мыни у и в ныть; мягкаго к ныть; формы род. jiё, миня́, дат. себе́, 3 л. на ть: знать, возвр. з. иногда на си [1].

Говоры тоямано-поволжья нами почти совсем неизвестны. Отмечено, что в Енотаевском у. Астраханской губ. обычны мена

---

1) Соколовъ, Былины, историческія.... песни, записа. въ Сарат. губ., Петровск. 1896.

у и в и замѣна ор черезъ ар (Квора) и что мѣстоименіе въ немъ звучитъ цо 2).

Обратимся на сѣверо-западъ. Относительно западныхъ уѣздовъ Московской губ. мы не имѣемъ почти никакихъ свѣдѣній 3).
Въ Старицѣ, Тверской губ., по словамъ наблюдателя, „крѣпко звучитъ я: галавя", слѣдовательно — говоръ сильно акающій 4).
„Нарѣчіе тверское чисто", говоритъ наблюдатель начала нынѣшняго

2) Матеріалы въ „Сб." Ѳанасьева (1ое изд., вып. 3ій). Мы имѣемъ еще старыя свѣдѣнія о крестьянахъ Бузулукскаго у. Самарск. губ., что они, въ нѣкоторыхъ словахъ" произносятъ дз вм. д, ц вм. ц: дзѣти дзѣвка, цѣдь, цѣрѣть (при: дѣлать, богатѣть). Мы не знаемъ, окаютъ они, или акаютъ (Моск. Телеграфъ 1830 г. ч. 35, стр. 33).

столицъ; онъ приводитъ: ана́, ана́ка, дат. ма́тушки.
Говоръ Вышняго Волочка, по словамъ того же наблюдателя, „совсѣмъ отличное отъ новгородскаго и по выговору на а ближе подходитъ къ московскому, имѣя въ отличку странные недостатки въ удареніи". Отмѣчено сильное оканье и и въ ы: пя́вѣста, ли́та (им. ед.), пайдёти ли вы на бя́сѣду [3]).
Вышневолоцкій говоръ — одинъ изъ переходныхъ говоровъ отъ говоровъ сѣверно-великорусскаго подговора къ сѣверно-великорусскому (ы=и). Тяготѣетъ къ нему, повидимому, говоръ большей части Осташковскаго у.
Наблюдатель не говоритъ объ его

3) Матеріалы изъ Можайскаго у. въ „Калѣкахъ" Бѣлокопова.
4) „Записка о г. Колядахъ" въ „Архивѣ" Калачова.
5) Русскій дорожникъ для употребленія на пути между столицами. Изд. 2-е. Спб. 1802 г.

аканье, но указывает на формы
род. на е́ : уже́ и дат.-мест. на
ы : травы́, твор. ед. на мъ: ви-
дѣлъмъ глаза́мъ, 3 л. безъ тъ: пье,
сне, сиди́, на энергич. ушо́ты б/
Великорусскія говоры Смоленской
губ. — сильно аканющіе съ большимъ
или меньшимъ количествомъ черть
свойственныхъ бѣлорусскому нарѣ-
чію.

Въ говоры Сычовскаго уѣзда (села
Бехтеево и Хотьково, волость па-
нинская) отмѣчено: мо́лодѣмъ,
ня́ве́ста, наря́дуйтя, рядо́мъ съ
ѣ и и въ слогѣ послѣ ударенія:
мо́лыдицъ, на во́рыномъ кони;
у и у́ вм. в: узя́лся, пятро́у
день; двойное — н вм. нь: удѣ-

б/ Смоленскій Вѣстникъ 1891 г., №8, стр.
141-142, ст. Лящина. — Островскій,
будучи изъ Торжка въ Осташковъ по
глухому тракту, замѣтилъ, что его ям-
щикъ говоритъ „на какомъ-то едва

вле́ния; формы род. ед. мне́, кево́, местн. у чужи́хъ люде́хъ, 3 л. на ть.

Въ говоре Гжатскаго у. (сс. Скугарево и Выры) отмѣчено: нада́й, маячу́, сястри́ца, приду́майтя, при ево́ (=его); у и у̀ вм. в; формы род. чужо́ва, местн. въ чужо́хъ люде́хъ, 3 л. на ть.

Говоръ Вяземскаго у. (с. Новоселье) — вполнѣ переходный. Акающе сильно: маладо́я, цвя̀то́къ, дя̀не́къ, удо́рить, рядомъ съ ядына́, дисятый, ясо́лтыва (род.) и при ударѣніи встрѣчающееся глухо въ слогѣ передъ ударе-ніемъ: стыя́ть. Отмѣчено также у вмѣсто неударяемыхъ о и е: ну палтя́ни, цулува́тца,

---

понятіями народа" (Морск. сборникъ 1859 г., № 2. стр. 206.)

падру́яжунька. Еще отмечено: у и особенно ў вм. в: дзе́ўка, Міхай-лы́ўна, гры́ўна, оформы им. ед. ми-ло́й, прасто́й, род. ед. рядо́ли та-ро́га и варано́ва, на́йво, ми́ней и ми́ня, мест. ва тэ́й го́рни-ци, твор. з ма́тэ́ю гры́ўнаю, им. мн. усе го́сти, 2 л. ідзе́ш, 3 л. на ть.

Говоры Юхновского у. (с. Побитое) — также вполне переходный. Отмечено: ка́во, ня ню́ть, ня-ве́ста и ўме́ней, твор. ко́сынь-кай, у и ў вм. в и на оборо́т, оформы им. ед. данско́й ка́ро́ы, род. тва́йво, тибе́ и тибя́, яе́, мест. на блю́дичку, 3 л. на ть, 2 л. возвр. з. ка́ісься (= ка́ешься) [1]

1) Матеріалы въ Смоленскомъ сборникѣ Добровольскаго, ч. II, Спб. 1894.

Вот наши сведения о говорах Псковской губ., соединяющих в себе черты окающих и оканющих великорусских говоров с чертами белорусского наречия. Говоры Псковского у. принадлежат к числу смешанных и рядом с аканьем, довольно сильным (говарю́, барада́, выраста́йсе), и и вм. я, е (тиле́га, Питра́ Питро́вича, пи́ке, ина́=она́, де́лаи, 3 ед.), здесь существует оканье (одна́, ошна́, ёло́вый, ёшу́), у вместо неударяемого о (курми́лицы, вуне́ки) и ы вм. э и на об. (цо́шка), а кое-где и и вместо ъ (мни, теби́, ни́му). Затем отличие: в вм. у (в Ивана, в заморки), орфографический род на ова, дат.-местн. ж. р. на ыбе́й, орфогр. твор. мн.

трёмя мягкими выговаривается, за гарячими согласными, 3 л. ед. будеть (писё, пикё, люби), возвр. з. на си (явйлси = явился) 2).

Говоры Береговь Псковскаго озера (псковск. зап. у.) – заканчивается лишь отчасти. Въ слогахъ передъ удареніемъ въ нихъ сильное аканье (впрочемъ иногда въ слогѣ передъ удареніемъ слышится звукъ близкій къ о), а въ слогахъ послѣ ударенія о и е по большей части сохраняются. Другія черты представляютъ тоже пеструю смѣсь осо-

2) Псковской на 1871 г. статистич. сборникъ Псковъ, 1871 (здѣсь на стр. 108: „и въ этомъ уѣздѣ, какъ и во всей Псковской губ., есть много разности въ произношеніи словъ"). – Ясивая Старина 1891 г., III стр. 202. – Васильевъ. Опытъ статист. – геогр. словаря Псковскаго у. Псковской губ. Псковъ, 1882 – „В. нар. поэзіи" Шейна.

бенностей и аканющих и окающих говоров, а сверх того, почти такие, что имеют полное сходство с данными псковских книг XIV—XV веков.

В говоре деревень Любовка и Любницы отмечено: халадно́, чалавек, тяпло́, вуяра́, вязде́, бярёт, рядом с пьлаясь (повел.); у вм. в и на оборот: ў ляду́, вы ляня́; г = ɣ; ц вм. ч (чаще) и на оборот (рыцка); и вм. ы в формах мест. п. ед.: ярка́тай, в ряки́; группа дн звучит нн: винно; двойное яс твердо: дасяка́. Далее: мягкие д и т всегда с свистящим оттенком; спорадически вместо мягкого с слышится ш; пе́шня = песня, крашива = красива, а вместо яс произошло з: музи́ки = мужики.

формы: род. меня́, тв. мн. почти всегда на мы, 3-го л. на ть и безуд. ть: ед. ткёть, паёт, сыт, мн. ч. сят. Прилагательныя имѣютъ формы им. и вин. ед. съ стяженіемъ гласныхъ: стара́ кара́ = старая какая; сравнит. степень скаре́ и скаре́е = скорѣе. Въ говорѣ сосѣдней (въ двухъ верстахъ) съ предшедшими деревни Колкино въ общемъ тѣ же черты. Отмѣчено: пахарёнь (род.), вядуй, дызвалёю, рыбатáть, сýпрытки (супрядки), дальше: утабю́, утайму́, съ у вм. о въ 2-мъ слогѣ передъ удареніемъ, усё, ву атýда (у отуда), дéушекъ (род.); г = д, но не всегда слѣдъ съ к: пароёхъ (им.) бéгъ (прош.); ц вм. ч (дальше цуто); иръ дя и вм. ръ: насмишка, особенно въ формахъ мѣстн. ед.: въ

рукéй, на двáрй; нк и н вм. дн: урáянскнй, стóнко. Мягкíя д и т сч более сильным свистящим согласным: дзверь; спорадическое мягкое щ вм. мягкаго с и з вм. жс более часты: пéщия, мящстрá (сестра), щéни, щто, рещй (повел.), щпашибо, вщю (всю), растущтúящая (прош.) щузáя старáя, сазáль (прош), Бозе (зв.); сочетáнíе ай послé ударéнíя звучúт эй: свáтэй (повел.), такжс как и сочетáнíе ой вн твор. ед. óформлн: мн. ед. людяс. на ы и ы: бéлыы = бéлый, род. кóво, мáво, мáтя, у тя, дат. тэбé, дат.-мьстн. вадэй, трáвэй, вин. янý (ее), увл. мн. на мч. 3 л. бедýть и сть: идé, éдя, стóй, хóчá (ед.) зáяцý (мн.); глаголы буду мúвещи вмéсто сь обычным

сокращенныя формы: 2 л. ед. бу́дешь, бу́шь, 1 мн. бу́дымъ. Существительныя ср. р. часто сочетаются съ прилагательными ж. р.

Въ говорѣ Холмскаго у. отмѣчено: въ нась — у нась, уся, формы род. тебя́, мово́, молодо́ва, дат. дро́мы, тв. мн. альмя́мъ ленточкамы. 2).

Въ говорѣ Островскаго у. отмѣчены лишь формы род. ед. на о́ва и 3 л. ед.: ся́, пойдя́, любя́ 1).

Говоры тоянскихъ узловъ той же гр. — также смѣшанные, и сверхъ особенностей (северно-) великорусскихъ, въ нихъ слышатся еще особенности бѣлорусскія. Явныя здѣсь очень сильно (дабро́, барода́, бя́рёза, дяре́вня, пирмя́тель, пирямо́й, ламадзимая

---

2) Плохо записанные матеріалы въ Псковскихъ Губ. Вѣд. 1893 г. №№ 31, 32. 1894 г., № 26. Вѣроятно, холмскій говоръ относится лишь отчасти.

1) Матеріалы въ „Русск. н. пѣснямъ" Шейна (стр. 126).

сядло); есть мягкая у и в; мягкие мягкий д и т съ свистящимъ отъ тонкомъ; из вм. к (цаловѣцерькя, цицявица); и вм. ъ (спрядитеся); твердое двойное ш. Изъ орфогр. отмѣчены: кое-гдѣ имен. ед. муж. р. дальнéй, бальшéй; род. мяня, тябя, явó; твор. мн. = дат. мн. (нам); 3 л. ед. почти постоянно будъ (нисё, мясéй, с, дéлая, пишá)[2]. Одинъ изъ говоровъ села Некоузскаго губ., говоръ деревень Фунтицы и Ярыгино, Великолуцкаго у., такова. Въ сильно окаетъ: гаварю́, сяло́, нявéста, при нитачкъ, зимия, знáишь, раскладáити (2 л.); глухаго ы вм. о и я въ нѣм. нѣтъ; повидимому о сохраняется въ 3-мъ слогѣ послѣ ударенія: одóрава.

---

2) Этн. стар. 1891 г. III, 203. Кое-какіе матеріалы въ „Русск. н. пѣсняхъ" Шейна.

Другія черты: z = ǯ; ў и ў̆ вм. ŭ и нарѣчія: ў сял, крў (= кровь), узяўшы со смягченіем предѣлов; ў гаспадзе = у госпожу, въ комнату дзѣўчынаю = у дѣвушкою); ў̆ вм. и пятым: яв и яў̆ вм. ǯ: крутнюў̆ вм. дн: равнай, ланка, на ланё (= на дно); шапкіў̆ ǯ и тн со смягчающимъ отличіемъ; жалёўне = жалѣне. Другія: им. ед. со удареніем на концѣ на ій и на ый: бальшый, безъ ударенія послѣ к — на ій: ўзякій; им. ед. ж. и ср. р. не только на ае, но и на аа: праклёнтнаа дучка, крэў горячаа, маё забаўа, сьлёдкаа (= сладкая), зімняя (= = зимняя); род. маёў, дзяўо, мяняя, у тыёй бабы (= тоей); дат. тябе, сабе; тв. им. на мъ: сязаймъ; усёй, усёмъ и т. д. (= всѣмъ); зл. всегда на тъ, въ ед. ч. и ѣ.

не ея ѣ: идéмъ 3).

Другой говоръ типа пскóвской губ., говоры типа Мордóвскаго, Вели-кокýнскаго у. (въ 30 в. отъ В. Луки), такіе сильно акáющіе (надýшка, дарóга, мавéла, бярёза, трóя), прочіе, раздѣли ея а изъ о, послѣ ударенія возпроизводятся и у: бярёзу, судóрожный, рáдзи-тися (—говор. ед.). Въ томъ упо-требительномъ типѣ не въ 2мъ слогѣ передъ удар. и въ 1-мъ послѣ ударенія: дарогой, дзяна-той, судóрги, рáдзись, и и: дя-ржáвшуюся, вáшшая. Зам'ѣтимъ отмѣченіе: у всѣ. в и на об.: у гóрнде, въ нас, вдоль, увесь; спорадическое и вм. ѣ: пяй-спушна, здúся; твердое р: свя-крóвь; г=ґ; ц и ч не смѣши-

3) На основаніи сообщенія В. Орлова.

ваются; оформы: им. ед. муж. другóй, дурнóй, толстóй, хренгорькú, пирожкú сладкú, чúсте; род. ед. ж. р. не минóвать бядé, не отдáть данкé, много работы; род. мнé, тебé, добрúва, éтúва; дат. тобé, собé; дат.-мест. ж. р. в чúбой, на горúй; твор. мн. = дат. мн.: со своймú со трёмú дóчерямú; 3 л. на ть сú е, не е: идéть 1).

---

1) Яснев. ст. 1891 г., III, 207. Кое-что для знакомства с великорусским говором у Селивского, Историко-этногр. заметки о Вел. Луках и Великолукском у., Спб., 1857, и Васильева, Опыт географ.-статист. словаря Псковск. губ., II, Великолукск. у. Пск. 1884. Покойный славист Прейс говорит: „к чистым типам белорусским нарочно принадлежит псковские наречия: оно местами испещрено

Б. Северно-великорусское, или окающее поднаречіе.

Главная характеристическая черта северно-великорусскихъ, или окающихъ говоровъ — сохраненіе древняго (= орѳографическаго) неударяемаго о. Разные изслѣдователи указываютъ большее или меньшее количество исключеній, т. е. приводятъ случаи аканья. Но значительная часть словъ съ аканьемъ, находящихся въ окающихся говорахъ, — слова, заимствованныя изъ акающихъ говоровъ, вчерашнія и новыя русскія или иностранныя.

Заимствованіями изъ полѣсскаго; его отличія, сравнительно съ великорусскими, заключаются главнымъ образомъ въ слѣд.: вр. д, т, г, ло, ть, вл — пск. дз, ц, тщ, ґ, цо (цо), ц, ц' (изъ рукоп. заимствованія, хранящ. у В. И. Ламанскаго).

карáнь, парáсбть, сандáть, канвóй, Фасéя. Другия слова съ а еще въ древне-русск. языкѣ: манастырь. Другія черты оканающихъ говоровъ слѣдующія. Древнее (=просторечное) ударяемое и неударяемое а послѣ твердыхъ согласныхъ сохраняется: бáловáть, пахáть. Разные изслѣдователи говорятъ о спорадическомъ произношеніи оканающимъ вмѣсто неударяемаго а – неударяемое о, но одни изъ указываемыхъ или слова имѣютъ древнее о (вмѣсто котораго мы пишемъ а): робóта, рокúта, ровнáть, порóмъ, кормáнъ, олтáрь, полáта, торокáнъ, Ондрей, Олёна, ор. родит. ед. óброво; другія – позднѣйшія заимствованія изъ оканающихъ говоровъ: ломпáда, корéта, кортúна, локéй, тонцовáть.

Древнее (=орфографическое) неударяемое е передъ твердыми согласными и въ концѣ словъ въ многихъ случаевъ, подобно ударяемому, звучитъ какъ о (т. е. ё): сёло, стёкло, бёдро, вышёптать, чтó, творёнъ, сидишё, пойдёшь-жё; при чемъ смѣшиваются рядомъ: дёру и дерú, помёрлú и померéть.

Древнее неударяемое е въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ перехода его въ о не произошло, иногда звучитъ какъ и: помирéть.

Древнее (=орфографическое) о и о образовавшееся изъ е (т. е ё) ударяемое и неударяемое, звучитъ не такъ открыто, какъ въ акающихъ говорахъ, а болѣе или менѣе закрыто, ближе къ у. Многіе окающіе говорятъ иногда о очень закрытое, которое иногда кажется нами тождественнымъ съ у и которое производитъ на

нашу слухъ непріятное впечатлѣніе. Стверяне нарушаютъ свою рѣчь съ закрытымъ о низкою.

Древнія группы ае, ое звучатъ часто (но не всегда) какъ а, о: дѣлать, играть = дѣлать, играть, лово́, лому́ = моего, моему.

Древніе мягкіе согласные сохраняются передъ суффиксами ск и ство (особенно передъ первымъ): царьской, царьство или царьсво, причемъ обыкновенно звучитъ мягко и с суффикса: царьсьской.

Въ формѣ слѣдуетъ отличать форму род. ед. прилагательныхъ, которая, вмѣсто ожидаемаго окончанія ово, часто (но не всегда) можетъ имѣть окончаніе ова: до́брова, слено́ва (но ёво́, ково́ и т. п.), формы имен.-вин. мн. мое́, твое́, чье́ и т. п. = мои, твои, чьи, ор. род. мн. мое́ль, твое́ль

и т. п., др. дат. мн. моéмъ, твоéмъ и т. д. Формы им. ед. прилагат. муж. р. всегда оканчиваются на ой: дóброй, слéпой. Местоимение 3-го лица часто звучитъ ѣнь, ѣнá, ѣнó, множ. ч. оный, ѣный. Формы 2го лица ед. —дóсей (дашь), јисéй (=пить). Формы сравнительной степени часто на я́е: скоря́е и т. п.

Окающія говоры могутъ быть сведены въ двѣ большія группы: 1) группу не цокающую и 2) группу цокающую. Дать названіе этимъ группамъ восточнаго и северное, но его названіе едва ли вполнѣ удачно: говоры не цокающіе слышатся далеко на северо-западъ (даже около Бѣлаго озера), а цокающіе — на югъ (въ Муромскомъ и Меленковскомъ у. Владимирской губ.[1]).

[1]) Объ окающихъ говорахъ и мѣстахъ

Территория, занимаемая ею ныне говорами, не обширна. Она состоит из небольшой части Новгородской губ. (в Боровичском, Устюженском и Тихвинском уездах), юго-восточной части Тверской губ. (Калязинской и Корчевской уезды), большей части Владимирской (так что западная ея почти не граничит, а восточная, по-видимому, по сведениям губ. Рязанской, Тамбовской и Нижегородской, имеет более или менее сплошные границы), большей части Ярославской (здесь граничит по Шексне, Сити и Мологе), западной части Костромской (восточная, степная часть — уезды Вет-

ления см. „Заметки о языке и народной поэзии в области северно-великорусского наречия" (Записки Акад. наук т. 28, кн. 2, и т. 30, кн. 1). Автора, покойные Колосовы, обитавшие ряд семей и сделали хотя миниатюрные, но перспек-

мужской, Варнавинской, отчасти Калязинской — уезды), северо-западной части Нижегородской (в части юго-восточной, по смежеству с Владимирской губ., есть смешанные удмуртцы), Симбирской, большей части Казанской, юзного Пермского уезда. Вообще удмурты не смешаны в пределах древней Суздальской области и в тех местах на востоке от нея (в среднем по Вятке и дальше), которыя заняты в XVI в. и позже переселенцами из Суздальщины.

Эта территория не сплошь занята не удмуртскими говорами: между ними вкраплены, то в большем, то в меньшем количестве, как бы вкрапленные говоры удмуртские; они явились здесь вследствие

удмуртские наблюдения в губ. Владимирской, Ярославской, Костромской, Пермской и Вятской.

разновременныхъ переселеній крестьянъ, какъ старыхъ, такъ и позднѣйшихъ. Колосовы нашли доказательства деревни въ уѣздахъ Переславскомъ, Юрьевскомъ, Суздальскомъ, Владимірскомъ и Ковровскомъ Владимірской губ.; Шевыревъ — въ уѣздѣ Александровскомъ, по дорогѣ къ Александрову отъ Сергіевой Лавры [1].

---

1) „Что Владимиры-то въ Александровѣ какъ говорятъ? по вашему? — Чисто (отвѣчалъ извощикъ), такъ говорятъ не такъ чисто, какъ у насъ. Бывалые въ Москвѣ, конечно, говорятъ почище, а тутошніе въ Александровѣ присюкиваютъ ... Поводомъ къ этому разговору было село Слотино ... Женщина, у которой мы спросили квасу, сильно цавокала. „Вотъ вамъ цашецка, говорила она". (Шевыревъ, Поѣздка въ Кириллово-Бѣлозерскій монастырь, М. 1850, 1, 31–32).

I. Группа не цокающая.

Изъ говоровъ Новгородской губ. въ говорѣ с. Левоче, Боровицкаго у. (на границѣ Устюженскаго у.), „замѣтно твердое произношеніе о“ (отмѣчено: угорѓть, свуѓ), нерѣдко ё изъ неударяемаго —е передъ твердыми согласными и въ концѣ словъ: стёпáнь, ночевáть, подрýженьёкъ (род.), далёко, мúлоё, и изъ неударяемаго е передъ мягкими согласными: бисёдá, недéля, перевóсъ, шуó, ію (вин., = ее), е изъ неударяемаго я: енмéнь, еíцъ, пáметь, стяженіе гласныхъ въ одумáть, нн вм. дн: лáнно, мм, вв вм. бм, бв: омúáть, оввенчáлсе, и изъ ъ во всѣ, всúхъ; предлогъ къ обыкновенно звучитъ х: хъ высоку терему, хъ ей, хо тетку гнúзду. Оформы род. ед. на ова и ово, дат.-мѣстн. ед. на ы: на горы,

тв. мн. на мъ, 3 л. ед. е́сте и е́стя возвр. з. на се, сѣ, сѣ, цы: бо́йсе, го́нятце, улыбне́сьси, наибьмся, разуе́дутцы, сравн. ст. добре́йя и добре́, съ долгим е. Формы членных прилагательных: добрыимъ, добрыихъ и т. п. Дмитрич. здума-вшие 2).

Въ говоре д. Гмы, подъ г. Боровичами, отмѣчено: нивиста и нивѣ́ста, 3 л. полмы, идэ́ (не идё). Говоръ д. Попова, Устюженскаго у.; близокъ къ говору с. Левоче: совецка́нецо, большоё, нивэ́рно, ивэ́; сверхъ того, отмѣчено: кулыбнесьси, полседэ́й (новг.), вижно = видно, мнамъ, хо мнэ́. Формы род. пэ́мово и пэ́мова, 1 л. мн. мы идэ́ма,

2) Близъ г. Боровичи, по Солицкому тракту, есть цоканцы семьи. — Должно замѣтить, что въ не цоканцыхъ семьяхъ Боров. у. говорятъ: цмотце (цмец-ли!

Цоканье. Дзекание.

возвр. з. на си, се, сы: напишисы, сравн. степень на ея; красея; остатки формы числа: свою-ту волю.

Въ говоры д. Чудской Горы, Новгородскаго у., отличены: ё или е безъ ударенія: сёрцо, настанёть, и или е безъ ударенія: ёрь терплю, повы-шы, немнёжечко, дяже врёмишко, при судёрынька, шурпдка е или я: тлеяку, сусендушки поредовыи, ёгода, и часто и или ъ: бёлой, крёпко, рёдвость, терпёть, мни, сибй (себѣ). Сверхъ того: во сувётии (совѣтъ), вспомнятуе (съ и вм. вы). Формы род. на ово, дат.-мѣстн. ж.р. на ы, 3 л. ед. иногда безъ ть: пёкне, бай, возвр. з. на се, уе, сравн. ст. на ея: темнея 1).

---

1) „Говоры обывателей с. Поморанья, Грабина и Чудова (новгор. у.) отличаются аканьем, хотя и не рѣзкимъ". Это семейство — на большомъ московско-петербургскомъ тракть, и имъ аканье — позднято происхожденія

Говоръ с. Крючково, Тихвинскаго у.; чрезвычайно имѣетъ и ѣ-е безъ ударенія: невѣста, тебя, пойдемъ, ясный; очень часто и ѣ-ъ: лѣсъ, ѣдалъ, утѣка; изредка е и ъ я: глядю. Формы: род. на ово, дат.-мѣстн. ж. р. на ы, дат. мн. людьмъ, кланяйсе, ко людямъ, 3 л. ед. безъ ть часто: пляше, стоѣ, 3 л. мн. нерѣдко: стоя, горя, возвр. з. на се, си и сы. Отмѣчены глагольныя формы стяженія: погуливать 2).

Говоръ д. Малая Будогоща, тожже уѣзда, на правомъ берегу р. Пчевжи, и другихъ семей на этомъ же берегу рѣки, имѣетъ довольно значительныя окая; ѣ и ъ-е сме-

---

2) Приведенныя данныя о говорахъ новорождской г. — изъ матеріаловъ М. А. Синозерскаго и изъ его же ст. въ Ясн. Стар. 1895 г., III—IV.

шипея часто; е чер. ѣ постоянно — бѣ́лой, хлѣ́бъ, дѣ́ло. Формы дат. и род. ед. ж.-р. и дат. и тв. мн. смѣшиваются; ф. тѣмъ, тѣмъ = тѣхъ, тѣмъ; ф. 3-го л. буд. тъ: идё́тъ, говорі́тъ (ед. ч. пи́шетъ, ска́жетъ, лю́бятъ (мн.); сверхъ того: е и есть́ (есть). Формы члена весьма часты: ба́бы-те, бань-тѣхъ, на ла-ду-ту 3).

Говоръ пограничныхъ мѣстъ Крестецкаго и Тихвинскаго у. (Заборовской и Боровенской волостей) имѣетъ о довольно закрытое, и вм. ѣ (часто): бѣ́лой, полѣ́но, хлѣ́бъ, снѣ́гъ, копѣ́екъ (род. мн.), на дворі́, при: дѣтъ (одѣть), стяженіе гласныхъ: гулятъ (и гуля́ётъ), мово́ (и моёво́), туча громова́я, твердое двойное м, твердое двойное нс:

3) Яснв. Стар. 1894 г., I, 4. Перетца. О говорахъ семей лѣваго берега р. Плевны. См. также.

дояческой, дат. мн. род. на ово, дат. мн. ст. на ы, твор. мн. на мъ, Зл. безъ ть: пье, блое (съ е, не ё), ји (рядомъ съ ф. на ть и ть: пѣть, јисть = гость), говоря, любя, возвр. з. на си: здѣлалси, окрутѣлси. Сверечто: бѣда, вѣхорь (= вих-), шисть (= шесть), удова (и овдова = вдова), поногробцовой, твердыя губныя: узъ, узѣи (= уголь), любодѣ, любови, сегдѣ ф. мн. числа: узиу-ту, бабите, ф. повелит. на е: бравше, сказавше ф. Зл. ед. есте, естя (= есть) 4).

Изъ говоровъ Тверской губ. мы имѣли свѣдѣнія (скудныя) о говорѣ г. Колязина. Наблюдатель такъ говоритъ о немъ. „Главную роль играетъ буква о. Вездѣ, гдѣ только стоитъ она въ словахъ, сохраняетъ свой чистый, неизмѣнный звукъ, а ни-

4) На основаніи замѣт. В. Н. Перетца.

когда, ни в одном слове, не переходит в а ... но эта буква не произносится никогда так кратко, как в других местах, где она просто теряет непривычный слух. Так, слово голова: в деепричастиях Коляндинского говора, примыкающих суздальскому и переславскому, — го'ло'ва, со самым кратким ударением над обоими о ....; в Коляндинском — голова. Буква е в начале и в средине слов произносится большею частию как ё: еще — ёще, стекло — стёкло, ведро — вёдро и т. п. В конце многослов е звучит кратче: сидите, ходите, торгуете, гуляете, особенно, когда к нашему прибавляется те: пойдёмте — тё, сядёмте — тё. Форма дат. мн. „всегда, без исключения", усвоена формою твор. и на оборот: вот гостинец вашим детям, снеси

тё ёво мни, как я рать ваши, сы сыновьями, дочерями и со всеми гостями вашими 1)

Сверх того, у нас есть несколько данных о говоре с. Васильевского, Тверского у. (12 верст от Твери). Они не вполне окающий: при ударении, тобя́, доро́гуныка, отмечено: идиятиила, цаво́; есть и иканье: ви́ки, и случаи уокания; форма род. ее (не её). „Точка речи сопровождается ударением голоса над каждым словом, причем гласная над которой бывает ударение, выделяется точно из груди" 2).

Обычно не окающими говорами Владимирской губ. мы знаем только немного. Колосов сообщает,

1) Калачов, Архив истор. и практ. сведений, относ. до России, кн. 2-ая. Спб. 1861 („Записка о г. Волоколамске", стр. 75-76).
2) Сборн. матер. для статистики Тв. губ. Вып. Тв. 1874, стр. 144.

что въ этой губерніи окающіе сильнѣе къ югу отъ Владиміра, слабѣе къ сѣверу. Онъ же отличаетъ подслушанное имъ въ родныхъ мѣстахъ той же губ. бёда, нёсóкъ, рёка (= бóда, нóсокъ, рóка). Мы слышали въ нѣкоторыхъ мѣстахъ послѣдовательную замѣну мягкихъ г и к черезъ мягкія д и т: здинъ (сибѣ), тúнуть, тúснуть (кинуть, кúснуть).

Въ говорѣ Ковровскаго у. о звучитъ очень закрыто и, можетъ-быть, иногда переходитъ въ у. Во всякомъ случаѣ въ немъ отмѣчено: бузя́ре, кувúль. Сверхъ того, въ немъ вм. неударяемаго е часто слышится ё (даёсе трёмий, твётúй = цвѣтной) и цуркодка ы, госыть же и ш — ы (плáчить, къ лáпушки, скажыть), а встрѣчается стяженіе гласныхъ (кланяются = кланяется, свовó, дóбро

дѣло, свѹ сторону = свою); в передъ ѹ опускается: голо́ушка, де́ушка = головушка, дѣвушка. Изъ формъ указательныхъ ф. род. тея́, сея́ = тебя, себя, дат. тее́, сее́, род. на ова, мѣстн. на се́ле, при орёмъ народе (не: орёмъ). Отдѣльныя слова (нѣмногія) имѣютъ ѣ вм. е: тѣмъ-ця 3).

Въ говорѣ Переславскаго ѹ. мы не знаемъ почти ничего (свово́, до́брова, свя́кыныка = свахонька 4).

То же должно сказать о говорѣ Мордвиновской волости, Гороховецкаго ѹ. (ф. род. на ова, ф. твор. съ тремя дубли́ками, за закусочкамъ 1).

---

3) Смирновъ, Нѣкоторыя крестьянъ Владимирской и Костромской губерній. Собраны и изданы съ сохраненіемъ мѣстнаго выговора. М. 1847. Сравни Даля.

4) Тихонравовъ, Владимирскій Сборникъ. М. 1857 г. стр. 36 и слѣд.

1) Труды Владим. губ. Стат. Ком., III, 1864 г. (Ст. „Свад. обряды въ мордвиновск. вол.“).

Говоръ Вязниковскаго у. также имѣетъ очень закрытое о („сильно удлиняется ударение на о", говоритъ наблюдатель). Въ немъ отмѣчено: бизпирéчь = безпрестанно), бать = баять, моиу = моему, формы род. тея, дат. тéе, род. новва. Этотъ говоръ, благодаря вліянію сосѣднихъ акающихъ говоровъ, имѣетъ иногда въ концѣ словъ а вм. о безъ ударенія: блáга = благо, блиэ́нькаа, гóяса = гояса 2).

Говоръ села Гудина, Александровскаго у. (близъ границы Московской губ., въ 15 верстахъ отъ Сергіевской лавры), принадлежитъ къ числу переходныхъ. Онъ строго

2) Труды Владимірскаго губ. Стат. Ком., VII, 1868 г. (см. „обычай хоронить Кострому"); Гольтяевъ, Богоявленская слобода Мстера, Владимірск., 1865. — Вязниковскій говоръ принадлежитъ къ числу

сохраняетъ о передъ удареніемъ и замѣняетъ его черезъ а послѣ ударенія; такимъ образомъ въ немъ слышится рядомъ: кобы́ла, вози́ть, кори́то и прокисла́й дня́ванъ, стукка́й, до́бра́ва 3).

Колосовъ такъ характеризуетъ „ярославское" о: оно „произносится звучнее, отчетливее, чѣмъ на сѣверѣ; это — хорошо отчеканенный звукъ".

Говоръ Ярославскаго у., Ярославской губ., на правой сторонѣ Волги (села Ходынодемьянское и Ивановское съ окрестностями), принадлежитъ къ числу смѣшанныхъ. По словамъ наблюдателя, о въ немъ „чисто и открыто, безъ наклонности перейти въ а или у",

---

повышенія (замѣчается „повышеніе голоса въ разговорѣ").

3) Русск. Фил. В. 1879 г., №2, 1880 г., №1.

но в 2-м слоге перед ударением
заменяется через краткое а:
харошо́, залото́й, а в отдель-
ных словах, без ударения, „при-
ближается как у": утопри́, уку-
ри́сь; ѣ и е без ударения по-
стоянно перед следующим твер-
дым согласным; встречается
и и е без ударения: шишо́,
шикарно́, сире́да, бире́жно́ть;
нередко и вм. ъ при следую-
щем мягком согласном:
обе́дня (при обе́дать), отве́тить
(при отве́т); иногда е или
я, обыкновенно без ударения:
е́йко (при опе́ть, впре́сти, го-
ре́чей); обычно стяжение гласных
(в ор. 2 и 3 л. ед., реже 1 л. мн.):
знать, знотъ; группы бл и бв
звучат как мл и вв: омлáть,
оввинова́ть; двойное н твердо:
пушшай. Нет форм отличены:
ор. род. на ово, ор. дат. вин. ор.
твор. и на оборот: с очка́ть,

ых госьмй, ор. твор. ед., род., дат., твор., мьстн. мн.: добрыимь, добрыихъ и т. д., ор. неопр. накл. пекти, ор. возвр. з. на ся, сравн. ст. на яе. Форма 3 л. ед. е́сти (= есть). Остатки формы члена: дорогу-ту, бабы-те и др. 1).

Говоръ с. Шумыча, Ростовскаго у., имѣетъ частое ё изъ е безъ ударенія: потёкла, тысенё, врёмя, вамо блогословлённые, давайтё, е изъ я: опёть, сёть (сядь), мягкое к въ пётинькя, хорóшинькя (ж. р.), холодненькё, твердыя двойныя яе и ы, грушу мы мы бы; олмазъ, стоядение гласныхъ въ мовó, пéрву холеру, гулять, формы

---

1) Р. Ярослав. В. 1890 г. № 3. Описанный говоръ — протяжный. Авторъ статьи: „Ярославское разноречіе первой половины XIX в." (Ярослав. Губ. Вѣд. 1893 г., приложе-

дат. тее́, тіе́, тв. мн. на ѣмъ, возвр. з. на ся, сравн. ст. теплѣя́. Повидимому, обычно и ѣ неударяемое — е; много устойчивых форм: имена (фраза: „Въ Ростовѣ-те на соборѣ-те на крыльцѣ-те, говорѣ-те, ворочь-те видимо-невидимо." 2).

Указания ни въ самомъ Полоцкѣ, ни въ большей части Полоцкаго у. не услышишь, говорить наблюдателю; его почти и въ сосѣднихъ съ полоцкими у. мѣстностяхъ Дрибинскаго, Романо-Борисоглѣбскаго, Данилов-скаго и Любимскаго у. Говоры послѣдних почти ничѣмъ не отличаются отъ полоцкаго.

тіе въ № 11) указываетъ на „самое грубое и шаткое употребленіе буквы о" и на формы 3 л. мн. ч. съ древнимъ окончаніемъ ать (не ут): учатъ.

2) Яросл. Губ. Вѣд. 1868 г., № 38 и 39.

Черты пошехонского говора: о звучит „ясно и отчетливо"; ѣ или е безъ ударенія часто: жона, лѣсорубитъ, срубаетъ; и или е и ъ безъ ударенія передъ мягкими согласными: бисѣда, свича, отвичать (но бедá, ведýнъ); сверхъ того, ъ безъ ударенія „переходитъ иногда въ я", которое звучитъ „неясно", „средне между я и ъ"; есть е или я: ейцó, пореднлась, глядю („иногда"); мягкое к, когда онъ сильно аканющимъ говоромъ: дéвочкя, постелькю, мéленькéй, тройникёфъ (род. мн.); твердый двойныя ѳ и и, или или бы: бúмороть; отсутствіе в передъ у: дéдушка. Формы род. ед. болотныя головы, одныя, доброва, мнестн ед. на пеня, на пупя, дат. мн

Есть указаніе, что ростовскій говоръ — новгород.

ходить пока́мъ, тв. мн. благода-рен вами; членныя формы: на ходя́тскихъ харя́хъ, сколькихъ лет; ор. 2 л. ед.: дося́; ор. возвр. з. на ся и ся, ца и ця (вмѣсто на сь); остатки ф. члена: им. мн. мои-те, мои-ти 3).

Кромѣ этихъ общихъ указаній, у насъ есть нѣсколько данныхъ о говорѣ Дмитровскаго уѣзда, въ 10 верстахъ отъ г. Кашина. Отмѣчено: частое ѣ при е: худри русскіѣ, и при ъ: посѣяла, стрѣка, запѣйте, и при е безъ ударенія: бисѣда, тибя, мягкое к: мѣменькя, съ мѣменькѣй, позѣмонькѣ, послушай-кѣ, ор. род. на ова 4).

---

3) Жив. Стар. 1893 г., IV, ст. Балова. По словамъ этого наблюдателя, говоры въ Кашинск. у. лишь на границѣ съ Волог. губ., гдѣ пт'ица, що).

4) Яросл. Губ. Вѣд. 1888 и 1889 г.

Сверх того, мы знаем, что в самом Ярославле употребляется др. дат. ед. вместо др. твор.: он-ноном за свечкиъ, с-вамъ [1]; что в сел. Давыдкове, Романо-Борисоглебского у., слышится (как часто?) и вм. ъ: свитить, свитеръ [2]; что в Даниловском у. (петропавловская волость) о звучит закрыто и я может переходить в е: вземи; что в Рыбинском у. о звучит тинично, есть и вм. ъ: увечье (после ц—ы: процыганъ) и твердое двойное ш: рошшитано [3].

Обы не указанных говорах Костромской губ. мы имеем мало сведений.

---

1) Москвитянинъ 1842 г., ч. 4, стр. 488.
2) Ярославский литер. Сборникъ, 1850 г., Яросл. 1851, стр. 155.
3) Яросл. губ. Вед. 1889 г., № 44.

Въ говорѣ г. Пліёса и сосѣднихъ съ нимъ деревень, Нерехтинскаго у., о звучитъ „не слишкомъ узко и рѣзко для уха, но довольно отчетливо"; лишь изредка оно звучитъ ниже и ближе къ у: Уликсей (Алексѣй); ё изъ е безъ ударенія очень часто: сёстра, будёшь, такёго, даже пёскú, свётло, рёка; и изъ е безъ ударенія „иногда" звучитъ очень близко къ и: 2 л. мн. бирётé (а иногда е сохраняется: слетéло); е изъ я только въ опéть, éшши, и изъ ъ только въ сусúть (сосѣдъ), двойственная интонація твердаго, мягкое р лишь въ тóлькё, скóлькё, с изъ ш (ч) только въ молвеной, стяженіе гласныхъ въ многосложныхъ формахъ обычно: дýмашь, дýмашь (есть и думаёшь), но лишь въ тѣхъ, которыя имѣютъ а не ударяемое; въ прочихъ слышится группа ás (съ очень краткимъ э), или даже дифтонгъ as:

Дуйлишлеш. Фонетика.

знáешь; стяжение гласных в падежных формах также обычно: любó, хорошó ясно, спáсу сёлу, изрядну куфарку нанали. Оформы дат.–мест. ед. дóчере, лóшаде, Казáне, твор. мн. место-имено на мъ, 3 л. ед. есть и есте, возвр. з. на са, неопр. лекú, секú, берéкйса. Встречаются формы члена: травá-та, мáсло-то, дéти-те, солóму-ту, по закóну-ту, прудовъ-ту, мудрецá-ту и т. п. Въ говорах семей по рекé Вичевъ, Бузинского у. (северо-западная часть губернии), о звучит „открыто и ясно" (по ушéчь и тушéрь), ё изъ е безъ ударения очень часто: знаёшь, будёшь, пяшёнъ (род.), пáшё, дóбрыё, увидишё, дáй-ясо, и изъ е безъ ударения редко: бýдишё, ошыбáешься, мишя, тибя, шшó (и ешшó = еще), а иногда ударение въ нескольких словах: лúбедь (лебедь), двирь (дверь), шитель (щель),

е или я безъ ударенія: едро́, пета́къ, и или ъ передъ мягкими согласными: недѣ́ля, день, рѣчь (но хлѣбъ, двѣ́ и т. п.), мягкое к: Ва́ньки́я, Ва́ньку́ю, Ва́ньки́й (тв.), ку́рочки́я, то́лькі́ (но Сашка и т. п. съ ш передъ к), болѣе мягкое, чѣмъ у нѣмцъ ч, твердыя двойныя жж и шш, с или ш (ж) въ московской, или или бл: облокну́ть. Формы род. на ова, у тя, дат.-мѣстн. ед. молода́, о́чере, пеке́, тв. мн. всѣхъ на мъ, дат. мн. прогнѣвя на ли: съ добрыми людьми, неопр. н. пекчи и т. п., возвр. з. на ся. Остатки формъ членя: баба-та, бабу-ту, бабы-те. Въ небольшомъ числѣ словъ аканье: начёва́ть, дъя́кань и т. п. 1).

По Колосову, въ Костромской губ.

---

1) Живое. старь. 1895 г., III-IV.—Извѣстія отд. р. яз. и словесн. Ак. н. 1896 г., II.

о по „степени звучности" не отличается отъ о новгородскаго и случаи и вместо ъ (далее въ Костромской у.) чаще, чѣмъ въ Ярославской губ.; по Дялю, въ ней употребляются формы твор. ед. и дат. мн. добрыме и др. непред. наклон. секи и т. п. Въ самой Костроме слышно сильное оканье, и далее ученики гимназіи говорятъ на распевъ, протягивая конецъ фразы.

Изъ не указанныхъ говоровъ Нижегородской губ. 2) мы имѣемъ не-

---

2) Жители береговъ Волги въ предѣлахъ Нижегородской губ. жестоко смѣются надъ говоромъ указанцевъ Вятскихъ. „Вятчане-бурлаки всегда въ раздорѣ съ бурлаками—нижегородцами... Вятчане указанцы. Нижегородцы ихъ дразнятъ этимъ." Шевыревъ, поѣздка въ Кир.-Бѣлоз. мон., II. 222.

много сходный обл. говоръ Арза-маса. Онъ „мало отличается" отъ нижегородскаго; о въ немъ „твердое", произношеніе „легкое", стяженіе гласныхъ: дéлать, дéлаишь, мо-во'. Другія его особенности принадлежатъ или укающимъ говорамъ (и вм. ъ, вторятно, изгонка: пéсни), или аканющимъ (хóлодна, ярóйка, вéлена, гаварю́, перитаскóйшь, цырскóвнишь, свáлывыка). Послѣднія являются едва ли не спорадически; по край-ней мѣрѣ наблюдатель отри-цаетъ существованіе данныхъ о чередѣ а 3).

Катунскій говоръ, Бійскаго у., имѣетъ иногда (передъ н) с вм. ш: ясéсница, и упо-требляетъ ор. дат. мн. вм. ор. твор. и на оборотъ: съ ногáмъ,

---

3) Москвитянинъ 1852 г., № 22, стр. 82-83 (ст. Терещенка).

съ я́блоками, къ на́шим, шию дѣтьми́ рубашки 4).

Въ говорѣ села Павлова, Горбатовскаго у., отмѣчены: частое ѣ при е: ѣво́, ѣму́, зелѣно́ вино, сѣно́, ѣрона́, свида́нницо, даяре трѣ́тия, дѣ́вать; твердыя двойныя ш и жк: пушшу́, шшо́, ежежа́ть; стяженіе гласныхъ седла́ть (при узнаетъ), шово́, сво востро́ копи́ё; формы род.-вин. у тя, на тя, тея, сея, дат. тее́, сее́, винр. з. на са: ударилиса. Спорадическія черты окающихъ говоровъ въ большомъ количествѣ: онъ-яса, подеси́-яса, дво́ра-тъ, ча́рынка, свя́кынкя, дашко́ 5).

---

4) Нижегородскій сборникъ, III (т. 1 изд. 1870), стр. 153.

5) Памятники и образцы нар. языка и словесности (изд. акад. т. I). Здѣсь мы находимъ странное примѣчаніе: „о безъ ударенія въ воло-

Говоры Нижегородского у. „довольно правильны". В них есть случаи аканья: коня — тн. б). Говоры Васильского уезда, по видимому, богаты случаями аканья: любя, любька, постой-ряя, двоя, сверх того, бригадиры, бисприимства, вмести, месьнька (при нова, топерь и т. п.). Другія особенности: фр. 3 л. ед. бать, спрашивать, 2 л. мн. васта ти, двойное твердое ш: вышашишки, фр. род. тея, дат. тее, фр. дат. в чувашской деревни 1).

Обы не уроженцы говоров Казанской губ. у нас мало свои-

воры удерживаетъ звукъ а: вмѣсто кое-что говорятъ Горбат. у. (бать = бать, дат. тее, сее) въ Нижег. сб., V, 174, 197.

б) Нижегородскій сборникъ V (1845), стр. 216 (въ Нижегородскомъ у.

ударный, да и тот открытый. Повидимому, большая часть их — переходные. Во всяком случае рядом с оканьем (в начале слова высшее о звуки более или менее близкий к у: уддала́) в них существует слабое яканье („о совершенно открытое, близкое к а" в конце слов: мо́ла, ма́сла, дя́дя, или „звуки более близкие то к о, то к а, то к гласному и во 2-м слоге перед ударением: гъвори́ть). Случаи е и и где е без ударения рядом: се́ло́, ве́сна, чево́ и привести́, ничья́, ясный, дядя сестра́; есть также как бы а где неударяемое е: ясаний, уяна́, чаёк, чатыри, зимяно́. Ударяемое ъ=е. Стяжение гласных: де́лать, уме́ть, вокёк, хозя́ин, така́ день, та-

---

лишь одна деревня, переселенная из Мурашк. у., имеет ч вм. ц.).
1) „сказки" Ломоносова.

ку́ чуровицу, мырьстяны́ сарадза-
тйе. Двойные ѣ то твердое, то
мягкое: двойное ѧ твердое. Формы:
ор ѣ тель году, в ѣ друге́ль ме́сте,
с ѣ каке́ль-то, друге́ѧ, каке́ѧ,
род. ко́о́ рядом с ѣ ково́ и т.
п.; остатки формы члена: зубы
-те бо́льна, ягары -те нетъ, хле́-
ба -те мяло, кровавику -ту.
В ѣ говоры с. Сунгурово и Ула-
ново, Казанского у., отмѣчено
у в ѣ. в: у́ёё, ворбу́ка, у одно́й
В ѣ говоры с. Сунгурово, Казанск.
у., и некоторых мѣстностей
Чебоксарского у. отмѣчена мяг-
кія д и т с ѣ слабым свистя-
щим оттенком: хо́дзить,
пядь и т. п.
В ѣ говоры д. Брёхово, Лаишевска-
го у., отмѣчена переходная в ѣ
средняя Поволжья долгота з с.
с через ѧс и ѣ: вязять, пишыть,
мя́ѣо 2).

2) К. Фрилинг. Изв. 1894 г., №3, ст. Будде.

Въ говорѣ с. Бѣлоомутскаго, Чебоксарскаго у., отмѣчено: гулянъ-ица, горевáлица, водóвзница, рéчница, крылéчко 3).

Одинъ изъ говоровъ Казанскаго у., говоръ д. Бѣлая, верстахъ въ 30 отъ Казани, нами болѣе изслѣдованъ. Онъ цокающе-окающій. Отмѣчено: открытое о въ слогѣ передъ удареніемъ; глухое и въ 2-мъ слогѣ передъ удареніемъ и послѣ ударенія: говорúть, прáвница; также и вм. неударяемаго е; конечное а вм. неударяемаго о; ударяемое ъ=е; стяженіе гласныхъ (извѣстнúчь, 2л.); двойныя твердыя жж и шш; наконецъ, въ говорѣ по преимуществу женщинъ и дѣтей, замѣна з и с (почти исключительно твердыхъ) черезъ жж и шш: жжнóю, шштóй,

---

3) Малицкій, поселк. крестьянъ с. Бѣлоомутскаго, Чебокс. у. Каз. 1877.

шкоя́ясáть. Сверхъ того, отдѣльные случаи чаканія: черква, цвѣть 4). Въ одномъ изъ говоровъ Чистопольскаго у. (сѣверной его части: Кушниково, Старошешминскъ и др.) отмѣчено: а въ эрáмáть, т изъ мягкаго к: тинéть, тúнуть, твердыя двойныя зс и сш с изъ ц въ сорáпать, стяженіе гласныхъ въ дýмать, умéть, копéкъ, даже вúрамъ (1 л. ед. = вырóсъ); оформы имѣетъ ед. на лошадé, эрá гряде́, во эрсéмъ полѣ, неопр. бегчú; оформы дат. и тв. мн. — какъ у насъ 1).

Южныя говоры Сибирской губ. также принадлежатъ къ числу переходныхъ.

---

4) Уч. Зап. Каз. Ун. 1895 г., № 5-6, ст. Бородицкаго.

1) Извѣстія отд. р. яз. и сл. Ак. н. 1896 г., II.

В говорах Курмышского у. (по северу отч. р. Пьяны) о после ударения заменяется звуком, приближающимся к а: ладна, родимай. Перед ударением о всегда сохраняется, звуки одинаково слабые, чтыли в Ярославль: вёзу, ёво, тёсать, даже: сёнай, бёда. Формы род. тея, дат. тее [2]. В говорах Сибирском и Глушинском уподобл о после ударения также заменяется через а: мала, минучанька, крепкай, как яса (курпадка, после шипящих и перед ударением: арпара, ясана), в других случаях оно сохраняется: вёзу, чово, ясной (далее: дёнёк, Алёксей). Стяжение гласных обычно: гулять, знать, Батя (рядом: гуляить), Микулар (= Николаевъ), хозява,

2) Archiv f. slav. Phil., X, стр. 350-351.

хозя́ора (= хозяева), лево́, копе́къ, скоре́, Ондре́евичъ, Горде́оръ (= Гордеевъ), богаты (= богатыи). Форма дат. тіе́. Остатки формы члена: бога́ты-те, на конуз́-те, голя́-та 3).

Въ говорѣ Сенгилеевскаго у. отмѣчено: дайте-ко, берёзынька, стрянынька, ор. род. широкова 4).

Матеріалы (пѣсни) изъ привольяжскихъ деревень Симбирской губ. представляютъ слѣд. данныя: сýженой (им.), свáхынька, шýбынка, ко берёзынаки, ор. род. дорогóва, мѣстн. на зелтóмъ пескѣ 5).

Сверхъ того, мы имѣемъ свѣдѣнія, что въ разныхъ мѣстахъ

---

3) Моховиновъ, Симбирская мовь. Спб. 1888.

4) Матеріалы для исторіи и статистики Симб. губ., вып. IV, Симб. 1864, стр. 64-64. 5) Симб. сб., т. II.

Симбирский губ. твердыя з и с более или менее часто заменяются через жс и ш: жена́ю, шитою*.

Говоры г. Ставрополя и с. Моркваной, Самарский губ., окающий. Отмечено: сёло́, ёво́, знать. Некоторыя женщины заменяют з и с (особенно з) через жс и ш: жена́ю.

Об окающем говоре Земли Уральскаго Войска мы ничего не знаем, кроме того, что въ немъ окание слабо. Типическою чертою „уральскаго говора" считаются жс и ш вм. з и с: шохраний, шкажа́ть, шичёс, шъ шитена (съ стены) 1). Въ уральскихъ пословицахъ мы находимъ формы прош. вр. выпадёшь, выпознашь, собирошься 2).

1) Русск. Вестн. 1890 г., №5, стр. 90.
2) Морск. сб. 1859 г., №9, стр. 22.

Наконец вот несколько данных из не цокающего говора С.-Петербургской губ., Ново-Ладожского у.; по книге Сяси: ѣ из ѣ : мѣсъ, врѣмѣ, видѣ, цѣлой, е из неударяемаго и въ видѣ, шишо, е из ѣ въ ёлишникъ (ящикъ), твердое двойное мм, стяжение гласныхъ: знашъ, какá баба; формы: дат.-мест. ед. ж. р. на ы, 3 л. ед. есте, е, 2 л. мн. поéте (съ е); сравн. ст. бóля 3).

II. Группа цокающая —

состоящая изъ ряда говоровъ болѣе или менѣе разнообразныхъ въ звукахъ и формахъ и новгородскихъ. Главная черта, общая всѣмъ этимъ говорамъ, переходящая въ нихъ отъ древняго новгородскаго говора —

3) На основ. зам. Н. М. Карамзина.

мѣна ц и ч, т.е. употребленіе ц вм. ч (цоканье): царть, цоловѣкъ, рядомъ съ употребленіемъ ч вм. ц (чаканьемъ): чарь, черква. Въ одномъ говорѣ она развита очень сильно, такъ что часто слышится и ц вм. ч и на оборотъ; другіе говорятъ часто лишь ц вм. ч.

Эта главная черта обыкновенно сопровождается болѣе или менѣе частымъ употребленіемъ ѣ вм. ъ, по преимуществу въ слогахъ передъ мягкими согласными, подъ удареніемъ и безъ ударенія: свѣчка, пѣсня, замѣнною я послѣ j и мягкихъ согласныхъ (т. е. я) передъ е въ слогахъ передъ мягкими согласными: грѣсь (= грязь), опѣть, а иногда и употребленіемъ оконч. род. ед. на ѣ вм. ор. дат.-мѣстн.: ясѣній, по избѣ, и оконч. дат. мн. вм. ор. твор. и (иногда) на оборотъ:

ходить ногами, с вами, к вам; сверх того, формы 3 л., особенно ед. ч., не имеют окончания ть (более или менее часто): ведё, гуляё (рядом с ведёть, гуляёть, гуляять).

Влияние прежде всего на говоры Новгородской губ. 4).

Обитатели берегов оз. Ильменя, поёжане (Новгородского у.), произносящие о „твердо и грубо", т. е. сильно закрыто (отмыкено: мунáть, óнуть), ть (спорадически?) „почти одинаково" с ц, и вм. ч и на оборот: отéць, óчу (= отчу) и т. п.: отмыкено частое ё: домишнё, воскрёсенье, хрёсьянево, двой-

---

4) Колосовъ говоритъ: „языкъ населенія Новг. губ. представляетъ немало діалектическаго разнообразія, но отвѣтить научными образами на вопросъ: какіе именно говоры имѣемъ раз-

10 Библиотека Института Славяноведения

вое новгород. ш: ешшо́, большо́й ш — мой, нн вм. дн: ла́нно, ронной, стяжение гласных: чествовать, мово́, друго́й (другую), царево небе́сно, ф. род. на ова (рядом тъ же ф. на ово), дат.-мест. ед. ж. р. на ы, твор. мн. на мъ, 3 л. безъ тъ, ле́ро́ро, е (=есть), глядя́ (глядятъ). Сверхъ того: форма род.-вин. тя (=тебя), вин. ед. ето́ (=ее), сравнит. ст. на ѣе: скоря́ѣ. Кое-гдѣ, въ отдѣльныхъ словахъ, а вм. о, е: удельско́й тюле́ря [1].

Деревня Фаломка подъ Новгородомъ разлит ѣ и вм. ъ: бѣлова дня́, имѣетъ и вм. е (безъ ударенія): вѣчера, бѣлешенькій (=бѣленькій), гдѣрце я вм. е: ра́достянь, мѣлянькій, вѣроятно, всѣмодственный

лишеть на пространствѣ этой губ. —, я не вижу возможности.

1) Нижег. Сб., вып. I (1865), стр. „въ нѣкот. очеркахъ обряда эпизоды лицедѣйства новго-

близости большого московско-петербургского тракта. Сверх того, отмечены фр. 3 л. работать (есть фр. 3 л. также безъ ть), род. на ова 2). Въ дер. Ямóки, Новгородского у., по Колосову, смѣшитая и вм. ъ постоянно; въ 15 верстахъ отъ него — цурюдка.

Въ с. Устюны, того же у., отмѣчено шшо (= еще), фр. дат.-мѣстн. на ы, твор. мн. на мч 3), твор. мн. на мы: людмы, 3 л. ед. идё, естé (= есть), дифтонг. строение. Въ усадьбѣ Чапыко, Боровицкаго у., цоканье вм. ч въ (пой-кать) чрезъ ттюри. Молодые люди стараются чч не употреблять, и она смѣшно главными образомъ у подростковъ. Отмѣчено: гóрёнка, тапéрь, пианúца, поцалúй, бе-

---

родск. губ."; — отд. Зап., т. 192, стр. „Поѣздка въ Новгородъ".

2) Якушкинъ, Путевыя записки изъ Новгор. губ., Спб. 1860, стр. 29, 30 (то же въ „Сочиненіяхъ П. И. Якушкина", Спб. 1864).

ри́тъ, хоти́тъ (2 л.), си́нее море, прекра́сный, одну́ (одну); формы дат.-мѣстн. ед. на ы: на передо́ѣ, и тв. мн. на мъ; мѣстныя формы: на хорошемъ конѣ, на худомъ коровѣ; ф. возвр. з. на ся, се, си. Повидимому здѣсь мягкій з и т иногда имѣютъ легкій свистящій оттѣнокъ 4).

Въ сѣв. Зимогорьи, подъ г. Вандалемъ, по Колосову, въ звучитъ какъ и; въ 4-мъ перетакъ отличено тотъ же ъ произносится какъ е, а 5 перетяни дальше — опять какъ и. Въ Зимогорьѣ отмѣчены ф. 3 л. сме́ется, дат. м. на ы 5). Въ самомъ Вандалемъ Колосовъ отмѣтилъ форму 3 л. ед. есте́.

---

3) Новгородскій сб., вып. III и IV.
4) На основаніи сообщенія Л. Л. Богодина.
5) Новгор. сб., II.

Говоры д. Большая Будрановца, Тихвинского у., на левом берегу р. Пчевяги, отличается рядом с и сравнительно редким ё или е; пойдёте, пойдёшь, бревно, бревен (род.); сверх того, и вм. ъ и заметна мягкость д и т перед мягкими г и к или звуки близкие к последним пойдёмкё. Днепрян. полнравие б).

Относительно указанных говоров Устюженского у. (Перехая, Никифоровская и др. волости), мы не знаем почти ничего. Отмечено (в говоре Никифоровской вол.); черква, цо.

Говоры Кирилова и близлежащие к нему местности имеют много общего с говорами вологодскими. Они имеют ц (мягкое) вм. ч и на оборот: кова-

б) На основании сообщения В. К. Перетца. Сам. еще Зкив. Стар. 1894 г., I.

цѣкъ, запляшю, сѣтница (= сѣтница), частое ѣ при е: воспомѣнѣть, поцѣлуй, и вместо ъ передъ мягкими согласными: бѣлитъюя (3 л. ед.), линьй (= плѣнье), е вм. я также передъ мягкими согласными: пѣтница, мягкое к: Параньця, прѣкицькя (род.), у и в (= ў?) вм. в и ѡ передъ гласными и въ концѣ словъ: дѣука, каштанъ, пицко, подвавъ — погонявка, повло (= подвалъ), ор вм. ѳ: фродить, форма. Сверхъ того есть и при е безъ ударенія: сибѣ (дат.), форма род. можетъ оканчиваться на ова; формы возвр. з. имѣютъ ся; местоимение звучитъ иго и што; остатки формъ члена: яроцу-ту, ярѣны-те [1].

1) Шевыревъ, Поѣздка въ Кириллово-Бѣлозерскій монастырь, II, 106-111. Въ Кирилловѣ, говоритъ авторъ, „наиболѣе любопытные есть его парнѣе, которымъ говорятъ самые грубые простолюдины. Оно имѣетъ много сходства съ малороссійскимъ.

Полесья отличаются в кирилловском говоре еще господство употребления формы дат.-мн. вместо ф. твор. и на оборот. Говоря Ферапонтовской волости, Кирилловского у., повидимому, в главном тоже самое, что и кирилловский. Наблюдатель замечает, что о [illegible] слышится редко; мягкие и суть ъ и ѣ суть я перед мягкими согласными, а суть е без ударения: де́лаешне (2 л.), тибя́, меня́, ў суть и в конце форм прош. вр., що при мно; обь ф суть х он не упоминает 2).

В говорах Череповского у. мы имеем ряди данных.

По словам Шевырева, говор Череповца и близких к нему мест походит на говор кирилловский.

---

2) Вестник И. Р. Географического общества, кн. XI.

Он произносит на ц (иногда мягкое) вместо ч и на оборот: цово, цяйник, цена, курица, на ць вместо ть перед мягкими согласными: цйсня, поткайть, на ў и в (т. е. ў?) вместо в и л: дёўка, пóвно, на мягкость р: Ваўрё, на местоимение цо и шшо, на остатки оформ. члена: чёнуту, бáбы-те [3].

Другой наблюдатель сообщает данныя о говорах волостей Уломской Дмитріевской, Колодезской Горской, Котовецкой и Морозкой, той части уезда, которая соседняя съ Устюженскимъ у. Новгородской губ., съ Весьегонскимъ Тверской и Мологскимъ Ярославской. Он произносит на мягкую ц (мягкаго) и ч (более мягкой, чьмъ въ нашемъ языкѣ): цивецю, органцюць и т. п., на

---

3) Шевыревъ, II, 111–114.

и изъ *ъ*: *мѣсть*, *бѣлой*, *мѣсяцъ* (*но въ концѣ словъ повидимому* — *изъ ъ = е*), *на е изъ я*: *грѣсь*, *гонѣть*, *преду́*, *воденой*, *закрегать* (*не всегда*), *на мягкое ли* [illegible] *изъ*: *пѣшшя*, *шапюка*, *штипо́ть*. *Изъ формъ отмѣчены ор. род. ед. ж. р.*: *тые*, *самые*, *одные*, *твоесь*, *моесь* (*ъ = е* ?), *ор. род. мн. словъ на цъ*: *купчей*, *зайчей*, *огурчей* (*всегда*), *дат. мн. другѣйемъ*, *3 л. ед. ески* (*есть*), *ор. возвр. з. лайси*, *лойси* (*повел.*), *поймемси*, *ѣремъ-сы*, *боротцы*, *ор. числа тне*, *очень часто употребляющаяся при разныхъ ор. множ. ч.*: *кони-тне*, *бань-тне* (*род.*) *и т. п.* [1]).

Наблюдатель, говорящій о части вымершей территоріи, о Мороуихѣ приходитъ (близъ границы Ярославской губ.), упомянувъ о мѣнѣ *ц* и *ч*, замѣчаетъ:

---

1) Яросл. Стар. 1893 г., III.

„Эта порывистость въ выговорѣ особенно различима у жителей дер. Ялина, такъ что съ перваго раза можно отличить Ялинца по этому говору" 2).

Третій наблюдатель сообщаетъ данныя изъ говора Вяксинскаго Троицкаго приказа: мѣна ц и ч или употребленіе „чего-то средняго" между этими звуками, ё во „многихъ" словахъ вм. е: крутоёе вёёро, ёдёнь, „иногда", и вм. ъ: обёдня, форма твор. мн. на мъ, форма дат. мн. и тв. ед. прилагат. на имъ: бъ-лымъ плапкомъ, по сухіимъ дорогамъ, форма возвр. з.: бойимсы, мойимсы, шататыцы 3).

Въ текстахъ, записанныхъ Барсовымъ въ селѣ Логиновѣ, кромѣ мѣны ц и ч и и цъ ъ

---

2) Новгородск. сб., V, стр. 39, 161.
3) Тамъ же, стр. 38–39.

передъ мягкими согласными: обѣдня, отмѣченъ формы твор. мн. нами ч). О бѣлозерскомъ говорѣ мы знаемъ, что въ немъ часто ꙁ (которое всегда мягко) вм. я, нерѣдко и вм. ѣ: вѣтеръ, вѣники, бѣлѧ́е, целовѣ́ръ, нерѣдко е вм. я (при слѣдующемъ мягкомъ согласномъ): петь (=пять), хресьѣ́нинъ, ходе́нь, встрѣчаемся и вм. е безъ ударенія: шишо́, недѣля, тибя, тибѣ́; двойное ш твердо: шшо́; хв замѣняется черезъ фр: фратать, фрорость (=хворость). Формы род. ед. муж. и ср. р. всегда на во (на ова рѣчь); тъ-же ф. женск. р. иногда на ше и ше: зъ большиѣ головы, ни одѣлые пѣсни, нетъ сѣнѣе краски, съ

---

4) Барсовъ, Причитанія сѣверного края, I, №№ 3 и 5. Въ текстахъ, записанныхъ въ другомъ (близкомъ) селѣ того-же уѣзда отмѣчено еще: дви любы, мия, тибя, формы род. нова, возвр. зам. на сѧ, цѣ, остатки

тные́ стороны; формы непр. накл. иногда сохраняют окончание тн: ся́сти (= сесть), а ф. повел. н. — суффиксы и: ся́ди, ся́дьте; ф. возвр. гл. всегда оканчиваются на сь (иногда окончания сь); ф. сравнит. степени имеют окончание ше. Наблюдатель замечает: „грамматическая сторона белозерского говора поражает отчетливостью и ясностью окончаний" 5). Голосовые в говоре белозерцев отличаются еще ими вы. дес: оламаць и указали на разницу употребления ф. дат. мн. вместо твор. и на обратно.

Говоры С.-Петербургской губ. принадлежат к числу сильно-доканающих.

Говоры дер. Княжей горы, Лужского уезда: руки-те, дядьки-те, у яшш-те, пйка-та (Зеленец., II, стр. 84, 281).

5) на основ. рукоп. труда г. Порошина.

у., имеет о очень закрытое (отли-чено: мацуха, упять), и вм. ъ (сво-радическое): свирѝпой, твердое двой-ное ш, формы дат.—местн. на ы, твор. мн. на мъ (рядом — отч. мо-ды — ф. дат. людемш), 3 л. безъ ть: плывё, полѝваё. Сверх того: мяг-кое зкд вм. жяс (вожде́ятица). Зву-ка h уронъ нѣтъ *).

Въ говорѣ Яблонницкой волости, того же уѣзда (въ юзепой части, отмѣчено: дрѣнь, нить, здѐ (здѣсь). Въ одной изъ деревень этой волости (въ Заполь) з мягкое очень близко къ польскому мягкому ź, т.е. зву-читъ какъ очень мягкое зк 2). Говоръ Гдовскаго у. (сосѣдняго съ псковской губ.) имѣетъ окающе не полное: Аксѝнья, дѐвять (род. мн.), вѣтья (3 л. ед.), рядомъ съ пѣсня, рѐбро, вѐдро, даже у топрѝ: сверхъ того: въ тебя́ (= у тебя), ла́нно (ладно), и т. п. олмаокать, шшу-

*) Зап. л. Русск. геогр. общ. по отд.

ка, дýмаишь, добры люди; форми
род. ед. у ясене́, дат.-мест. ед.
въ водѣ, тв. мн. на мъ, 3 л. ед.
буду мъ: клюё. Наконецъ: добры-
мъ и т. п., рядомъ съ добрыми;
вси, всемъ и т. п. 3).

Сравни псковскіе говоры.

Въ говорѣ Шлиссельбургскаго у.
(д. Марьино) отмѣчено мягкое т
вм. мягкаго к и (вѣроятно, въ от-
дѣльныхъ словахъ) на оборотъ: тень
(кинь), тистъ, тишти и почки
(почти) и твердое двойное мм 4).
Говорѣ Новоладожскаго у., при
частомъ м вм. н: бѣмой, невѣска,
мйту, въ себй, измѣнѣ стяже-
ніе гласныхъ: гулять, скáзывать,
др. дат. вин. др. твор., др. 3 л. быть
ть (понѣсёё), а также е

этногр., IV, стр. Лиль-Адамов.
2) Извѣстія отд. р. яз. и сл. Ак. н. 1896 г.,
II.
3) Тамъ же.
4) На основаніи сообщенія В. Н. Перетца.

вм. я: горе́ть (= горячь) и е вм. и (в отдельных словах: завёйте = завей-те 5).

Говоры приладожский, на берегах р. Ояти, у Ладожского оз., на грани-це губ. новгородской и олонецкой, имеет о очень закрытое (отме-чено: чудовйхъ), и вм. ъ почти все-гда: спитъ, лисъ, тило, два голо-вы, себи́ (= себя), ор. твор. на мъ 3 л. без ть (форма на етъ и ятъ имеет, всегда: несё, лю́бя, но: несётца; форма на е и у так-же имеет, всегда: лю́бить, нёсуть), возвр. з. на ся (дала́ся, научи́лся). Отмечено и без ударения вм. е в меня́, тебя́, себя́. Цоканье здесь не сильно 6).

Говоры юго-восточный Пріонежья, Олонецкой губ., уездов Каргопольского и Вытегорского,

---

5) одна имеет на этом гов. в нов. сб., II.

6) Зам. И. Русск. геогр. общ. по отд. этногр., II, ст. Крушова.

по Колосову, одинаково и ясно и (отчетливое) вм. е постоянно (е вм. и не встречено), ё изр. е часто, и вм. ъ (перед мягкими согласными): семью, летить, е вм. я очень часто: день, ченша (= чаща), повенцёлись, мягкое ц, и вм. е без ударения: рибята, знаить, ф. дат.-мест. на ы вм. ъ (спорадически) и на е вм. и: по гряде, вин. ед. женск. р. ей и ю = её: сватать ей, неопред. н. сидеци = сесть (форма дат. мн. вм. ф. твор. неправильно). Описание Колосова может быть пополнено следующими данными. В говоре Харлампольского края (= Харлампольский у. с соседними частями Пудожского и Вытегорского у.) отмечено: у вм. о в ударн., очень мягкое ц, формы возвр. з. на сь, ць, остатки формы членя 1).

---

1) Изв. Отд. 1892 г., III.

Въ говорѣ д. Езерко (Вытегорскаго у., Кошкусской волости, въ 40 верстахъ къ югу отъ г. Вытегры): у въ скуря́е, ту дёмъ, уня́ть, я́блукъ (рядко), и изъ е безъ ударенія: бисёда (даже: тись = тесть, двирь, спи́тня), и изъ ъ не только передъ мягкими согласными, но и въ концѣ словъ: мни, тиби, дви, на сухи́й, у изъ я передъ согласными и въ концѣ словъ: брай, майдя́ть, твердые губные въ концѣ словъ: любофь, сёмь, го́лудь, ц = ць, стяженіе гласныхъ: тёмна ноць, темну ноць, тёмны ноци (рѣдко. тёмныи), знашь, знать и т. д., формы род. на во, дат.-мѣстн. ед. ж. р. на ви, им. ед. м. р. худо́й, до́брый, сла́дкый, бо́льшой, род., дат., тв., мѣстн. ед. ж. худо́й, до́брый и т. д., тв. ед. ба́бый, синий (синой), тв. мн. сущ. и прилаг. на мъ, тв. мн. существъ. на ми, дат.-тв. прилаг. на ма: съ до́брыма родителямъ.

11 мѣстоим. Диалектальныя особенности.

зя добрыя людямъ, съ нами, 2 и 3 л. бъёсься, идё, ядё, идёмъ, идёте (съ ё), 3 л. мн. рубя, шуми (но всегда знать и т. п. съ мъ после а), 3 л. ед. е и есте, возвр. з. на се и сё; остатки формы члена; сравн. ст. на яё. Звука ч не существуетъ (кромѣ группы шч), лишь мягкое щ. Переходя я въ е неудовлетворительно 2).

Въ говорѣ с. Коштугова отмѣчено: берёзынька, молодёмыньки, у цъ въ: дерёуня, ворочка, др. тв. мн. вамъ добрыма людьмы, 3 л. ед. есте, 2 л. мн. повел. понатуёрьтесь, остатки формы члена: первую—ту недѣлю 3).

Въ говорѣ волостей Ухотской, Мильдской и Тихманской (въ сѣверо-восточномъ углу Вытегорскаго у., въ сосѣдствѣ съ Карго-

---

2) Изв. отд. р. яз. и сл. Ак. Н. 1896 г., т. III.

3) Олон. Губ. Вѣдом. 1893 г., №№ 19-22.

померлый и Кирилловский-у.) наблюдатель указывает на грубое, рождущее слуех о (яблунь и еще несколько слов — ск у вм. о), на частое ё или е без ударения: Стёпанъ, зерно, рождённые, сёрдцё, синёё, играётъ, даяре телёга, на е или я перед мягкими согласными: дёдя, петь, отнёть, дьецёкъ, даяре мёкоть (в конце слов я сохраняется: обйдня), на и или ъ подъ ударением (вероятно, по преимуществу перед мягкими согласными): рйцька, здрел, обйдня, до вйку, невйрной, на мягкія зкд и шт. вм. зкяс и шч: дрбяди, ббяди, сядять, штюка, рошчя, на мягкое шч, на др вм. дв: дрестн, дрорестн, дроя, на мм и вв, в вм. бл, бв: оммань, вв-винцёть, двороватъ, на стяжение гіосныхъ въ мовё, играмъ, лмагать. Замѣтимъ, что наблюдателемъ замѣчено: звукъ г

„всегда съ густымъ придыханіемъ, близко къ х", отъ „тонкое г никогда не слышится", въ вел. ч обычно, и въ у мущинъ твердое, а у женщинъ „доходитъ до слащавости"; „замѣна звука ц звукомъ ч строго не соблюдается", и вел. ц иногда слышится звукъ средній между ч и ц, близкій къ ч. Сверхъ того, отмѣчено: и вел. е въ двереѣ, мягкое с вел. ч (ш) въ сердесьный, молосьный, наросьнѣ и др. Грам.: род. ед. на ово, дат.-мест. ед. отъ грехѣ (въ грѣху), отъ кровѣ, путѣ, им. мн. колосьѣ, кореньѣ, колѣ, неопр. текуи, сѣкуи (сѣчь), лекуи, возвр. з. на сѣ: роклюносѣ, сошлисѣ, одѣвайсѣ, ср. ст. на яя: добряя, полняя, очень часто употребляющіеся остатки оформ. члена: дорога-то, реки-те, поля-те. Рѣчь подвижныхъ волостей растянута; удареніе придаетъ гласнымъ почти вдвое противъ долготу

сравнительно съ другими гласными; вообще эта речь имѣетъ какую-то особенную плавность и мелодичность. 1).

Относительно говора въ г. Карпогоры можно сказать, что въ немъ „выговариваются неправильно" (т.е. как-ле) только въ глаголѣ-есть, удерживая въ другихъ словахъ „правильный выговоръ" 2).

Говоръ Петрозаводскаго у. (дер. Лембачева, въ 19 вер. отъ Петрозаводска) имѣетъ ё изъ е безъ ударенія сравнительно редко: воскресёный, скорёе, дубовыё, наше, но следа́, ребро́, веду́, беру́, озеро, погреть и т.п. съ е; е безъ ударенія сохраняется (но недѣля), ъ=е (но дѣется = дѣлается, висѣть, свирѣпа), я сохраняется (но недесять), ц мягкое, конечные губные твердые: любовь, семь, голуч, стяженіе гласныхъ: добра

1) Ист. Сбр. 1843 г., III. 2) Кораблевъ. Эт. и геогр. оч. г. Карпогора. м. 1851, стр. 68.

мать (по одному), добрые люди, л перед согласными и в конце слов = ŭ: дóбŭро, бы́ŭ; формы род. мирóвóво и стáновóно; енó, водé и водú, дат.-мьсин. ед. яс. р. на ы, 3 л. ед. тúáше любú, нóсú, сúн. рубя, любя, сюдя́, возвр. з. на се 3) Говоры окрестностей озер Вигозера и Водлозера (в сев.-зап. пріонежье) отличается „покломоносивно" ц ч ч и ъ ч ц, по слухам, где вместо ц — чистое ч, а вм. ъ — чистое ц, редки и непостоянны; обыкновенно смешиваются средние звуки, которые наблюдатель затрудняется передать графически. Ночь, очень редко говорят молодéць, бéлой свéйч; обыкновенно слышно что-то среднее между молодéць и молодець, между свéйч и свéч. Здесь о — „чистое": ё или е очень часто: слáвьнё, коро-

3) Изв. отд. р. яз. и сл. Ак. н. 1896 г., II.

вицо, здра́рствуёть, пря́дочка, сьятелёвичь; е изъ я (спорадически): не́нюшка; ц можетъ быть мягко: цюдо, лицё; есть стяжение гласныхъ: пока́зывать; орфограммы дат.—мѣстн. ед. на ы, твор. мн. сущ. и мѣстоим. на мы: столамы, намы (рядомъ на ма), тв. мн. прилаг. на ма: дубовыма, 3 л. безъ ть: ку́шаё, лю́бя (= любятъ), возвр. 3 л. на ся, сы и со: показа́лось, закружи́лысо. Сверхъ того, и изъ е безъ ударенія въ мыня́, и—что вѣрно—ъ въ ор. род. ед.: доброго, не доброво [1].

Говоръ ловецкій и его уподобленіе (сообщеніе внѣязеваго ц.) не имѣетъ вѣрныхъ особенностей. Въ немногихъ словахъ часто ц (мягкое) вм. ч, часто ё изъ е (оружёё, ё-есть), спорадическое и вм. ъ:

1) Внѣязек. былины, соб. Гильфердингомъ (особ. введеніе, стр. XXX).

свирепой, здѣ, гдѣ, мнѣ, стяженіе гласныхъ: дѣлать; формы род. на ова, дат.-мѣстн. ед. на ы, твор. мн. существительныхъ на мы, а прилагательныхъ на ма, 3 л. буд. тъ.

Говоръ окрестностей у. Кенозера и рѣки Мошки (сѣв.-вост. Прионежье) отличается „чистымъ“ произношеніемъ ц (т. е. нѣтъ ч вм. ц, но ц вм. ч обычно), ъ=е (ъ весьма рѣдко принимаетъ оттѣнокъ звука и"), частымъ ё изъ е, стяженіемъ гласныхъ, формами дат.-мѣстн. ед. на ы, твор. на ма (подъ нимо́й = подъ нами), 3 л. буд. тъ [а]).

По Ѳибликову, въ Олон. губ. „многообразіе разнорѣчій не только по уѣздамъ, но даже по волостямъ“, изъ которыхъ два главныхъ: 1) заонѣжское и близкое къ

[а]) тамъ же.

нему пудожское и 2) каргопольско-вытегорское. По его словам, выдающиеся черты вепсских говоров таковы: мягкия ц и ч: цуожой, молодець, ученичя; а после як вм. е: ясанинъ, ясаланной; и „иногда" иль е: бизодия (ничего недъимающий), цирточка и на оборотъ, звукъ близкій къ е „иногда" иль и: гредня (гридня); и иль п „почти всегда, а на концѣ словъ и во орлекѣмяхъ всегда": рицинька, свитѣйъ, годи; мягкое ясо въ попосядяне, пріѣзяодяшь; оформы твор. мн. существит. на мь и ми, а прилагат. и местоимений на ма, 3 л. ед. на ть и безъ ть (съ е, не ё: ведéть, также какъ въ ведéшь, ведéшь, ведéте), возвр. з. даватьце, колоститьце, сравн. степ. скурядé, вырняке 3).

3) Рыбниковъ. Песни, ч. IV, приложение. еще — Рыбниковъ, ч. III, стр. 347 сл. и у Барсова, причит. сѣв. края.

По Шахматову, въ говорѣ Петроградскаго, Новгородскаго и Псковскаго уѣздовъ, на мѣстѣ древняго и орѳографическаго ѣ, подъ удареніемъ передъ твердымъ согласнымъ слышится узкое е (въ родѣ того, которое слышится въ день), отличное отъ обычнаго въ такихъ случаяхъ широкаго е: зверѐ-ло, невѐста и т. п. [4].

---

4) Изслѣд. въ области р. орѳоэпики, Варш. 1893, стр. 165. — Шахматовъ, (поѣздка въ Обонежье и Корелу, Спб. 1894, стр. 88) говоритъ слѣд.: „Заонежанинъ и говоритъ не такъ, какъ вообще сѣверянинъ, и потому его говоръ сейчасъ узнаешь, и отличишь заонежанина въ толпѣ русскихъ крестьянъ. Удареніе онъ дѣлаетъ такъ, что иное слово сразу и не поймешь ...; не стѣсняется онъ и буквами и тянетъ ихъ по-своему, то наступаетъ малороссійскому языку, то цокаетъ... Говоритъ обонежанинъ (и заонежанинъ)...

Переходим к Архангельской губ. Колосов говорит, что в ней ѣ ещё ближе, чем в других местах (между прочим, чем в Вологодской губ.), что и путь к ручью, что р. род. падежа оканчивается на ова, а форма возвр. з. на ёй [1]

медленно, с растановочкой, и притом тяжко и расплывчато. Одним словом, как говорит здешняя (у них расплывчатость сильно всего замечена), значит самый отчаянный ренегат... Как ловко она вытягивает гласную, смягчает согласную подпирает, опускает гласную, так ясно, что речь такая и имеется у нея". — Кроме чисто русского говора в Олонецкой губ. сталкиваемся говором карело-русским с особенною фонетикой и акцентуацией. О них у Шахматова, стр. 316 (срв. Эсив. Сб. 1892 г. IV, ст. Лыскова).

1) „Вообще жители (Арх. губ.) говорят несколько протяжно, особенно на гласных, удваивая гласные:

Говоръ г. Онеги и его уѣзда имѣетъ частые ц (мягкое) вм. ч и ця обо-ротъ: краса́вица, молоця́ (род. ед.), льются (3 л.), частые ѣ изъ е: будѣ́, голѣ́, синѣ́е, лѣ́ситъ, и вм. ъ въ концѣ словъ: ори сундуки́, ори Ки́еви, частые е изъ я: кнесь, кне́-зя, бо́ринь, перене́ми (твор.), сре-дясе́тся, стяженій гласныхъ: ду-мать (рядомъ: ду́маѣть), смеле́, мелке́, скоря́ (сравн. ст., = смелѣе), твердыя двойныя лл и ляе, сира-дическое и вм. е безъ ударенія: мелня́, по ре́цинъги, окромы род. ед. ново, твор. ми существит. на ми: цуцими, а прилагател-ныхъ и мѣстоимений на мо: сиорямо́я, темо́я 3 л. безл.: будѣ́ (рядомъ: кежѣ́ть), возвр. з на се; мѣстоимение цуо. Сверхъ того отмѣчено мягкое с вмѣсто ш (ш) передъ м: зъмѣной голосъ, королѣ́вись ня, плата худо́сьмая, новой; говорить. Ясурн. М. нар. пр.

и остатки оформи членов: глаза́-те[2]
В говорах Архангельского у. мы
знаем очень мало. Отмечено мяг-
кое ц в вин. п (ч въ книгѣ не употреб-
ляется), а въ оконча́нии, и вин. п
въ на ковры́ (при любить), е изъ я
въ питье́мы (говор.), протя́гивай,
говорят двойные лл, оформы род.
ед. жен. р. тля (?), дат.-мест.
ед. на ѣ, тв. мн. сущест. на
мы, а прилаг. на ма, возвр. з.
на ся, остатки оформ членов:
ко злодѣю-ту, оренидѣбу-ту[3].
В говорах большей части Пинежс-
ского у. наши оконч. падеже
скудны. Въ нем отмечены: у
въ скурне, ночтовать (чесно-
вать = угощать), мягкие ц въ

1850 г., ч. 65, стр. 134 (= Арханг. губ. Вед.
1844 г. № 30). По Далю, „въ говоре
говора на западѣ Арх. губ. умень-
шается; она слышна по Пенеге, ме-
зени, Двине".

2) Кораблевъ. Очеркъ правописания-
ния этнографіи г. Онеги, М. 1853 —
Памятники и образцы народн. языка
и слов. (изд. Л. Н. Майковъ, III, IV).
Летописи
Русск. народа, I. спб. 1864 (Онего).

сию ч : цячеч, цяфо, и на оборотъ: петьница (рядомъ сь цячеч, пятница), частые и цуч е и я безъ ударенія: цивéска, цидрéнь, цíчько, цикíна, свицíна (свящíна), частые ё цуч е (далее: дубовьё, имя. мн.), е цуч я: пенéль, качéчь, чеéй, еýкъ, цéфо (=чаво), и цуч ъ: цíня, цилíзо, цíкесць, стоящее цíсломъ: дýмаць, дýмаць, цверфое двойное яс, форцíи род. на ова, цвор. мн. на ма: шáпкима, лопáтьима, небрýкима, врéмима, мѣсьцíн. ед. во цутé (одинъ путь) [1], неопр. и. экéй,

---

3) Цесомнѣч. Мѣсьцíнось сию: часадъ Цецокея, Цíнеéй часадъ, д. Косковá гора.

1) Арханг. губ. Вѣд. 1855 г. №№ 1 и 2. Произношеніе словъ, читаемыхъ мною здѣсь, протяжно. Въ цятомъ періодѣ и въ оборотахъ рѣчи отличаются особенныя растяженія, повышенія и понижсенія ударенія, которыя на письмѣ ударенія непоказываю.

возвр. з. на ся; местоимение цо. Говоры остальной, нижней части того же уезда — тоть же, что в соседней части Вологодской губ. 2).

В говоре г. Кеми отмечено: мягкие ц вм. ч (ч нет), ѣ в-ме-сятьстьмицѣ, будѣть, а чуть е в-яранѣть, и вм. ъ в ор. дат. цѣсу-ки, твердое двойное лл: слуш-лой, лщ в-грощую (грощу), род. зеленого и крутлово, дат.-мьстн. ед. яс. р. на ы, тв. мн. читлма рлщькалми 3).

Сверх того, Колосов упоминает, что в Кемском у. местоимение звучит чо и цо, а в Мезени форма возвр. зам. может оканчиваться на со.

---

1) Материалы изд. Имп. о-ва „Восточ. Кировского" вып. I, стр. 77—86, вып. V, стр. 130-132.

2) Ясителей нижней части сообщества выражают словами: куда ходить, куда ношов? (им. п. обш.

Большая часть говоров Вологодской губ. (вместе с соседними Олонецкой, Архангельской, Костромской и Новгородской) составляют особую группу с говором (по Дому) „очень мягким".

Говоры Вельска и его уезда употребляют и ц и ч, но не так, как наш, а на оборот: очень, теперь, свеча и лицо, солнце, цвет (с ц мягким); они произносят ч вместо ц очень часто: ясные, берите, далее: со службы царские (род. ед.), ясный (им. мн.), и вм. ъ почти всегда: дило, нитку, свитр, во мни, с и ъ я перед мягкими согласными постоянно:

любит. естествозн. при Моск. у-тъ, XXX, вып. 2, стр. 25).

3) Истомить. — Авторъ „очерков западной Вологодчины" разсказывает, как его везли гребцы-бабы изъ Сумского посада. „Страшной говор шло нарочно меня... Помню особенно говор, страшной быстроты рвом, прикосновения, поражало также и чрезвычайное обилие мягких. словъ (Русск. Ковчег. кн. 1913. стр. 104.)".

сме..., зеть, засвищей (= засвищой), гледя (3 лиц.), стяжение гласных: одлаш, прилогать, форлим. род. на ово (доброво) и ова, твор. ед. существ. и мъстоим. на мь: съ цебомаш, съ вамь, возвр. з. на сё, цё: вьемсё. Сверёт того, въ нем. сз вм. ш: пусцо, часпе и вм. е безъ ударения: чшо (= чело), либёдушка, пошцую (= молюсь), вшоей (= ведя), шшя, шебя, и у въ концѣ словъ и передъ согласными вмѣсто в и л: стоу (= стовь), шоу (= шолъ), ходёу, шёувшу (= молвивши), водна. Междометие што звучитъ и што и цо 4). Савваитовъ, говоря о говорѣ корей-цо местности Вельского у., замѣчаетъ, что въ нем. „по большей части ш вм. ч, а иногда и на оборотъ; писать однее рѣже", и что „и часто вмѣсто ъ". Изъ отличій, кромѣ е

Собиратель · Вѣстникъ знаній 12 кн

4) Этногр. сб., V (ст. Воронова); Вѣстн. Р. геогр. об. № 25.

въ я, у вм. ѧ, еще мягкое ясд въ пиѣядя́тте и ф. сравн. степ. поскоря́ѣя, побыля́ѣя [1].

Говоръ Яренска и его уѣзда, повидимому, тотъ же, что говоръ Вельска. Отличенія: и вм. ч („самая обыкновенная замѣна"; ц — мягко; оно передается наблюдателемъ чередуясь, и вм. ъь: повѣшки, ѣдемъ, Олексѣй, Андрѣй (рядомъ: вмѣстте, въ гостѣ), е вм. я: пецѣль, несцѣсье, двѣтцеть, вдѣди; въ передъ согласными, по словамъ наблюдателя, всегда произносится „такъ твердо, что больше похоже на у, только короче послѣдняго". Твердое звучитъ л „въ концѣ словъ, особенно въ ф. прош. вр."; взоу́ дѣуку, вы́дѣу; смягченіе гласныхъ часто: знаш,

[1] Лексикографическій 1841 г., ч. 2, стр. 271–272 (смѣсь).; Р. Фил. В. 1882 г. № 4, стр. 226. Нѣсколько мѣстныхъ словъ изъ Вельскаго у. въ Арх. Стат. 1895 г.

сбирáется, знать; двойные и ливерде: учительство; мъсмоимение звучит ичтё и цо; формы сравн. степ. на ядя. Что достопримечательно въ яренском говоре это - сохранение звонких (= звучных): родка, водка, родъ, зимъ, рочь 2). Колосов указывает въ яренском говоре еще ф. род. на ова.

Говоры Сольвычегодска и Великаго Устюга отличаются, судя по наблюдениям (мех) между Вельском и Яренском и по сообщениям Колосова и Белорусцова, очень близки къ говорам великому и яренскому. Колосов отмечает въ сольвычегодском говоре, кроме ъ = и и е пред я, - мягкое ц вм. ч или звук средний между ц и ч, и вм. е как без ударения, так и передъ ударением: видя (= веди), тичють, сицо, овичка, в (т.е. ў ?) 3)

2) Вологодск. сб., IV. стр. 85-92.

3) Колосов определяет звук въ как средний между в и ў.

вел. л: гнѣвковать, довбить, шовь, стяжение гласных только въ форме 2 л: ужать, ф. твор. мн. чашкима, вторыма, конима, красныма, ф. сравн. ст. на яя. Дмитріевъ въ великорусскомъ говорѣ, кромѣ мягкаго ц вел. ч и на оборотъ, ѣ далее въ люде добрыѣ, ъ = и, е изъ я (передъ мягкими согласными) и стяженія гласныхъ (ужать рядомъ съ ужёть), отмѣчаетъ а вел. е въ ялмйо, с въ молосной, женая мука, писменныхъ, шз = шш, твердое л въ сйльной, больной, большущимой, или изъ бл: облибить, наколедь у вел. в и л передъ согласными и въ концѣ словъ: дайно, добго, быў, колоў, далее урйчь, ўрёчь (время), формы род. на ово и ова, дат.-мѣстн. ед. жс. р. дверѣ, фуцерѣ, возвр. з. на цяъ, сравн. ст. сильнѣ, крепцяѣ, остатки формъ числа: бабу-ту, бабы-ти, сёло-то, мѣстоимѣнія цѣ и тѣ.

В устно-разных текстах, записанных Савваитовым, отмечено только ц вм. ч (иногда мягкое: цветной, мостоцьку, но: мостоцькъ), и вм. ъ: грíéть, рáцька, е вм. я: мíсець, местоим. цьо. Шевырев приводит, как обр устно-язычной черты — обр не вм. дн: ланко [1]. В обр говоре Тотемского и Кадниковского у. мы знаем отр Колосова, что в нем о может звучать (в отдельных словах?) как уо: трудось (=трость), что в нем обычно ц вм. ч и ч вм. ц, й ич е (особенно в конце слов: добрыё, руки бéлыё, но: ходúте), и вм. ъь перед мягкими согласными: в нйне, в невúсте (при: нéня, невéстя), е из я также перед мягкими согл.: éтцо, сéнь, стнéть, твердое двойное ш: ешшó с (перепадка) или ч (ш); молúсей

[1] Ярсв. стар. 1893 г., III; Москвитянин 1842 г., ч. 6, стр. 312, 333; Р. Фил. В. 1882,

(= молочный), твердое л передн. ц: бо́лцой; кое-где въ немъ мягкое ц: ручця, лёгонькёй; ор. род. на ово и на ова; ор. возвр. з. на цо: биццо; ор. сравн. ст. на ще; мѣстоименія што, тцё, цё. Нѣкоторыя мѣстности (указано с. Вогиа, Томскаго у.) имѣютъ постоянно, передъ согласными и въ концѣ словъ, в (ў.[2]) вмѣсто л: дово, ко́лковъ, ливъ, рѣдко стоящее гласными: зыа́ёіть, мы вы. бм: омманъ, ор. им.-вин. мн. на вё; ор. дат.-мѣстн. на ем. и: въ мо́тере; ор. возвр. з. на сё, со, цо: напивсё, де́лаётсо, де́лаццо 2).

Изъ одного говора Томскаго у. (Кафтинская волость, с. Кенгуры) мы имѣемъ слѣд. данныя: указаніе „часто въ увеличенномъ видѣ": дцоро́шый,

№ 4; Шевыревъ, поѣздка въ Кир.-Бѣл. мон., II, 115. Авторъ статьи въ ор. в. отмѣчаетъ въ Городищѣ, Кемскаго у., мѣстоим. сё, чё, цё (рядомъ съ цё, цё).
2) Р. Фил. В. 1887 г., № 4.

и и ъ е безъ ударенія: великúдушіе и иногда ъ передъ мягкими согласными: вúрить (но обúдѣть, обúдѣнъ = объ е и ъ я также передъ мягкими согласными: опéть, дéтель, мягкъ въ дрéдькѣ, Васькя, сулéйкю, Селменьгя („обúдѣ" подобными окончаніями), твердое л въ полуа, болка, формы твор. мн. на мъ, з л. воз з. на тцы, тсе, чсе: гридьсе, ногтсе. пекчи, сравн. ст. едренят. Примѣчаніе. ц и ч, ъ вм. ц употребляется обыкновенно женщинами 3). Изъ одного говора Кадниковскаго у. (с. Корбанка) мы имѣемъ такія факты: ц и ч мягкіе: солчѣ, кольцёвая; спорадическое ц изъ ъ: гридьцы; мягкое к въ мишýтонькя, тётунька, голубушкю, но ме

3). Зап. Ак. Наукъ, т. VI (1893 г.), съ приложеніемъ къ протоколамъ.

лёконькю; оконч. род. ед. ж. р. и им. -вин. мн. на ые: род. курицыные, (и нашеё), им. какіе, тёмные, местоимение цёй 4).

Из другого говора того же уезда (волость Кремлевская, в северо-западном углу уезда) мы имеем следующия данныя: у мягкое употребляется вм. ч после, а и является вм. у „иногда"; и пуд передь мягкими согласными; е пуд я передь теми же согласными; ў пуд ь и л передь согласными и в конце слов: дёўка, дўў'ю, ходўў; ц звучит как твердое ш; переход ор вм. ар в оборот: орось, уорать, ворёіть, даже Хролой день. Окончан. род. ед. м. р. на во, женск. р. на ые и ыё: добрые дорбіные, род.-вин. јіё (ее), 3-го л. ед. с ть: давайёть, бываеть, возвр. 3. 2го л. ед. рукаесе, деревесе (с одним

4) Зап. Старыня, 1894 г., I.

с), зн. бра́нитце (ед.), бра́нятце (мн.). Сравн. ст. на ѧ и іе ряда́ми: сильня́ и сильне́.

В третьемъ говорѣ того же у. (центральныя волости уѣзда: Петряевская, Васьяновская, Машенская, Четвертѣнская и др.) мы знаемъ лишь то, что вмѣсто о въ немъ слышится звукъ похожій на уо: куо-ро́вя, тулько, пуомно, куони, дуомя, и что ѣ въ нѣкоторыхъ случаяхъ мягко: пицюю и т. п.[1]) Въ говорѣ Грязовца Колосовъ отмѣчаетъ и вм. е безъ ударенія въ тибе́, частое стяженіе гласныхъ: зна́ть, и сверхъ того, среднее л въ формахъ прошедшаго врем.: зноль.

Въ говорѣ Никольскаго у. тотъ же Колосовъ отмѣчаетъ ц вм. ч и ѣ (ясное) вмѣсто у. Въ немъ извѣстно еще и вм. ъ и е вм. я

---

1) Тамъ же, 1895 г., III—IV.

передъ мягкими согласными [2], местоимение имя.

Изъ уроженцевъ говоровъ Тверской губ. мы имѣемъ все-какія свѣдѣнія о говорѣ Тверского у.; на границѣ съ Корчевскимъ у. въ имяхъ не только из вм. ч, но и дз вм. мягкаго д, ц вм. мягкаго т: дзе́ло, дзядзя, цебя́, у ця; о въ немъ звучитъ, можетъ-быть, закрыто (отмѣчено: утопри́, съ па́лкуй, зъ-ро-са́дуй); есть е изъ я: ерва́й, еи́цо́; стяженія гласныхъ обычны: зе́-лаишь, зе́лаить, мево́, мему́; ф. род. цея́, 2 л. ед. возвр. з. -ратаиться. По-видимому, есть случаи аканья (отмѣчено: моланья́). Вполнѣ ясно, что этотъ говоръ находится въ тѣсной связи съ бѣлорусскими говорами Тверской губ. [3].

---

2) „Сказки Афанасьева".

3) Этногр. Сб., Т.; Москвитянинъ 1853 г., №16.

Сверх того, у нас есть старинная свидетельница о говоре г. Торжка. Наблюдатель самого начала нынешнего столетия отмечает: твердое ц вм. ч (цаши = чаще), цо изъ о: цуря, и изъ ъ въ двѣ недѣли, тебѣ (орат.), годи, нить, и изъ е безударения: думаить. Рядомъ съ о и ѣ безъ ударения: ёво, вчора, — случаи аканья: вѣдна дѣла. Форма вопр. з. простѝци; род. ед. мене и тебя рядомъ [4].

Наконецъ, мы узнаемъ, что говоръ д. Карцево, Новоторжского у., — цоканющій. Въ немъ отмѣчены формы тв. мн. на мъ и 3 л. мн. сидя [1].

Одинъ изъ цоканющихъ говоровъ Ярославской губ., въ Костеръ, Мологскаго у., и въ сосѣдней части Пошехонскаго у., имѣетъ не только ц вм. ч и ч вм. ц, но и мяг-

4) Русскій дорожникъ для употребл. въ пути любопыт. сообщенія. Изд. 2-е Спб. 1802 г., стр. 128. 1) Поѣздка Шёпка, стр. 479 сл.

кие дз вм. мягкого д, мягкое ц вм. мягкого т: дзере́вня, падзе́й, дзверь, цесць, цёмно; ё иногда е въ немъ очень часто: бедуцаясцыё, вялікіё, падзіўцё, дзяфе: песни весёлай (им. мн.); двойныя нн и зе твердыя: нашшу, дзяскоу; формы дат. мн. вм. ф. тв. и тя обороты: умываюсь гарадскімі сёёлаць, звёцёся ясным соколаць, по глазьнн, по полянн цветьмь; ф. Зл. бедъ тъ: цуця (= цуцяць); ф. род.-вин. ця (= тя), цея́, дат. цёе; ф. возвр. з. на са. Сверхъ того, здесь, какъ въ сильно окающемъ говорахъ, въ тѣхъ же случаяхъ, гдѣ въ этихъ послѣднихъ и, сверхъ того, после м – мягкое к: косынкя, солнышкё, коромельцкё, горькяя, горькою, синецкёй, и въ концѣ словъ ф вм. х: въ цфяфоцфъ людзюфъ, мнефъ яснымъ вцей, цфъ (= цяхъ) 2).

2) Этногр. сб. I; Памятн. и обр. нар. яз. и слов. [им. Як. Н., I]: о посцыть.

Въ другомъ говорѣ Поситья (села Захарьина, Молоскаго у.) отмѣчены лишь частые и вм. ъ: бѣлой, фигушки, вышести, е изъ я: урожя́ённый, провожя́ётый, снаря́ённый (=снаряжённый), мягкие к: бяре́зынька, -кю, ни вм. дн и еще и вм. е, обыкновенно передъ мягкими согласными, какъ безъ ударенія, такъ иногда и подъ удареніемъ: бяре́за, бисе́да, фя́рево (=дерево), дянь, иль (=день, ель), нерти гости (=звѣти), двярий (род. мн.). Но фз и ъз вм. д и т нѣтъ [3].

Въ Покровскомъ говорѣ (того же у.) „въ словахъ мѣнь, сюря, вѣсь, одно буква е произносится какъ е въ словахъ день, весь, а не какъ буква ъ; слѣдовательно, звукъ е приближается къ и“ [4].

---

3) Этногр. Сб. Т.Р. Геогр. О. 1879 г. № 2.

4) Махмутовъ, Исслѣдованія въ области р. фонетики. Каз. 1893 г., стр. 165.

Въ одномъ изъ говоровъ Пошехонскаго у. (с. Давшина), при мягкомъ ц вм. ч (цяєъ) и частомъ ѣ изъ е (пѣшо, какъ ясо, конѣєъ), отличается и вм. ъ предъ мягкими согл.: свѣчка, свѣтлѣе, горѣть (= горѣть), Тимофѣй, е вм. я: петь, стоѣть, ор. вм. ѫ: орто (= кто), теоръ, вкоѣкоторъ, формы дат. тн. вм. ор. тв. и на оборотъ: съ моимъ съ ѣтеми подлыми людьми, къ нами, съ дворами (употребленіе ор. твор. вм. ор. дат. — признакъ вѣжливости), ор. род. тіѣ, сіѣ, дат. тіе, сіе (рядомъ: тибѣ, тибе), возвр. зам. на сѣ: занемѣлся, занимаѣтцы, мѣстоим. цо (при нѣто). Сверхъ того, остатки формъ числа: конѣмъ — те и т. п. 5)

5) Этн. сб., II. Авторъ помѣщенной здѣсь статьи сообщаетъ, что описанный имъ говоръ смѣшится также на правомъ берегу Шексны

О говорящих Владимирской г. мы знаем вн. мало. Голосовы отмечены в Муромском у.: „Бурородица, очюнь; отч другого лица нами известно, что в говорах горюченской (на правомъ берегу Оки) части этого уезда (уканье сливается лишь въ ней) распространено стяжение гласных: знаишь, знаишь, сьево, сьу сторону; форма род. ед. может оканчиваться на ова, ор. род. и дат. звучат. тея, сея, тее, сее. Въ слогах после ударения, мистами, больше или меньше часто, много въ роде а вм. неударяемого о, но больше о, чьем а", ч вм. ц, повидимому, неизвестно. 1).

(Молочек. у. Ярослав. губ.) и въ Черниговском у., а говор других мест по сосседству (въ Новом. у. по р. Ону и въ Волов. у.) отличается употребл. не только ц вм. ч, но и на обор.: цёбурок, цаловек, а также шт. вм. щ.

1) Труды Влад. губ. ст. Ком. VII, IX. X;

Говоры северо-вост. части Мелеховского у., повидимому, тот же, что и в Мурашкинском; только в нем, рядом с у вм. ч, есть курицка и ч вм. у: чашкóвай. В других частях уезда рядом с окающими говорами —окающие, и тот и другой с цоканьем 2).

Отдельные говоры Покрóвского у. (Воронцовская вол., дер. Архангело и др.) имеют рядом цасъ, цорный, нощь и чарь, сонца (только у старшего поколения: молодые говорят уже „правильно"); только отдельно: цуторкú, цурéци, цубрóй (обрядя), морé, поцé, скорé и скоряé, пéтуць и вм. е без цоканья: бырé ярóк, вéтырь, бýдиць; твердые горлóвые в пекóць, дегтярóмь (1 л.),

Сорокодневъ Вл. Г. Ст. К., I.

2) Труды IX, Сорокодневъ I, IV; Ст. Зап. Каз. Чн. 1895 г., № 1. (Ст. Бунге).

жёлто, мягкие к в Ваньки, тольке и т. п., твердый двойной же и ш, стяжение гласных: ду́маешь, ду́мать, ясны дни; форма твор. мн. ф. ду́мя (отъ весь); остатки формъ числа: конца-то, масло-то, бабы-те. Повидимому, есть случаи аканья 3).

Одинъ изъ говоровъ Горбатовскаго у. (с. Березовскъ, въ 25 в. отъ Горбатова) не только имѣетъ ц вм. ч, но и дз, ц изъ мягкихъ д и т: дзе́ло, целе́га, строицъ. Въ немъ еще отмѣчено: ёво (рядомъ съ которой, мн. ед. лахмо́йка), ш = шш и с въ мѣсной 4).

Говоръ Нижегородскій губ., Ардатовскаго у. имѣетъ, рядомъ съ о. закрытымъ о (удодыха́ць) и съ ы (твердымъ) вм. ч и т вм. ц —

3) Изв. отд. р. яз. и сл. Ак. н. 1896. II.

4) Влад. губ. В. 1854 г. №24.

13 мая 1927 г. Дополнительно сообщено.

также дз вм. мягкаго д и ц (мягкое) вм. мягкаго т: отведзи, е'дзеръ, ба'бушка, несцй. Стяженіе гласныхъ: зна'ешь, сово; ор. дат. цеé, цеá' (= тебѣ); ц = ч: пуцке; спорадическое а вм. о после ударенія 1).

Цокающій говоръ Арзамасскаго у. напоминаетъ только ц вм. ч (часто). Въ одномъ отмѣченъ: ё и ъ—е безъ ударенія: цево', цолко'вый, стяженіе гласныхъ: зна'ешь, форма род. теá' 2).

Въ другомъ (с. Сынцева): ё и ю и ъ—е безъ ударенія: пёсец, ясона', лягёшка, идёти (2 л.), мягкіе д и т съ свистящими оттѣнками близко къ дз и ц, стяженіе гласныхъ: бать = бадять, формы род. тіз, сіз, дат. тіе', сіе', те. Въ концѣ словъ а вм. о безъ ударенія: вйд-

1) „Сказки Арзамасцева". — Р. фил. В. 1879 г., №2., Ж — Этногр. сб. V, смѣсь.
2) Р. фил. В. 1879 г., №2, стр. 172–163.

ня, горькай (им. ед.); г вм. ґ только въ чёркоръ 3).

Изъ окающихъ и цокающихъ говоровъ Сибирскій губ. мы знаемъ о существованіи лишь одного — с. Кувакина, Ялуторскаго у.

Передъ нами Вятская губ. съ близкаго къ ней заволжскою частью Нижегородской, съ частями Костромской и Оренбургской.

Колосовъ по говору дълитъ Вятскую губ. на двѣ части — сѣверную и южную, и находитъ, что о сильней въ первой и слабые во второй. По словамъ Колосова, въ вятскомъ краѣ о звучитъ сильнѣе къ сѣверу, слабѣе къ югу; въ его говорѣ ё или е не особенно часто, и вм. ѣ спорадически, преимущественно передъ мягкими согласными: здись, по: нить; приемъ въ одышка и тихь дре.

3) На основаніи слов. г. Сереброва.

Словаки на месте ъ могут быть и и, и е (в конце слов всегда е); е вм. я: оне́ть, забрецёло; твердыя двоятныя яс и ш (ошо́); по твердое, по мягкое ц; с мягк. ш: ясьшицъ, дивьшикъ; формы дат. мн. вм. ф. тв. (съ плечами), дат. мн. шмя́, 3 л. буд. тъ, неопр. наы. на ти: се́ять (часто), также неопр. н. запректи; остатки формы члена: фрогу-ту; местоим. штё, що.

По Васнецову, вятский край может быть разделен на три части: северную (северныя окраины Слободского и Глазовского у.), среднюю (южныя части Слободского и Глазовского у., у. Вятский, Малмыжский, Котельничский и Орловский) и южную (южныя половины Урюмского, Елабужского, Яранского, Малмыжского у.); где ныне в средней слышится собственно вятский говор, а в юж-

ной другой, заметно отличающийся от вятского и приближающийся, а часто даже сливающийся с казанскими 4). Особенности собственно вятского говора: „грубое" о, иногда переходящее в дифтонги оу: коуровино, поулё, поуть (= порт), и особое („как-бы глухое") у: худуи́ли, ну́ясить; частое ѐ или е: доброё, морё, поле́, ёй, за́дней; вставная между и и ч 1), мягкое у: уя́рь, отеуь; е вм. я: ба́ять, ба́ить, ере́чина (= вязчина); формы неопр. накл. на ти: учити, робо́тати; остатки форм членa: баба-та, бабу-ту, бабы-те, бабы-ти, окно-то, окну-ту 2).

---

4) „Для крестьян только у. чисто вятский говор странен и слушать предметом их иронии.

1) „Речь как-бы отнесется на мужескую и женскую. Мужеская речь называется, а женская уменьшая.

2) Календарь Вятск. г. на 1892 г. Вятка, 1891.

Рабинович указывает у Вятчанки мягкий ц и ч („замѣтное приближение къ ч"), е вм. я: терéть врéмце, я вм. е подъ ударением (въ нѣкоторыхъ словахъ): лячче, крячсю, др. сравн. ст. на яе (тепиче), многоличіе питё и цуо. Онъ замѣчаетъ: „вообще вятскіе говоры такъ богато провинціализмами и особенностями выговора, различнаго въ сельскомъ и городскомъ населеніи, что заслуживаютъ вниманія нашихъ филологовъ" 3).

3). Вѣстн. И. Р. Геогр. общ., ч. 24, стр. 118, 1858 г. „По мнѣнію моему, какъ вы углубляетесь во внутренность вятскаго края, вы замѣчаете въ ихъ говорѣ болѣе и болѣе этнографической особенности, которая чрезвычайно непріятно отзывается на вашемъ непривычномъ ухѣ." — Первое, чѣмъ отличается Вятчанинъ, это расширенностью гласныхъ въ говорѣ, что замѣтно не только у простолюдиновъ, но и у всѣхъ, кто не выѣзжалъ за предѣлы Вятск. губ.". Журн. М-ва Нар. Пр. 1850 г., ч. 65, стр. 148

Будде считает характерной чертой вятских говоров неудержание о, склонное к у как в силу передударения, так и в случаях удалённых от ударения 4).

(= Вятск. губ. Вед. 1847 г. № 32.) – по Колесову, вятичане мюстями и говорят с растяжением гласных, полученных почвою: пиевво и т.п. Кажется, все гласные могут иметь долготу. Растяжение гласных не всегда совпадает с ударением, а проявляется и независимо от него. Явление этой долготы довольно редко. Чего, насколько знаю, вятичане мюстями только в Вятском и Слободском уездах. В одном слове может быть две долгих гласных: Замечания, стр. 64–65. По Колесову, в собственно вятской говорке о растяжению: ну-кво, зерно, худо. Ком. Вятск. губ. на 1892 г., стр. 235.

4) Чт. Зап. Каз. Ун. 1896 г., № 10, стр. 30. По автору, „говорка вятичан не может быть названа полной: она нисколько не похожа на говорку подмосковных крестьян или вообще

Мартыновъ говоритъ: „говоръ Вятчанинъ рѣзко отличается отъ своихъ сосѣдей, исключая, можетъ-быть, только Костромичанъ. Вятчанинъ, если можно такъ выразиться, цокаетъ и цокаетъ". Онъ указываетъ на очень закрытое о (чудо = чюдо), на мягкое ц и ч, на очень частое е вм. я (мёхе, сёчо), на особенную мягкость ц и ч (цюдо и чюдо, чюлъ), на г = какъ бы хг (хгорошъ), на твердое двойное ш, на нн вм. дн (ланно), на др. вокр. з. на сш (случёшся), на мъстоим. шшё и ццё [1]).

Изъ говоровъ уѣздныхъ мѣстъ Вятской губ. знаемъ о слѣдующихъ. Въ говорѣ Вятскаго у. (сс. Вахтагальское и Верхобыстрицкое) отмѣчены: мягкое ц вм. ч и на обо-

---

оканающимся и скорое порождаетъ случаи своимъ отличительнымъ каждаго слога въ словѣ, тѣмъ главнѣйшимъ, замѣчательнымъ въ произношеніи великор. говорящихъ...".

1) Братишка, Спб. 1859 г. 274 стран.

рогъ, ѣ въ будѣтъ, со тыѣ водье, стáрыѣ старухи, дáлее ярóйдобя, и иду е въ стигáть, тибе, мыя, мнтó, е иду я не только въ вдéть, гогулéми, но и въ вделя́, ведáть, нéсть, и идуть въ кыить, здѣсь, я въ дрéво, твердое двойное ы: тѣшыа, орóрыя род. на ова, тв. ед. съ матерéвъ, дат. мн. по дверьмы, тв. мн. на мъ, дат. и тв. мн. мыи́ 1 л. вижю 2).

Въ говорѣ Слободского у., кромѣ закрытого о, блúзкаго къ у (нýгикъ = попикъ, булóто), ѣ иду е „измѣненнаго ударéнным нарастáнием" переходящую пóсле г, к дáлее въ о́: могóшъ, могóть, могóше (= можешь), „постоянная" употребления ч вм. ц и „переходная", ц вм. ч отмѣчены: далече и идуть. Кыить, свыни, нытъ, е иль я: тéбѣть, петь, дáлее: еры́къ, ведáть,

2) матерéвы въ архивѣ и. Р. геогр. общ.

мясной, твердое двойное мм: ошшо, пешшоря, откуда простое м: мо-ка = цека, формы род. ед. ова, формы дат. мн. вместо ор. твор. и на оборот: ходить-ногам, ку-пить сукно дитьмм, подошва-ками, формы твор. мн. ми́мя (= ми), формы местн. ед. на ти: сы́сти (= сысть), ор. непред. ед. пеки, ор. сравнит. степ. на яе, местоимений мне и цо. Сверх того: мягкие ц: цуцю, с вм. ш перед н: молосной, мм вм. бм: оммань, иногда твердое л перед н: колонка, формы дат.-местн. ед. черé, матерé, лошадé, пенé, ор. 1 л. ед. колошю, вредю, пушю, брошю, моясу 3).

В говоре Кайгородов местоимений что звучит по 4)

говоре Глазовского у. (Ухтымск.

3) Кал. Вятск. губ. на 1892 г.; Куроедов. Слободской у. Вятск. губ. въ геогр. и стат. отношении. Вятка. 1881.

4) Кал. Вятск. г. на 1892 г., стр. 211.

приходя и смягчения (точнее) имеет уч. закрытое о : очонно, частую мону из и ч (изною, сцесье = счастье, молодича, лючки = д людски), часто и вм. ъ передъ мягкими согл. и въ концѣ словъ: дивки, кашть, сись = сѣсть, нельзи, е изъ я передъ мягкими согласными: опе́ть, бре́чать (но: бря́кнуть), це́ю (= чаю), спорадическое и вм. е безъ ударенія: тибе́, цево́, стяженіе гласныхъ: баить, ор. дат. мн. вм. ор. твор. и на оборотъ: зи бороналить, полугами, ор. 3 л. безл. -ть, „если передъ ть должны быть два гласныхъ: тоскуе, цюе, тютюни. шие и цо. Сверхъ того, ор. 3 л. возвр. з. чу́ется, любу́ется и т. п.[5] Говоря Котельнича и по уподобл. изъ ч вм. ц (о ц вм. ч не

5) Календ. Вятск. губ. на 1880 г. Составитель н. спасский. — Трудно отличить въ твор. ч. (с. лица) у въ корову (род.), при рублёръ, твердое л: больно, и ор. род. ед. ч ко (= кою).

уроня нуто), ор. 2 л. ед. возвр. з. ругаёшься, бранишься и т. п., ф. неопред. н. на ть: говорить, мостоить[1]. Сверх того (с. Вознесенское): ь где ъ въ ядять (= ѣдять), сритеньска вóлоса, е въ петь.

Въ одномъ говоръ Орловского у. (с. Истобенское) весь шипящій мягки; еще: ё въ моёй, ор. самоё Волги; мягкое к: верьшкёорь (род. мн.); к вм. ь въ ор. род. мн.: товáрокъ, и въ предлогѣ въ: кь полянкаль, стяженіе гласныхъ: воро́чаишь, протягáишь, при перестáишь, 1 л. мн.; ор. род. ед. одноо́, безъ ь, ть. мн. на мъ; мостоить. шитё. Въ другомъ (подъ г. Орловымъ) отмѣчено: Орлóво, на мышодяхъ, большой. Въ одномъ говорѣ Новосильского у. (с. Нема) отмѣчено: ц (мягкое) вм. ч и на оборотъ и звукъ средній

---

1) Этногр. сб., V, стр. 88-89. Авторъ (Глушковъ) замѣчаетъ: „языкъ — есть чисто русскій; произнош. словъ вообще простое и твердое".

между ц и ч, глухое ы или о: го́рыть (= городъ), повезу́, ассимил. гласными: знаать, знаа (3 л. ед.), формы дат.-тв. мн. шимъ, 3 л. ед. и мн. буд. вр: говоря́ (мн.), повезу́. Въ другомъ говорѣ (д. Трядево, волость Пудожская): спорадическое открытое о: во́лось (= волость), ё и и при е безъ ударенія: будёшь, другіё (им. мн., ночьци, дрёшь, и при ъ въ неуди́ль, ассимиляція гласныхъ въ быкоа́ть (3 л.), р-обо́тать. Въ четвертомъ говорѣ (д. Бобкиги, подъ г. Повенцомъ): е при я въ пешь, и ич ъ въ ицъ, мягкое к въ толкя, ор. тв. мн. съ ленгами, 3 л. мн. говоря́; мѣстоимені цё 2).

Въ говорѣ Трядусскаго ц отмѣчены: рѣдкое употребленіе ц вм. ч и на оборотъ, часто ё при е: ля́гшиё, пѣлё, дрокіё воры, сто-

---

2) Уч. Зап. Каз. Ун. 1896 г., №10, стр. 31—32, ст. Талпе.

рядическое и изъ ъ: здѣсь, сынъ (= сынъ), е изъ я (почти повсюду передъ мягкими, нерѣдко и передъ твердыми согласн.): брене́ть, горѣть, де́ля, ве́нуть, гре́шной, до́чке (изъ до́чкя; рядомъ, въ отдѣльныхъ словахъ я вм. е: мя́хке), твердое двойное нн, мягкое кк: Ка́нкя, во́йскё, го́рькё, губе́рьскёй, то́лькё, крючо́къ, крючкёмъ, двойное лл вм. бл: олиморокъ, олиме́нь (= облонъ), спорадическое с вм. з и ш: сарь (= царь), половися, спись (= спишь), формы род. ед. мене́, дат. мн. ими́ (= имъ), въ ломаря́ми, мѣстн. ед. объ косте́, объ гредо́ (= въ кости, въ гряду), неопр. н. да́ти, ходи́ти и т. п., бе́хий, ясе́хий, сравн. ст. на ясе, мѣстоим. ми́нё (рядомъ по-мно). Стяженіе гласныхъ рѣдко: де́лаёть, зна́ёть, копёйкъ 3).

3) Мошницкій, особен. русск. говора въ Чрезчинск. у., Вятск. г. Казань, 1885 г. Тотъ же говоръ, по Мошницкому, въ

О говоре Сарапульского у. мы знаем лишь то, что в нем есть и вм. ъ: вишь (= высть), е вм. я (кричéть), ф. дат. мы. вм. ф. твор., ф. имя = имч 1).

Говоры Малмыжского у. имеют и некоторыя особенности, вполне вероятно отличающия его от других великорусских. Отмечено: е вм. ц: сэркова, словальнике 2).

Некоторыми местами орловск. у. Васильев объ удмуртском говоре замечает, что в нем о не только звучит „мягче", чем в говорах вятском, но далее переходит в а: харошо, карова (?).

Рам. Вятск. г. на 1892 г., 235.

1) Команд. Вятск. губ. на 1880 г., стр. 79.

2) Современник, т. 59 (ст.: „Народн. быт в Северо-Вост. России"). Говоры подл Царевосанчурском — „произношение на букву о (свисока)", т.е. окающий? Кал. Вятск. г. на 1893 г., стр. 259.

В говорѣ ветлужскаго края наши свѣдѣнія крайне скудны. Мы знаемъ, что въ предѣлахъ Нижегородской губ., онъ такова же, какъ и во всемъ ветлужскомъ краѣ, что онъ отличается отъ говора горной стороны Волги, что въ немъ „всегда" ц вм. ч [3], что ему свойственно стяженіе гласныхъ: знаишь, знать, така простыча [4], что подъ т. Ветлугою ц мягко, есть и ць въ (писаня, но дѣвицця) и е изъ я (опеть), при ор. тв. мн. на мъ [5]. Въ говорѣ Варнавинскаго, Ветлужскаго и Кологривскаго у. Костромской губ. отличенъ лишь ц вм. ч и в вм. л: говоать [6]

3) Вѣсти. И. Р. геогр. общ. 1858 г., ч. 23, стр. 164. и стр. 163.
4) Графъ Н. Толстой. Заволжскіе очерки. М. 1858.
5) На основаніи сообщенія т. Петребова. Дѣти употребляютъ въ Макарьевскомъ у. особенно-сильную мягкость ц: цяпицця.
6) Матеріалы для геогр. и статист. Россіи. Костромск. губ. Спб. 1861 г., стр. 448.

Из говоров Пермской губернии мы имеем более подробныя свѣдѣнія лишь о пермячии. В говорѣ Шадринскаго у. часто слышится ё из е без ударенія: вийёр, посиёл, вашо, куда ёво; и вмѣсто ъ передъ мягкими согласными: сиять, полетиили, бездильник, дарге одолиц-ла; е вм. я не только передъ мягкими, но (иногда) и передъ твердыми согл.: петь, па-жеть, хозеин, пелно взела. стяженіе гласныя: знаш, знали знам; твердое двойное ш: шшока; форма род. на ово и ова; форма твор.-имя (=ими) Сверхъ того: и вм. е безъ ударенія (спорадически): ни-диля, видёте, пиво: мягкое (иногда) ц; форма 2 л. ед. возвр. з.: берёшша и т. п.; остатки формъ члена: жирёвна-то, жирёвку-ту, жирёвки-те, о жирёвная-ту. Говоръ г. Чердыни и Чердынскаго у. очень близокъ къ шадринскому. Отличія: ъ вм. ъ, е вм. я; стяженіе гласныя, тв. двойное ш, ф. род. на ова, дат.-мѣсп. г дочере, на еле (=на ели), тв. ж. прилагат. и мѣстоименія на ля: столя-

1) Матеріала для знакомства Перм. говорами в Пермскомъ сборникѣ, том I и II. М. 1859-1860 и в "Сказкахъ" Аѳанасьева.

14 ноября. Диктовала Соболевскому.

ми дубовыя, осеня городами (далее: цвето́чныя алеекныя). Іл. ед.: злетю́ (= взлечу) неопр. н. -лечи́. Сверя́ тоно, и вж. е без ударенія (изрѣдка): ищо́ (= еще)[1]

Шорск. можно сказать о говорѣ Кунгурск. у. Колосов отмѣтил в нем (и в говорѣ Пермск. у.) форму сравн. ст. на ая: добраяя и мѣстоимен. чо или уо.

Говоря Соликамскаго и Ирбитскаго у. мы знаем лишь то, что о в них звучит очень закрыто (отмѣчено: будя́ливая клубу́к), что и можетъ быть на мѣстѣ ъ[2] и что е в ирбитск. говорѣ (по Колосову) иногда замѣняет у: улица, сарь, а губная п и ф в исходѣ слов всегда звучат твердо: корапъ, любоф.

В говорѣ Екатеринбургскаго у. (д. Черноусова) отмѣчено у из о: на усобщу; и из ъ передъ мягк. согл.: сини, засви́чивать, далее: невѣ́стущка; е из я: ребина, чуреснем, тресла; и из е без ударенія: клиновай, (при - клим - дерево), дубовинькой, ищо; ударенія гласная: своюю, бывать, е. из у: лицо, кольцо, сарь, молодее (при мягком у серуя

1) Даль отмѣчает в Чердынск. у. еще форму неопред. накл. (Шишонко. Отрывки из) на ти: ходити.

2) Сводная характеристика в Записках Уральск. Общ. любителей естествознания т. III и IV. Екатеринбург 1845-1883 гг.

лучёк = лучок), форма род. на ова, даб. - жительн. ед. ж. р. на заводе, птв. мн. на ль, сравнит. степ.: свытлiль; жительные ч. Сверх того: в говоре Жаштанского завода: завьедяй; в говоре Устьнижнек. завода: шшто (= еще), ф. 2 л. возвр. з. добьешься.[1] В говоре Верхотурья отличения: жьна у (жак) и ч: вацуя и вича; стяжение гласных: бегали, бегали; птв. вв. ш: шшока, форма даб. - жительн. мн. форм птв.: за ушам, форма даб. мн. ихя, ехя, фсехя (= их, всех), форма род. фсейя, даб. фсейм и т.д. (= всех, всем)[2].

В говоре Благословенского завода (Верхотурск. у.) отличено: алiстуа, дивья красоба, улiса, платьисо, товарищща. ф. 2 л. возвр. з. - заглядшшца.

В говоре Печорского края (с. Усть-Цильма) о иногда, как ба приближается к короткому у: пушол дужой; ё из е без ударения не особенно часто: сафёк (род. мн.), знаём, знаёш, но: берё, несё, бёрек (= берег) у (мягкое) вм. ч как будто неясно: улiца, уходо, а ч вм. у или совсем не употребляется или очень редко; и вм. ь спорадически: ихи, твои, на столи, фгорови (но: свеча, свёчька, свёчел); е из я не только перед мягкими, но (иногда) и перед птв. согласными: дедя, зелль, деякадесятина, благословлять, свеной, едут

[1] Шишонко. Отрывки из народ. творчества Пермск. г. Пермь 1882.
Далее следует, ч. в Екатеринбург. слышится (равно, как и в Верхотурье) ф вм. х: форбат.
[2] Вестник И.Р. Геогр. Общ. кн. X 1854 г.

(= ездуть); ятяжекія гласныя: знать (но: моего и т.д.); двойныя же иногда твердо: доброй, доброго; в конце слов всегда твердо: любовь, кровь; форма тв.-им. существительная на мя, прилагат. на ма: бѣлама рубама, коротшима рекама; форма 3 л. ед. без ть: неё (рядом: - неёть); форма возвр. з. на ся; остатки форм члена: злево-ть, наша-тта, жа́сно-то, наш-ту, в азбучки-тя, ноги-тти; женско-имекія - уё (= что). Сверя того: ѣ произносится „значительно ближе е"; форма род. ед. сохраняет древнее ѣ: добраго, твоего.

О цоканьи говоров южнаго Зауралья и нас нынѣ свѣдѣній.

Сибирь в діалектическом отношеніи нам очень мало извѣстна. Главная часть ея русскаго населенія состоит из переселенцев с нашего цокающаго сѣвера, прибывшій в Сибирь в XVII в. Поэтому, не говоря нынѣ очень много общаго с говорами Архангельской, Вологодской

На основаніи сообщенія Ф. М. Истомина. Он замѣчает: „рѣчь произносится довольно бѣгло, как бы говоркомъ, и вся сила ударенія сосредоточивается на самомъ концѣ предложенія или фразы, очень часто на прибавочныхъ словцахъ вить или да; при этомъ повышеніе голоса на удареніи можно назвать октавою (сравнительно с остальной рѣчью).

Примѣры: жаль-то, однако, парень, я и позабылъ бѣгать. Узнал-ту тот нашу-ту дощь взял-ли? Узнал-ту взял-да; жаля-то забыло взять-да. Цё ико! Ин правда твоя.

Вятской, Пермской губ. и разница между ними состоит по преимуществу в словарном материале.[1] Лишь немногие из них, северо-сибирские говоры имеют под влиянием инородческих языков новые черты. Таковы „говор некоторых звуков и форм разговора или повышение и понижение голоса в речи, характер вокализации у русских туруханских уроженцев отличается теми же особенностями, как и у Остяков. Например: подобно Остякам они вм. ч, ш, ж, р выговаривают с, з, л или рл: посол, осень, больей, зарко, жерла (= жара), альсяк.[2]

„Все коренные жители Мирнеколымска картавят," заменяя р и л через ф и мягкое тт через ч: ква=рава, ёл=ром, кои=люди, тепей-теперь, пымлай=приплыли, чёё-тыло, чёнок-тёленок. Они, вместо

[1] В Туруханске некоторые казаки и мещане уже говорят по-обрски и по-чукотски. А на жизнь свою из-за чукчей русские почти вовсе и не говорят по-русски, а по большей части говорят на некоторых инородческих языках... В самом русском чукчи наречии из всех слов чисто якутских, какие мне удалось записать, как сказать, на пятьдесят, со 30 слов чисто-остяцких и тунгузских и слов 8 финских, употребляемых и в архангельском русском наречии." Извлечен. Сибирск. отд. И.Р. Географ. Общ. т. III (1872) стр. 189-190, Ф. Чапова (О русско-сибирск. жаргонах" вообще и его языке в частности см. еще „Этнографич. очерки Сибири" Ачучина в Земледельческой газете 1846г.)

[2] Чапов же, стр. 190.

ляют якутские слова, употребляют якутскую фразировку и не совсем свойственное русской речи построение."[1] В Одорском крае замечается то же явление. Но так как Одорское население состоит бо́льшей частью из сравнительно недавних пришельцев, то оно не так распространено и не так резко выражено как в Туруханском и Колымском крае. Сюсюканье встречается лишь о природных Одорян, и то не всех. Они имеют и̯ л и̯ р, но ещё слышат свистящие и шипящие (далее золото, жемчуг). „Сюсюканье или сладкоязычие есть явление, общее всем сверхсибирским поселениям. Оно усиливается по направлению к востоку и северу."[2]

Из говоров западной Сибири мне имеем несколько данных о говоре с. Усть-Ишимского Тюменского окр. Тобольской губ. Отмечено: ч иногда вместо ц и не „почти всегда" вм. у: улица, сорочка, молодец и „село" из ц: вырить, зверь (ц в вера, быть произносится „правильно" тверя. двойное ш: дрожащо, шишка, и, наконец, „самая типичная особенность" — средний звук между ц и у" (т.е. ў?) на месте тверд. л в конце и середине слов: брай, хорий, пайка. Остатки форм

1) Пам. эт. стр. 162. — Сибирск. сборн. (Ядринцева) 1884 г. Спб. 1884 г. стр. 16. — Верхоянский сб. собранный Дуткованым. Труды Вост.-Сиб. отд. И.Р. Геогр. Общ. Иркутск 1890.

2) Бабухин. На крайнем сев.-зап. Сибири. Спб. 1836 стр. 20. — Зап. Сиб. Сборника 1894 г. Т. 9. Бабухина. О хантыйско-вогульских языках, простирающихся: они не принадлежат к числу русских говоров.

члена: дожо-тъ, дожа-тъа, дожу-тъу, дожож-тъо, дожа-тъе, дожов-тъо, дожаж-тъе, дожажи-тъе, о дожаj-тъо; вода-тъо, водаj-тъо, водъ-тъо, водаи-тъо [1]

Говор большого села Самарова, Тобольск. округа, повидимому сильно подвергся вліянію литературнаго языка, и в нем сохранился лишь остатки прежней особенностей. Отличено: у вм. ъ: в сúру, сúки, вúник, изувúчить, надiятуа; но обыкновенно ъ=е; е изъ я в онéть, лéчик, дéветь, тысена, загрéгáть, чéлóтка, но: пять, грязь, вилять, е в сарáпать; твердая двойная ж и ш; вв и мм вместо бв и бм: оввод'ú, оммáк; стяженiя гласныя: знам, играж; форма род. на ова, тв. множ. теня людьми, худоjя; сравнит. ст: скорáj, сильнáj; образки форм члена: титьнуту. Сверх того: е „сохраняется", но тибя, сибя, шишо; форма дат. и мнстн. ед. жен. р. и форм. дат. и тв. мн. „правильна". [2]

В юго-зап. части Тюменской губ. говоря разнообразна. В Тарь и в другия мъстаj акают, на казаков на Иртышь говор средней полосы акающим и окающим; казаки на Алтай слегка акают; напротивъ казаки около Петропавловска сильно окают. Отличено: е почти всегда вместо у: сана (= улица), яица (в деревнях внутри Тюмск. у.); форма дат.- мъстн.

1) Живая Старина 1894 г. Т. „Любуется и растанцуется произношения гов. навлюдатель, вызвавшаго каких-нибудь сообщения сосьбой, как-нибудь „особую интонацию."

2) Дмитриев. Самарово, село Тобольск. у. и округа. Изд. 2-е Спб. 1896.

ед. - на пути́, на лошади́, горе́ти́; мъ̀ест. ед. - на́ем на́чем, тв. жн. имя (имц), множ. накл. пе́кчи, ля́кчи.[1] Сверх того на имъем отра́вочная да́нная из другиа мъ̀ест Зап. Сибири. Звук ѣ в бѣ́ру, жѣ́ну отмъ̀ечен в Ишимском у.; и из е под ударе́нiем ли́бедь, зве́рь, ди́ки, пти́ель, пи́тля, пи́чка, ли́ственица, ра́дже и из ъ̀ перед мягк. согласными: да́же; е из ѹ („почи всегда") — пам же, мягкие н в Ба́ньк'я, чайк'ю - в Ишурикском у.; мягкiя ж ш, ч — зеря́, шя́ш, можеш'ко, точиш'ко - в Ишарск. у.; форма у жене́, у тебе́, у себе́ - там же; форма 2 л. возвр. з. - годи́шша, бра́нишша - в Курган. Забъ̀ем отмъ̀ечен без то́чнаго указанiя мъ̀еста (в у. Ишимском, Курганском и Ишарском Тобольск. г.): ѣ в мѣра, е́зра, вме, звучащем бо́льшей частью, как наше е в день, е́сть, мѣ́ль; ё в здоро́вый, поле́, чистё́; мн. ч. дубо́вае́; сравн. ст. бо́льше́; и из е без ударенiя: бу́дить, ле́бедь, ве́тер, прищаи́ри е из я: взе́ли, де́да, до́зе́ко, едро́, пе́ста́к; ти из к в ти́нуть, ти́хе́ли и наоборот: ки́до, Ке́тра́ти; тв. ѹ; тв. двоѣ́нная ое ши; мн из бм: о́мман; стя́женiе гласных; ф. тв. мн. на м и

1) Этнографический сборник VI отд. Потанина. Данные из Ишим. округа. (волости Ялуторовская, Кайгинская, часть волостей Тюменской и Тюкалинской) — в Зап. Сиб. 1895 г. III и IV. Говор акающий (ударение акает заметно сильнее, чем полови) но из особенностей окающ. говор.: е вм. у стя́женiе гласных: знать, кру́тая гора; форма тв. п. ими 1 л. - носо, носе́, ши́ти; мъ̀ягкiе ч'

на _ия_ : добрая_я_ людьми, фсенка ; дат. мн. _имя_ ; возвр. з. на _ее_ ; сравн. ст. на _яя_, _яе_, _яё_, _я_ (скоря)[1]

Наконец я имѣем указаніе, что великорусское населеніе Алтая имѣетъ очень закрытое _о_ (отмѣчено _упáть_, _дух_ом, _утк_ом); двойное тв. _ш_, стяженіе гласной (_подн_ижат) форма род. на _ова_ и мѣстоименіе _чо_ (что)[2]

Говоръ, говоритъ наблюдатель, одинъ и тотъ же во всей Восточной Сибири: в Иркутскъ, в низовьяхъ Ангара, на Илимъ, в Верхнеудинскъ в Нерчинскъ, по Шилкѣ и Амуру, в Камчатк, у Охотскаго моря; весь жители восточной Сибири "считаютъ его своимъ". В немъ тоже живутъ _у_ и _ч_ _о_ звучитъ очень закрыто (отмѣчено далѣе: _нуш_ - ночь, на _тúй_ сторонѣ, _дуле_ - долой, _подшурки_); мѣстами _ц_ вмѣсто _т_ : _яцъ_, _передацал_; и _е_ вм. _я_ : _опеть_; встрѣчается _ц_ вм. _с_ и наоборотъ : _ешкь_ (= _ешь_), _цалеть_ (= _цялить_) _вреццуа_ (= _вритцея_); повѣствуетъ "в вѣжеф.

---

1) Изв. отд. р. яз. и слов. Имп. Ак. Наук 1896 III.

2) Вѣсти. И. Р. Г. общ. 1858г. ч. 24 стр. 106-108.
Журн. Мин. Нар. Пр. 1894г. №5 стр. 65. Гуляевъ о говорѣ населенія алтайск. Сузунск. завода (Томской губ.) говоритъ: онъ "отъ же, что в сѣв.-восточная часть Европейской Россіи, чувай для непривычнаго к нему уха ... по самой интонаціи, положенія в ударяемомъ разговорѣ на речитативъ." (Зам. нар. яз. и словесн. при Изв. Акад. Наук II)

Рядомъ с Великорусскими на Алтаѣ живутъ говорящіе по великорусски раскольники изъ Вятской и Черниговской губерній, извѣстные у своихъ подъ названіемъ "Поляковъ"; другая часть ихъ "рѣпейскіе" живутъ за Байкаломъ. (Записки Зап.-Сибирск. отд. И. Р. Геогр. Общ. кн. II Омск 1880, стр. 94).

тв. л : бäва (= бäла) вошка (= лозрка); тт вж. мяк. н : тинку (= нику), рукавичтти, речтте (= рäчкiв) жн вж. дж, жн : лажко, тгри жни (= дни), ежко (= еж-ко); вв вж. бв : овводить, овварной; е вж. ш : часня, есеть (= шесть), чаеи (в жыеколькия еловая?); я вж. ф. в форжах род. п. жн. : из женской, тругтьей форжа дат.-жыеп. на я; род.-дат.-увор.-жыеи. на ей; с тей сторокой, с какей сторока, в одней шкуре ф. дат. жн. вж. тивер. и наоборот : с рукам, го людьжи; дат. и увор. жн. — имя, жогг. накл. бен-чи, жочи (= жочь), взяеть (= взять), жаеть, дос-тасть, сляуча (= шлäбся), сравн. ст. на же?

1) Изв. Сиб. отд. И. Р. Г. общества в Иркутск 1852 г. от Двинского. Авдиева говорит об Иркутск: „кто прийдет прямо из Москва или Петербурга... его сразу поразят эти такошнего говора." (Записки и замечания о Сибири М. 1834 г. стр. 10) „Самай язык и манера выражаться сам чисто-русский, и если бы не гнусливая интонация, или акан, каким отличает-ся говор иркутских жителей, то у них можно было бы искать истинно-русского языка. Но эти возвышения и понижения голоса, эти грубая ударения на о — чрез-вычайно неприятна, особенно тому, кто не привык к ним или отвык от них. Надобно привыкнуть, что са-кой говор только простолюдинов. В разговоре других только отзывается обласная грубость акана." (Отеч. Зап. 1848 г. № 59 стр. „Воспоминания об Иркутске стр. 137.)

О ехъщанках и сильно пострадавших от влияний инородцев говоры Верхоянского округа Якутск. г. на языке немного заметна. В нем есть случаи аканья чабо́, себе́, тале́р, рядом с первуё, жесто, нажущёк случаи ц из ть: кицы, е из я: отелть, ё из ю: сёр серьва (при мягк. ц) в из л: вавоматть, твёрд. р: цер, хоро, играпать; твердая согласная в конце (1 л. мн.), волоко́пть; отсутствие гласной: знаш, робе́ш; форма род. мн. от песцёй, лисицёй, медведёй; тв. мн. с ними́, с этими людьми; 1 л. серьезно констр. наст. лечи, лячи; образцы форм члена: орнапы-ты (надь), ноги-те, свяпам-те, носаки-те.

В синтаксисе этого говора ряд своеобразных черт: например — предлог нь в нем не всегда употребляется: пришол этому хочу, пришол медведям.[1]

---

[1] Верхоянский Сборник стр. 288 сл.

Очерк русской діалектологіи.

А. Соболевскій

Бѣлорусская харьковскій.

И. Эт. Ф. И.

1913.

Бѣлорусское нарѣчіе.

Мы не будемъ говорить о границахъ бѣлорусскаго нарѣчія съ языками литовскимъ и польскимъ и съ нарѣчіемъ великорусскимъ. Границу его съ нарѣчіемъ малорусскимъ можно быть опредѣлена лишь условно: если мы тѣ переходные говоры, которые имѣютъ вмѣстѣ бѣлорусскія аканье и дзеканье и сѣверно-малорусскія дифтонги, отнесемъ къ числу бѣлорусскихъ, а тѣ въ которыхъ при малорусскихъ дифтонгахъ слышится или только аканье или только дзеканье, — къ числу малорусскихъ, то южная граница бѣлорусскаго нарѣчія будетъ нами проведена приблизительно по серединѣ Черниговской губерніи и по теченію Припяти въ предѣлахъ Минской губерніи, тѣмъ южнѣе Припяти (въ Мозырскомъ уѣздѣ), тѣмъ сѣвернѣе (въ Пинскомъ уѣздѣ), а западная — почти по серединѣ Гродненской губерніи.

Бѣлорусское нарѣчіе — не болѣе, какъ тѣсные западное или акающе-дзекающее поднарѣчіе великорусскаго нарѣчія, наиболѣе близкое по своимъ особенностямъ къ южно-великорусскимъ сильно-акающимъ говорамъ. Оно отличается отъ южно-великорусскаго нарѣчія слѣдующимъ. —

Неударяемое у южн. не составляетъ слога: ўдаўць (два слога) и приближается къ в, далѣе переходитъ въ в вадаўць.

Древнее (= орфографическое) в какъ твердое, такъ и мягкое передъ согласными (въ томъ числѣ и j-ю) и въ концѣ словъ повсюдно (не всегда) звучитъ, какъ у не составляющее слога: ў тоўсты дзёўка здароўя (= здоровья), кроўю (= кровью). Пятроў; этотъ у находясь послѣ гласной вмѣстѣ съ этими послѣдними составляетъ одинъ звукъ — дифтонгъ. Предлогъ-приставка въ южн. переходитъ въ у, составляющее слогъ: у тлянъ (два слога), или далѣе ув, ува:

1 лицей. Бух. Діалектологія. Соболевскаго.

ув аўсе (= въ овсѣ), ува ене (= во ень) еще отлычным: увесь (= весь), ўеѣ и уеѣ (=вся).

Древнее (= орфографическое) твердое л в середине слов перед согласными и в конце слов перед гласными обыкновенно звучит такое, как ў не составляющее слога, образуя вместе с предыдущими гласными один звук – дифтонг: войкъ (= волкъ), тойсть, война, елаў (= елал), шьой (= шол), баў.

Гортанное г звучит всегда, как латинское h. Звук g только в полонизмах и германизмах.

Древния мягкия д и тъ перед гласными и в конце слов в большей части говоров звучат, как очень мягкия дз и ц, из которых дз – один звук-дифтонг: дзядзя, дзелъ (= дѣло), цихо, бацька (= батько). Древния д и тъ звучат, как дз и ц также перед мягким в: дзве, дзверь (= двѣ = дверь), цвярдзиць, чацвёртый (= четвертый).

Группа ордз обыкновенно переходит в орже: жжеци (= ордзи), ожеець (= ордель), бажожей (= борозды).

Древнее мягкое р в значительной части говоров звучит твердо: зарà, карў, карэць, карàць. (заря, горло, горлить, горлит), уарў.

На югѣ и нашей сочакий мягкия согласныя с ў в значительной части белорусских говоров сливаются двойныя мягкия согласныя: весѣлля (= весельe), сѣлю (= сольскохозяйственный эд.), свинья, судзьдзя или судзьдзя (= судья), плацьця или плаття (= платье), дажде иногда перря (= перье), откуда могут быть просты мягкия согласныя: вяселя, свиня. Но бзю пзю и т.д. при ляю.

Шипящие ож и ш звучат всегда твердо. Шипящее ч также, повидимому, звучит твердее, чем у

нае: ча, рачанька и т.д.

Мьесто нашего двойного мягкаго же в большей части белорусскиа говоров заняло двойнаа твердаа же, чаво изображаемай по полоски дедже: чаяже-зрай.

Свистящее ц из древняго ц и из ч звучит твердо: цэп и рязко отличается отп ц из древняго тц.

Звука ф в значительном большинстве говоров совсем нет; его мьесто в заимствованных словах занято или п, пв или т: Прануце, двёдать, дворотка, трапляю, плящка, Пилип.

Древнія (= орфографическія) звонкія согласныя в концу слов звучат, как соотвьетствующія глухія (кромь в): друп, мядвець (= друць, мядвець). При этом наши мягкія губныя звучат твердо: Карабь, семь (= семь)

Мьягкотворныя древнія (= орфографическія) согласныя (особенно д и тт) при стеченіи согласных в середині и в концу слов могут опущаться: если (= есть ли), ёсь (= при ёсць) — есть улась (= власть), жилась (= жилость).

Из форм мягкаго долгаго отмьягчить: форма имен. вин. ед. жен. р. прилагательных и мьестоимений может быть на ой или а, на ій или и, на эй: слядай или еляпа или елянэй; другій или. другі или другой (= другой); но гэтай (= этот рядом с гэй) сей. Рядом форма имен. ед. и род. жн. существительная на ей: салавей, а ней.

Форма мьестн. ед. жен. ср. р. и дат. - мьестн. древнерус. р. может быть с древними свистящими: на парозі, назе, руце, сасе (= ноць, рукь, соль) дочцэ или дочуэ, дазяцэ; рядом (в съвременной говорай): на парозе, нозе, руце, сасе дочке. Форма дат. и мьестн. жн. на ёмь, ёлъ: людзём,

насъуём, насъуём, людзём и т.д. (рядом: на ямъ, ядз)

Форма род-вин. - мяхѐ, уябѐ еябѐ дат. - табе, сабе, мъеств. уябѐ, еябѐ и рьзже табе сабе.

Форма род.-вин. на нó, она, яко: еляно́на, до́брако; въеро мяхко твояко - обяхновенко майко (в мъеств мяхкй - майкй)

Форма род. ед. женск. мъеститель. и прилагательная могут быть на é, ля; яé (= ей), маé (= моей), тае, добрая, другая; рядом маей (или в сьверная и сьв.-восточная говорая - маей) и т.п. Форма яе также вин. п.

Форма дат.-твор.-мъеств. (а иногда и род.) ед. женск. р. прилагательная и мъеститель. могут быть на эй: еляпэй, тэй; рядом: еляной, тай, маей и т.п.

Форма твор. ед. ким, чим, уеим, тоим; имен. мн. уеи, уя; род. уеих, тех; дат. уеим, тям, и т.д. (рядом - уее, уеех и т.д.)

Форма мъеств. ед. кани и т.п., маим и т.п. тоим (рядом: кане, маем, тоом)

Форма имен.-вин. мн. маé, твае и т.п. род. - маéх, дат. - маém (рядом - маи, маих и т.д.)

Форма 3л. ед. и множ. на ть: вядзеуь (е ё на ё), будзиуь; форма ед.ч. могут быть без ть: вядзе, будзя (но обяхновенко люблиуь и т.п. вядзетуд и т.п.) рядом: еуь и ё, или е (= есть).

Форма 1л. множ. могут быть на жо: будзяжо, сцежа (от цесть повел. н.)

Форма настоящ. времени мяжо, рэжо и т.д. (= можо, рожо) повел. н. мяй, мяйця, бий и би, бийця и бийся.

Форма повел. н. с шипящими на мъеств нашей говорки: ценячѝ, памажэй (= помоги) и т.п.

Форма неопред. н. на ть и рьзже на ти, равиць, равиуи.

Форма возвр. залога на сь и ся: кажеуся,

на конце (но: Кастрыцкага) дазе на ы.
Большая часть белорусских говоров имеет форма зват. п. на е и у: Пётя, Ивáня (= поле), свáтку, сéнку, каравáю. Некоторые из них сохраняют древнюю форму имен. – вин. двойств. ч. женск. р. дзве дочкі, рукі, вочы (= две дочки, руки, очи). Большая часть их утратила древнюю форму двойств. ч. жен. р.: два бóўкі, дварýка. Форма род.-мест. от два-двое рядом: двух.
Сверх того отличительным, что в белорусских говорах на месте нашего о (вр. рус. – ъ) после р и л, как под ударением так-часто – без ударения всегда есть ы: у крыві трыгубчатка, глытаць (= глотать), быліна, былá (род. ж.), что на месте нашего и в начале слов всегда сопровождается и не составляющее слога (не j): йшоў, йграць йдзе; что предлоги-префиксы из и без могут звучать как зы перед глухими, перед ц, л, м, в н, р: зы адна, зы адно, зы ею (= из одной, с одной, с нею), зварыць, зняць; что предлог-префикс без иногда также звучит изы или ысь: из адною изыйшлаць; что мягкое согласное л обыкновенно звучит ён, яна, яно, яны (рядом с вон, вона, воно, воны); что форма 2 л. ед. ч. звучит дасі, ясі (= дашь, ешь); что согласные перед суффиксом ск обыкновенно мягки: дрэнь'с'кі, дрэнь'с'кая. Мягкое ц произносится этот звучит ё[ц] или ц'этот.
Словарный материал северо-восточных белорусских говоров лишь немногим отличается от словарного материала соседних говоров великорусских (як – как — полонизм), в горецкая и юго-западная говора он близок к словарному материалу малорусского наречия.

Белорусские говоры делятся на 2 группы: на говоры 1) цокающие и 2) не цокающие.

I Цокающие говоры очень немногочисленные. Они сосредоточены в северной полосе и в северо-восточном углу белорусской территории – в Витебской, Смоленской и Гомельской губерний.

В смешанном говоре пограничной с Псковской губ. части Себежского у. кроме дз и ц из д и т отличается частое я из е: ляжэ, вядзі, тяжкі, вмея (= умеет), ня ложка, форма род.-вин. ед. узяві и узяя род. на во - нищаво, рядом с формой на го майго. Зл. ед. без ць - вазьмі (с е), пяшла, ідзя, любя, варя рядом с формами на ць: вядзіць; наст. вр. ня (= нет), повел. н. пяшчя. Замена ч через ц посреди., у. что звука ч нет: цаю, крупіна; встречающаяся форма твор. множ. на мі: с падрушкамі, з гаряцамі слязамі. Из употребления в этом говоре ў из ц, в, л нет указаний (отмечено лишь в в власць, вмея) также как из употребления двойная мягкая согласная, одного твердого р (отмечено рядом: красуйцесь и цяперь) и зъ вместо сз отмеч. реко: свядзі, сняя = сняет)

В говоре другой местности того же цокающего района (южные Городокщины) кроме дз и ц, часто я из е (ямчэ, дзяцей, сябе, ня быць, рядом с ці: цвіла, прасціцаў) отмечена частое чередование я из а, о после твердой согласной, далее в слоге перед ударением: сабака, забаіла (= задали) навашчна (= новадка), рабіцаць, маяцаць, баяліся, ходзе, рядом с а: харашо, нарова, малодзецъ, двойная мягкая согласная ццё, сільно (= сильно, сильно), частое твердое р: право, праву (= прево), дварэ, цяпер (рядом: бярёза цяпер и т.п.). Форма имен. ед. на ей: ней, такей, другей (рядом: лицой), род.-вин. узяві.

и узбя, няне и жиня, род. на во : уаво, рядом с формой на го : яго жайго добрага и пр. п. дат. п. людзём; 3 л. ед. ч. идзіць (рядом : вядзець и пр. п.); повел. накл. вей; возвр. залог на ец (изгнанка) : жалейнец. Жиьна ч через у часа яго женского рожна: удзета, вадзяна, пушчыцок и пр. п. На употребление ў из у в, я жиьп указаний (отмечено лишь в из у и л); зъ вместо ез, повидимому редко. Можно отметить еще было, бувала) Говор одной жительницы Великорецкого у. отличается не очень сильным аканьем. В нем я вместо е : ляжэць, рядзі, няне, ня пойдзіць, рядом с и : ніела, увідзі, свіпая, ніна (= она), дадзе убіпаіш, дяжёнок; глухое о вместо неударяемого а, о после твердой согласной в середине слов (очень часто даже в слоге перед ударением): поляць (= падать), сбелаіць (= сделать), рабе-пла́натца у тетради, Иванава, янгелав (= ангелов), сварящіла; вместо того: дорого (вин. п.) ў из в и в (?) из л : даворжа, сделаў. Двойная мягкая согласная: Жиьля, звавлежжя (по Марьи); зъ вместо ез, изз; зьядаіць из жёрпая. жиьна уь и ч : уаць, уасёнок, сёрча, черьква. Мягкий р и пт сохраняются: сядіць, дяжёнок, (однако отмечено: адзерка); мягкое р в Гапакоре: дрелпіпель, пярэя, черьква. формы 3 л. ед. обыкновенно е пть. Еще: двойное мягкое е вместо мягкого ель : жилеьеи (= жилетки). Говор другой жительницы того же села (с. Узкое) - с таким же аканьем (жяц, няне, зяжю, сбяла = сделала, пашла, жяя = моя, кыя, дацка = дочка), с жиьной уь и ч (жаўяла, дрежіпча) с мягким р (грядка) с формами 3 л. ед. на ць, но без мягкого и пт : прицвёць. В этом говоре можно еще отметить епизодическое у вместо неударяемого о и а : пувяла (= повела), пужала, жуорецки,

сяйчас (= сейчас)

Говор жительницы Зевляр Витебского у. отличается частым употреблением я вместо е: пяйдé, пяройка (но: лицорейть;) и глухого а вместо а, о, после твердой согласной: жалаю, жалила, у етаго часа, у чатырнадцать; мягкое ф сохраняется. Замена ч через у некоторыми: рукавúчак, пуóлка. Отмечено рядом: дявúца, пятнáдцать и т.п. (часто) и малайзець.

В говоре деревень Васьковичи и Козловичи того же у. отмечена дз и ц, всегда твердые ф двойные мягкие согласные (далее: перья), форма имен. ед. на а: добрая. Замена ч через у некоторыми (цóрнай и чаму).

Говор жительницы деревни того же у., кроме дз и ц имеет сильное аканье (глухого а нет): Напасúць, пáнам (тв. ед.), зялёнай, нядзеля, на нашаму (= зялёная; но и из неударенного е обычно: дзиедзинец, нидай, уна (= она), виеляга, вúрвись, но хорошо дóбри (= добрые), позвольце (= позвольте), скажúци; двойные мягкие согласные (далее: емерцю - ть) Мягкое ф. Замена ч через у очень редка, но некоторыми: цуóра (= вчера) при ув- аччу (= в очью); ударение, вместо у слышится щу: ящцó (= ещё), пращацалась. Форма род. ед. нищóй (= ничего) тв. мн. (изредка) на мь, з м. на е (нередко) ням; возвр. залог на ец (изредка): павитпалиец.

Говор Дубокрайской волости Городокск. у. имеет, кроме дз и ц, жесткое сильное аканье. Говорит частавайця (= ст. монг.) рядом с пакажаць на Христу, жилаецина. Двойные мягкие согласные. Мягкое ф. Замена ч через у: уцелт, обезмуч и наоборот: чарепка. Форма дат. - мест. на а: сабака. Отмечено у вместо о: пубрягу, бучурóдзица.

В говоре с. Рябцева и других имеет Горынского у. наши сведения очень скудны. Отмечено

хо кромѣ дз и ц : бярэ̀й, жаня̀, сяспэра̀, ня дзо̀лка, яго̀, тако̀; ц вмѣсто т и (в нѣкот. формѣ прош. вр.) вмѣсто л ; мягкое р ; зъ вмѣсто съ : зъ жа̀шчыо. Заднѣя ч через ц очень часта : ноць (= ночь). Группа во заднѣем диффузным уо : въ дуоръ ; группа ов, ев звуком ў в крычэ̀йася, жнуа̀ла, наўчала. Группа ву утра̀ціла в вдзеўка ; группа дж перешла в жж : ражжо̀й, ажжа̀ (= одни). Форма им. ед. на ой (вараго̀й) и на ёй, род. на во (вараго̀ва) (тако) и на го ; род - вин. - жяня, узя̀ ; жѣнск. ед. на тэй . Зл. ед. только на ць (ёсць) Сверх того в этом говорѣ вос̀точная черта спорадическая — з и ѣ вмѣсто ое и ш : залко (= оралко), загли (= зарэчи), ва узя̀я людзёй, лозаўка (= лошчечка) раўёр (= шатёр), сярдзёўсько.

Уокающій говоръ Понтикольской волости Гжельскаго у. повидимому, почти тождественъ с говоромъ Рябцевскимъ. Отличаетъ: дз и ц, двойныя мягкія согласныя, аканье (мягкій, мягкій, арака ; но: кравацъ, (= кровать), ц вмѣсто т и л (шоўцдаже ўсё-стол) ; уо вмѣсто во (вуоро) и вмѣсто ов : скуацъ (= ковать), нуцала ; ў вмѣсто ву : вдзеўка жж вмѣсто дж : галожжая, ажжа. Форма тв. ед. жая и на ой : яра воск, святтой, двуой ; род. - жяня, узя̀ предл. жн. на жъ : за дравам ; Зл. ед. на ць, возвр. з. на уя (же уа) : поклоняюцуа. (Зл. жн.) Заднѣя ч через ц : группа, цуо и изгѣдка ае через э : лозаўка (= лошчечка)

Уокающем говоръ деревни Гуляшиной Дуловщинск. у. свѣтлыя очень скучна. Часто я из ь : тяжа, рябята ; дз и ц (рядом - гуляцъ и т.д.) двойн. мягк. согл. мягк. р ; ў вм. в и л ; ў вм. ов, ев : дзіўалась, ўнрала жж вм. дж : ажжа. Форма тв. ед. на ой : дарагой, род. жаво (= жого), прыяцэ̀ль. на дарогы, Iжн. - аддадзем. Заднѣя ч через ц : крацэ̀чка, клюцы.

Говоръ села Ярчиегаго того же у., но знаемъ лишь то

что в нем обычно у вместо ч.
Говор села Бобровки в ю-з. части Рогачевского у. имеет очень сильное аканье (я из а, о иногда), с „грубым" т. е. очень отчетливым а: абарочушая, ворак, яго, вазу, зямля (рядом и из е: дзиревня, дзерево, жоладзец, гавораць 2л. повел. н.) дз и ц; двойн. мягк. согласная (дзеци Марця-Марья); мягк. р. Употребление ў вм. ч, в ни (лишь в конце форм прош. вр.) л. Часто зъ вм. ез, изъ (зжарло звидалка, зъ бани зъ ягад, дазде звинна, зжелась (= свинья, свинность). Много ў и ч часто и вошивка (воць, уае; чарепъ, вулича). Форма имен.-вин. на ай, ой, эй: вулицай, цытарой, любезнай ревэй, худэй; родит.-мест.— жоладзэй, елянай; дат. мн. - яка зёж; зл. всегда на ць; род.-вин. мяне жижа, цябе, цябя, жайго дат.-мест.-на руке, на рущы; наз. время - разо; повел. н. ная: на галава, тв. мн. „всегда" на мь, тв. ед. какимь родам. Множественное чуо.
II. Не-окающие говоры. Говоры Виленской губернии представляют одно целое, имея ў вм. в, л, дз и ц, постоянно отвердевшее р, зъ вм. изъ, ез. Аканье очень сильное: глухое о или совсем не слышится или очень редко. и вм. е, я очень редко (жиле, цябе, кидай). Двойн. мягк. согл. слышатся очень часто, но не постоянно; в Ошмянск. у. отмечено: зелья, заробля (рядом цаеця и т. п.); в Щучинск. у.: базрьё · они иногда заменяются простыми мягк.: Щучинск.- заручаня. Форма имен. ед. обыкновенно на а: галава; дат.-мест. может быть на эй: ошмянск. у. тэй карчомца. Зл. ед. в Дисненск. у. - ець, в Щучин.- ець, е, в Виленск. и Лидск.- е: дае, палтая; повел. накл. - би (= бей- Щучинск. у.) Сверх того можно отметить: спорадическое у вм. о без ударения: виленск. у. - чорнум, Щучинск.- калінунька, Лидск.- на чырвонуй калини, на дарожуй, вобруць (= оброть); спорадическое ое вместо ое из а: виленск.- жинавідоец, урокецій видоец, радоец; спорадическое тверд. е вм. мягк: ошмянск. сядзи, ошмянск. и щучинск. езруа; предлоги опт

иногда звучитъ од: оденемск. и лидск. адлы-кàць, адъéхаць и т. п.; формы им. вин. мн. трок. дварэ̀, голубэ̀, лидск. карабле́; род. ед. трокск, лидск. мало, рядомъ съ майго́, маяго̀; род. мн. иногда сястрóў (= сестеръ) и т. п; формы повел. нак. оршанск. паламе́йся, лидск. глядзе́йся (2 л). Начальное а часто имѣетъ передъ собою придыхáніе г: гарóхъ, гарáць (= орать).

Не цокающія говоры Витебской губ. дѣлятся на двѣ группы.

Одна (южная половина Люцинскаго, Дрисенскій, Полоцкій, Лепельскій, Городокскій уу), отличается, кромѣ дз и ц, постоянно или почти постоянно твердаго р, двойныхъ мягкихъ согласныхъ, зъ вмѣсто съ, – довольно сильнымъ аканьемъ (глухое ы очень рѣдко, только во второмъ слогѣ передъ ударéніемъ и въ слогѣ слѣдующемъ за ударéніемъ), при частомъ употребленіи и: лицé, (и лязé), іé (и яé), ў яцы̀ (но: яцíця, 2 лн), слiза (и слязà), пiтушóкъ (и пятушóкъ), яцька (и ягнà), сéмья (и сéмъя), рàнiя, им. ед. (и рàняя). Формы им. ед. на ы и ый (малады̀ – и ый), 3 л. ед. обыкновенно на ець. Чаще отмѣчено: у вм. о безъ удареніи: су вéчара, зъ гарэ̀лкую, дзе вмѣсто зл: глядзéў (Лепел. у. село Дубровка).

Формы им. ед. конъ шэрэй (Полоц. и Городок. у), им. мн. у́сѐ, род. у́сѐхъ и т. д., дат.-мьест. ед. малад'эй (Лепел. и Городок. у), твор. мн. на мъ: надъ звъздàмъ (Городокск. у.), мьест. ед. на синёхъ (Леп. у.), 1л. ед. на ая: высыпая (Городок. и Люц. у), возвр. зал. на си (ци): астàнуси, астàнуци (Леп. у).

Къ этой группъ принадлежитъ также говоръ части Витебскаго уѣзда (с. Вороново и др.).

Другая группа (главнымъ образомъ въ другой части Витебскаго уѣзда: волости Великиховская и Королевская, село Маделино и др.), совпадая съ первою въ прочихъ чертахъ, отличается отъ нея слабымъ аканьемъ. Въ ней глухое ы вмѣсто о, а является очень часто, даже въ слогѣ передъ удареніемъ: мыя̀ (= моя), кыня́, кыпàць, мылàда, шырка́, крысы́та и т. п., дзѐвычкъ (род), быгатыя, рядомъ съ я и и вмѣсто е: мяне́, вядзе́нь, сястра́ и т. п., бирэ́нь, систра, сило̀, висялуха́, чирказёлъ, жылудь (далѣе: запрыгàць = запрягать). Еще отмѣчено: у вмѣсто о: сухута́, формы им. ед. на ы, повел. наклон. на бу.

Группа не цокающая говоровъ Смоленской губ. уѣздовъ Смоленскаго (с. Даньково, Шаталово, Киселевка, Чепищево и др.), Елнинскаго (с. Бердѣевка, Сухой Починокъ, Проверженка), Порѣчь-

кало (с. Инъково), Духовщинскаго (с. Пречистое), Вяземскаго (с. Шоптово) и Рославльскаго (с. Митюли), составляетъ одно цѣлое. Въ нихъ нѣтъ дз и ц, сохраняется мягкое р; но двойные мягкіе согласные; у вмѣсто в и л (однако л въ серединѣ словъ нерѣдко сохраняется: паўзу и даложю, а мѣстами даже въ концѣ форм. прош. в.); зъ вм. съ: зъ вали, зняли. Акающе сильнѣе нашего: а вмѣсто о послѣ твердыхъ согласныхъ является не только въ первомъ, но даже и во второмъ слогѣ передъ удареніемъ: харашо, прадаю, галава; глухое ы передъ удареніемъ рѣдко: пывядў, мыя = моя, стыю, кыза, но тотчасъ послѣ ударенія очень часто: каторымў, дарогыи (твор.), чистыла (род.); плакыть; я и е изъ е въ слогѣ передъ удареніемъ употребляются рядомъ: мяне и мине, сястра и систра, но: пирскочить, чирикаха, стоіть, стоіть (2 л), моря - им., бываіть, дѣлаіть, у горыду, у астрози; ветръ чаетъ и изъ я: чка (= яка, ока). Сверхъ того, неударяемыя о и ы послѣ согласныхъ могутъ замѣняться черезъ у, а о и а въ началѣ словъ - черезъ и: пулумать, нагувать, хувáю, пупа (= попа), палкуй, мухлука, бувáю; ипять (при

а́нять), и́ўса (= овса), ґо́лнага, ґлыба́рь, на ґлни (на очи). Сверхъ того, есть случаи ѣ изъ ударяемаго я: кричѐть, глѐдючи. Двойное мягкое с замѣняется черезъ мягкія ст: байсьтя, задумышсьтя (2 л. возв. з.), валосьтя (= волосья), стешь (= сѣсть, сосѣсть). Изъ формъ отмѣчено: им. ед. на эй и ой: тэ́й, крывэ́й, такéй, бальшы́й и крывóй, маладóй, род. на го и во: ягó и ивó, галó, нічóго, чавó, маéго, маягó, и маéвó, добрага и добрывá; род. дат., твор., мѣст. ед. жен. на эй: адкэ́й, якэ́й, свяцэ́й и т. п. (рядомъ на ой); род., вин. мяне́, цябе́, зе́; дат. ед. цябе́, сябе́, (рядомъ съ болѣе обычными табе́, сабе); им. мн. на яя, эи: маладэ́я, далавэ́я, чужэ́я, такéя (рядомъ на ыя, ыи); им. мн. у́сі, род. у́сіхъ и т. д., дат. мн. дзецёмъ, гасьцёмъ, мѣст. дзецёхъ, гасьцёхъ), 3 л. ед. на ць (е́сць; на ѣ очень рѣдко: люхéа); 3 л. мн. на юць вмѣсто яць: кодюць, 2 л. повел. накл. кíй, кі (Смол. у.), кéй. Сверхъ того: с звучитъ иногда твердо: сиплась, сасінка-сосёнка. Смол. у), л гораздо твердо передъ твердымъ н: сілно (Смол. у); ґод переходитъ въ ґохе въ ґохлі (= ґоді) ґохéшь. Формы дат.-мѣст. ед. съ свистящими рѣдки: на парози (Смол. у. обыкновенно съ горловыми); формы дат.-мѣст. ед. жен. р. могутъ быть на ы, а формы твор. мн. на мъ (Бѣльск. у);

на галавы, подъ калàмъ; ф. имен. мн. могутъ быть - по великорусски - на а (Бѣльск. у): галасà. Формы зват. на е и на у (кромѣ Бохéа) неизвѣстны.

Говоръ Рославльскаго у, с. Краснонаборья, отличается отъ предыдущаго говора только болѣе частымъ употребленіемъ глухого ы: пыхàть (= пахàть), рыбытàть, гывырять, пры нàеч (= про наеч), кыгда, мàтушкый (твор.) Другія особенности въ немъ тѣ же: мягкія д и т, мягкое р, двойные мягкіе согласные, ў вм. в и л, частое я вмѣсто е рядомъ съ ц: мяне́, ялю́, пуктàтя и ўзяла, не вловили, ў вм. о: пувила, пуплàчь; формы род. на го и во: тэгò и явò, хылактòга, пріятнова, им. мн. на эя: зылатàя, 2 л. ед. возв. зал. кидишьтя (рядомъ: дакўнисься).

О другихъ бѣлорусскихъ не изслѣдованныхъ говорахъ Смоленской губ. мы почти совсѣмъ не имѣемъ свѣдѣній и можемъ сказать лишь то, что въ при-днѣпровскихъ селеніяхъ Краснен.каго у., рядомъ съ двойными мягкими согласными и зъ вмѣсто съ, слышатся дз и ц и встрѣчаются формы род. на во: свàво.

Говоры сѣверной (большей) половины Могилев-

ской губ. кромѣ дз и ц, ў вм. у, ь, ъ, зъ вм. изъ, съ и изъ, шч вм. съ, шлюютъ вездѣ болѣе или менѣе часто у вм. а, о, ы: поўхуў, пукуваю, пупа (= попа), мужчўкі, було, е вм. я подъ удареніемъ въ гледзючи, брёнко, дзе вм. же изъ д: вўдзеу, твердое л передъ твердыми к и ц: сялкі, вялікі, пальцы и т. п, твердое с въ сьсякъ, сэрца и т. п, формы им. ед. тэй и той, маладзёй и маладўй (на ы нѣтъ), род. ед. женск. рода лаёй, тыёй и тыёя, слятыя, добрыя, вашыя, другія, такёя (рядомъ съ лаёй, дўбрай, такёй), дат.-твор.- лѣст ед. тэй, адкій, лѣст. ед. на кай, ка кацы, род. мн. (изрѣдка) сястрўў (= сестеръ), дат. мн. людзёмъ, 3 л. ед. ёсць, 3 л. мн. вязуць, 2 л. повел. накл. бъ, шч, неопр. н. на цъ и (изрѣдка) на ці: ёсці (= быть), даведаці, возв. зал. (изрѣдка) на ся: собрáлися. Формы двоят. под. употребляются, но рѣдко.

Одинъ говоръ Смоленскаго ў. шлюетъ въ одномъ лѣстакѣ мягкое р (трёмя), рядомъ съ ерёдко: царь, мора (= море) и т. п.; въ другомъ только твердое р. Глухое ы послѣ твердыхъ согласныхъ вмѣсто а, о безъ ударенія - какъ въ сосѣднемъ говорахъ Витебской и Смоленской губ, т. е. даже въ слогѣ передъ удареніемъ: адобрэла, дзетацъ,

скыкать, кыня, астальнея, пяро, рызышишки; я вм. е вполне обычно: ёяри, вялікій, ялу, идзіця, вывяў (рядом вида, ина, у лесе, почись и т.п.). Предлог-префикс от изрядка звучит од въ одынаццць и т.п. Формы вин. ед. добраю, добрую, твор. ед. ны вакошку, им. мн. тэя, 3 л. ед. на есь (ёсь = есть).

Другой говор того же у. (с. Ульяновичи и др.) отличается от предыдущего постоянно твердым р и редким употреблением ы вместо а, о въ слогѣ передъ ударением (но: плакыць, козычка). Формы им. мн. якея, узяровья.

Говоръ Орманского у. близокъ къ первому говору Сынковского у, но имѣетъ только твердое р. Глухое ы далее передъ ударением: лыя, кыдаць и т.п.; у вм. о, а, ы: пулагаць, пругавый и т.п.

Одинъ говоръ Горецкого у. (Городищенская волость и др.) также близокъ къ первому говору Сынковского у: глухое ы далее передъ ударением: дысада, рыдня, у вм. о: абубрать; но отличается отъ него сохранением мягкимъ ц и т: дѣтки, тяперь; р въ нѣм мягко: пирялѣшить.

Въ другомъ говорѣ (с. Любиничи съ его волостью и др.) глухое ы, повидимому, очень редко; и вм. е, я не такъ часто, какъ я: абшила, сѣшь,

ика (ко: мяке, цябе, клей, цярыць, на земле и т.п).
Другія черты: мягкое р (далее въ отдѣльныхъ случаяхъ вмѣсто твердаго: падбарѣзываць), формы твор. мн. на мы: рукамы, валы, людзьмы; мѣст. мн. на ляхъ (= ляхах) и т.п, 3 л. ед. на ець (на е - рѣдко; ёць и ё).
Прочіе говоры этого уѣзда - переходные отъ перваго говора ко второму. Капгимскій, говоръ г. Копыся имѣетъ дз и ц при твердомъ р и сильномъ аканьѣ; говоръ с. Святошичъ - дз и ц при мягкомъ р и ы изъ о: дзецяльяць и т.п.
Одинъ говоръ Чаусскаго у. (Гладковскій приходъ, въ юго-зап. части у) близокъ къ говору Оршанскаго у: дзи ц (спорадически д и т: тязе), мягкое р, глухое ы изъ о, а далее въ слогѣ передъ удареніемъ: быромъ (= бораць), танцывацъ, падъ ликою (не часто), коныхній, скрыпычка, хоныкъ (год.), и изъ е, я: ишай, вечыръ, вяла (рядомъ съ я). Формы 3 л. ед. всегда на ць.
Другой говоръ того же у., Городецкая волость, въ сѣверо-восточной части у. отличается отъ предъидущаго очень частымъ употребленіемъ мягкаго р, далее вмѣсто твердаго: прярэбіць (= прохѣять), дрящь (= драць), рязбіць (= рѣзать), кучеря (= кучера), и очень рѣдкимъ употребленіемъ глухого ы вмѣсто а, о (только во второмъ слогѣ передъ удареніемъ, и то рѣдко).

формы мьест. ед. на купиў, на толиў свези, тв. мн. на мы: славàмы, горькамы слязьмы, 3 л. ед. всегда на ць.

Съ этимь говоромь очень сходенъ одинъ говоръ Могилевскаго у. (с. Польковичи, на сѣверо-востокъ отъ г. Могилева). Онъ имѣетъ мягкое р. Глухое ы изъ о, а въ немъ очень рѣдко.

Другой говоръ (Княжицкая волость, на сѣверо-западъ отъ Могилева, не далеко отъ села Польковичей, с.с. Пѣхково, Брюково) имѣетъ твердое р и формы 3 л. ед. на е: идзе, закýсуя (= закусываетъ), прóся (= проситъ), хóдзе и т. п. (ф. на ець и ясь гораздо рѣже). Аканье очень сильное (но: ика, рядомъ съ яна и ика, рàзьве, на дарóзе). Формы род. ед. зъ ётыя лаé, дачкé, твор. мн. сватàмы, ілмы, коцялмы.

Говоръ Мстиславскаго у.: мягкое р, сильное аканье (ы вмѣсто о, а очень рѣдко, и вм. е, я - чаще); формы им. мн. тоя грóлик; 3 л. ед. на ець (ёць - есть) и рѣже на е.

Говоръ Чериковскаго у. почти тождественъ съ говоромъ Мстиславскаго у. Можно отмѣтить лишь болѣе частое глухое ы во второмъ слогѣ передъ удареніемъ и въ слогѣ

после ударения: ны кани, дыгадàцца, рабóтыщь, изрядка встрѣчающееся мягкое р вмѣсто твердаго: старя̀тца, формы им. мн. такія, бѣлыя̀, лѣт. п. мн. на лясо̀хъ, мало̀хъ, 3 л. ед. одинаково часто на ець и на е (далѣе: гаво̀ря, вѝдзя.

Одинъ говоръ Климовицкаго у. (с. Забѣлышино, въ южной части у., близь границы Рославльскаго у.) отличается кромѣ мягкаго р (далѣе: стырядельный = старательный), сравнительно частымъ употребленіемъ глухого ы вмѣсто о, а, иногда далѣе въ слогѣ передъ удареніемъ: ны зайтрага, пыставищь, уклыняцца, и и вмѣсто е, я: пысо̀ць, сѣмь. Формы 3 л. ед. на ець.

Другой говоръ того же у. (с. Пшоново, близь г. Климовичи, къ юго-западу) отличается отъ предыдущаго тѣмъ, что въ немъ рядомъ съ р мягкимъ (далѣе: старя̀тца) встрѣчается р твердое: у гòраци (= въ горѣтѣ), падва̀ривищь; употребленіе глухого ы очень ограничено (изрядка во второмъ слогѣ передъ удареніемъ). Можно отмѣтить формы дат. мн. бацькòмъ, кавалёмъ.

Въ третьемъ говорѣ (с. Забѣлавье, въ южной части у, на границѣ Чериковскаго у.) отмѣченъ, рядомъ съ формами 3 л. на ець, формы на

е, далее: гаво́ра и т. п.

Одинъ говоръ быховскаго у (с.с. Городищe, Чигирина, м. Пропойскъ и др.) имѣетъ твердое ҕ и очень сильное аканье (ы вмѣсто о, а нерѣдко, и вм. е, я рѣдко: нясѣ, мяя́, вядро, но: у дарози, ина́); формы имѣт. на усѣмъ мамъ цаўтву, дат. лм. братомъ, атцо́мъ, кучаро́мъ, твор. лм. на лы и на ла: харо́шымы напѣткамы, свайлы рукамы, дзецьмы, ѣмы, калама, кнутама, слязама, имѣт. на твято́хъ, 3 л. ед. на ець и на е: идзець, и ідзя, пѣсцець и пѣця, бъё, ѣсь (= есть), есь (= пѣсть), 1 л. мн. дадзёмъ, повел. н. ццякайма.

Другой говоръ (с. Гайшино, въ южной части у, на границѣ Черниковскаго у.) отличается отъ предыдущаго тѣмъ, что имѣетъ то мягкое, то вмѣсто мягкаго твердое ҕ, и тѣмъ, что въ формахъ им. ед. жен. р. и 3 л. ед. передъ а иногда отсутствуетъ j: тая добрая баба, зная, думая, гоняя, ска́зуа (= сказываетъ), завіоуа (рядомъ: тая, зная и т. п.). Формы дат. пятухо́мъ, твор. ногамы, 3 л. ед. на ець и чаще на е, 1 л. мн. ч. магу́мъ (= можемъ).

Говоры южной половины Могилевской губ. болѣе разнообразны, чѣмъ говоры сѣверной.

Одни изъ нихъ (въ юго-восточной части Рогачевскаго и въ большей части Гомельскаго у.) близки съ послѣднимъ и мало отличаются другъ отъ друга. Они имѣютъ, кромѣ общерусскихъ чертъ, мягкія д и т, твердое р, сильное аканье (земля, идятъ, пасъмы, 1 л. мн. пайдзіцъ), предлогъ-префиксъ одъ (рядомъ съ отъ), формы им. ед. на ый (но тай), имѣт. ед. на ом: на мурскомъ, балатомъ, 3 л. ед. на е (ходзе и т. п.) и на ить, 1 л. мн. на омъ: идомъ, запрагомъ, сапкомъ, загробомъ, неопр. н. на ти (часто; мѣстами почти совершенно оставлено окончаніе ть): бекти (=быть) и т. п.; въ формахъ 3 л. мн. употребляется окончаніе уть: хацуть (мѣстами окончаніе уть). Сверхъ того, въ нихъ то чаще, то рѣже слоги вя, ля, вё и т. п. замѣняются по малорусски-черезъ въя, лья, въё и т. п.: урэмья (=время), завьяск (=завязъ) и употребляются формы им.-вин. ср. и нарѣчія на э: харашэ, и мѣстоимѣніе шо (иногда даже съ що), при што. Формы им.-вин. ед. муж. и дат.-мѣст. ед. жен. р. въ родѣ тои, глэнэй и им. мн. въ родѣ тоя, слянэя на югѣ Могилевской губ. рѣдки.

Изъ этихъ говоровъ говоръ с. Переростъ и близкаго къ нему мѣстечка Гомельскаго у. (въ юго-восточной части у. близъ границы Ковыньковскаго у.) имѣетъ,

Кромѣ указанныхъ особенностей, также форлик 3л. ед. на ять вмѣсто ють (при отсутствіи ударенія): лятаять, лятаяти, забъгаяти и т. п.).

Другіе говоры юга Могилевской губ. болѣе своеобразны.

Это одинъ изъ говоровъ Рогачевскаго у. (м. Городецъ, близъ г. Рогачева, на юго-востокъ отъ него, с. Василковичи). Онъ, имѣя большую часть черть общихъ имъ съ сѣверными говорами Могилевской губ., (между прочимъ очень сильное аканье, мягкія д и т, гдѣ-гдѣ съ дз и ц, твердое р, ур, твердое л въ сѣлка, палца и т. п, форлик твор. ед. на лык, 3л. ед. на е, неопр. нак. на ти), отличается тѣмъ имѣетъ частымъ употребленіемъ у вмѣсто неударяемыхъ а, о: запляцуй, цвѣтацъ, свуёй (уат), частымъ ощущеніемъ j передъ а и у: заплаа уздяка, сена тоа (= тое), трова сутакъ, гуска кони, праетыа, разумныа (им-вин. мн), тыа радасци (род. ед.), жеывка вады, гноам (тв. ед. = гноем), забягаа, спрашуа (= спрашиваетъ), пайдаамъ (1л. мн.), сваj, туj часъ, збруj (вин.). Сверхъ того: слоги вя, мя и т. п. могутъ замѣняться черезъ въя, мъя: ўрамъя, давъеся; форлик 1л. мн. на омъ: паедам

(= поньдемь), вядомь, маломь, (при возьмямь), формы 3 л. мн. на пи (изрядка): падохнути. Наконець, твердое двойное ш: малушшы, вешшы (= вещи), пушшу; ы после г въ кагы (род.); ф вм. хв: уфраю.

Это — другой говоръ того же уѣзда (с. Озерки). Въ немъ обращаютъ на себя вниманіе очень закрытые у и о, которые наблюдателемъ были приняты за о и у, или быть можетъ уже вполнѣ развившіеся о и у на мѣстѣ нашихъ ударяемыхъ а и о: скоска (= сказка), коже (= каже), дой (= дай), дувой, ступой, ноль (= наль), кродзешь, гось, жоли (= жали), слядоли (= слыдали), пёнь (= пять), ўзёли, лёса, ўсенній и т. п., пюли (= посль), хлюпзы, дарўгой (твор), пруся (= просить), вўко (= око), плуть, хвуеть, юнь (= ёнь), юй (= ий), ю, юсь (= ё, есть), люнь (= лёнь), нюсь, кулюсы (= колёса), цюпый, жевюли (1 л. мн.), бьяюсь (= бьется), ўсю сваю сяло (= всё) и т. п. Употребленіе у на мѣстѣ неударяемыхъ о и а очень часто, такъ что о замѣняется чрезъ у гаще, чѣмъ чрезъ а: гулува, пурусела, гулувича (зв.), здурова, навурила (= варили), вядую (= выдаю), гарувіки. Затѣмъ ъ звучитъ, какъ долгое и: хлиць, какъ бы хлїць (= хльбъ), лядзвиць,

ихати, целкъ (= цесекъ), пувшшу, дзмигать, цыльей, рызаць. Сверхъ того: дз и ц, твердое р и другія черты, общія говорамъ Могилевской губ., сохраненіе (иногда) древняго е безъ ударенія, отсутствіе j въ акъ (= якъ), зцурóвад, божад мòцерь (божья Матерь), знад, умоля, напытаамь (не часто), формы 3 л. ед. на е: хòдзе), 1 л. мн. на омъ: напóмъ, нападýмъ, повел. нак. худзéмъ. Глухое ы очень рѣдко: я вм. е обычно: мяне́, праведу́, бѐлая; формы твор. на мы не отмѣчено.

Это - говоръ южной полосы Гомельского у. (с. Марковичи и с. Старо-Юрковичи съ волостью посльдняго), имѣющій кое-что общее съ говоромъ озеранскимъ, имено иногда ч (какое?) вмѣсто къ: ихали, дзило, цылая нядзиля, рызать (= рызать), и отсутствіе j: добраа, добрую. Сверхъ того: мягкіе д и т, твердое р, спорадическое неударяемое о, частое я вмѣсто е: яна, мяла, яе, вясельля, пяли, бярэ, запрягайтя, рядомъ съ ч: мцеть, нивѣлка, зилёная, нила, вóзура; изрядка твердые согласные (по малорусски), усэ (= всё) лядзь (= медъ); изрѣдка (по преимуществу послѣ губныхъ)

и вм. ы: вѝшли, коровы (им. мн.), вы (= вы), вы́шкать сы́ночки (при навѣсы, им. мн.); въя, лѣя и т. п. вм. вя, ля: пѣять, вѣёсь (= весь), спа вы́ёрети; формы тв. на лы, 3 л. ед. ни ś (ходя), бу́ду, була́, 3 л. мн. на ять вм. ють: гуляять; листогиліе цо.

Романовъ сводитъ говоры Могилевской губ. къ тремъ:

1) центральному, чистому бѣлорусскому, въ уу. Сѣнненскомъ, Чаусскомъ, большей части Могилевскаго, западныхъ частяхъ Оршанскаго и Горецкаго, съ дзеканьемъ, твердымъ р, съ формами 3 л. ед. на ть. Изъ Могилевской губ. онъ направляется въ Витебскую и Минскую губ. и переходитъ во всей своей части въ Дисненскій и Вилейскій уу. Виленской губ.;

2) восточному, въ уу. Климовицкомъ, Чериковскомъ, Мстиславскомъ, восточныхъ частяхъ Горецкаго и Оршанскаго, сѣверной части Сѣнненскаго, съ дзеканьемъ, мягкимъ р, формами 3 л. ед. на ть. На сѣверѣ онъ сливается съ говоромъ Смоленскимъ, направляется къ Днѣпру и затѣмъ, за Днѣпромъ, переходитъ въ Витебскую губ., гдѣ занимаетъ Витебскій, часть Городокскаго и Невельскаго уу. и сливается въ Великорусскомъ у. съ говоромъ смоленскимъ цокающимъ;

3) юго-западу, въ у. Гомельскомъ и большей части Рогачевскаго (сѣверная граница на востокѣ, въ Климовичскомъ у.,- рѣка Бесѣдь, на западѣ — граница Сѣнненскаго у.), безъ дзеканья, съ твердымъ р, съ формами 3 л. ед. на е. Онъ переходитъ въ Минскую губ. и имѣетъ въ ней значительное распространеніе, пока не сливается съ окающимъ говоромъ. Этотъ говоръ разбивается на много подговоровъ, изъ которыхъ важнѣйшіе переросповскій, озеранскій и другскій.

Говоры Минской губ. дѣлятся на три группы: сѣверо-восточную, западную и юго-западную.

Говоры сѣверо-восточной группы очень близки къ сосѣднимъ говорамъ Виленской, Витебской, Могилевской губ. и отличаются сильнымъ аканьемъ и употребленіемъ дз и ц, ў вм. ў, в, л, двойныхъ мягкихъ согласныхъ, твердаго р, твердыхъ шипящихъ (далѣе двойныхъ: цёшша (= тещa), далѣдзень (= довѣдзи) и є въ сэрца, сынавѣдзь и т. п., зъ вмѣсто изъ, съ, формы дат.- мѣст. съ смѣшанными, дат. и мѣст.: часцёмъ, часцёхъ.

Въ говорѣ Борисовскаго у. (сравни говоры виленскій и витебскій), нерѣдко употребленіе и вм. е: литала, плила, ў набо́ры (= въ набо́рк) и т. п. (рядомъ: лядокъ, ляцiць, нясець, сецця; с. Во-

лосовици); формы им. ед. на ы, дат. мест. ед. тэй 3 л. ед. въ одномъ мѣстѣ обыкновенно на есь (с.с. Волосовичи, Лотысолици), въ другихъ, къ югу отъ первыхъ обыкновенно на е (м. Колоденици; даже: ходзя), повел. накл. бы, ны. Формы зват. п. обычны: Мужу, накадзю; рядомъ съ формой цябе - форма це (под- вин); у це (= у тебя).

Въ говорѣ сѣверной, большей части Минскаго у. (сравн. говоръ виленскій) употребленіе и вм. е, повидимому, очень рѣдко (въ конц. формѣ дат.-мѣст); двойные мягкіе согласные иногда замыкаются простыми: свинэ; формы им. ед. на ы и ыи, 3 л. ед. въ одномъ мѣстѣ обыкновенно на есь (рѣдко на е; с. Луково), въ другихъ обыкновенно на е (но ходзя и т. п. исключенія; м. Койданово, д. Грычино), 3 л. мн. ходзюць (с. Луково), возвр. зал. на ця: гадзіцця (с. Луково).

Говоръ части Игуменскаго у.: употребленіе и вм. е рѣдко (дзесятнік, лінэ, пыхай, у калоры, но: на марозя, на спрэся, на гулай старонцу, ковыя сэня = сѣни), встрѣчается у вм. о: шырця = широе, на крацекьку бярашкў (с. Микулици), на жэйтулъ пяёчку (м. Узды); изрѣдка дзе; формы им. ед. на ы, им. мн. валэ (= волы, м. Узды) 3 л. ед. на е, повел. накл.

ѣдемъ (= ѣдемъ).

О говорахъ части Бобруйскаго у. наши свѣдѣнія крайне скудны. Употребленіе и вм. е, повидимому, рѣдко (дат.-мѣст. дарозѣ, свайѣ и т. п., ко: Кусаямъ, радуятца, ед.; д. Михалево); двойные твердые шипящіе иногда замѣняются простыми: ящэръ (= ящеръ, д. Михалево); керъдко дре; формы им. мн. на ы и на ый, мѣст. ед. на хвостику, зват. работнику (с. Жилинцы), дат.-мѣст. ед. тяй, им. мн. стралъцэ (с. Жилинцы), каралькѣ, навадкѣ, касичкѣ (= повадки, косички; д. Михалево), тв. мн. плячъма, свячъма (= свѣчами, д. Михалево), 3 л. ед. въ одних мѣстахъ обыкновенно на ець (с. Бацевичи), въ другихъ обыкновенно на е (д. Михалево) далѣе: ходзя (с. Жилинцы), 1 л. мн. будамъ (д. Михалево), пов. н. сварэцеся, памирэцеся (= свариться, мириться; Городокъ). Сверхъ того употребляется j передъ начальными а въ началѣ рѣчи и послѣ словъ, оканчивающихся на гласные: я (= а, союзъ), ягонь (с. Жилинцы), и 2 е сливаются въ одно: слемъ, улемъ (с. Михалево).

Извѣстныя намъ говоры Рѣчицкаго у. имѣютъ дз и ц (рядомъ съ которыми изрѣдка мягкіе дь и ть) и формами 3 л. ед. на е и ець. Одинъ изъ нихъ (неизвѣстной мѣстности,—вѣ-

роятно, Дерковицкой волости) имѣетъ очень сильное аканье (лѝчинька, лѝпа), частое я вм. ѣ (и рѣдко: на вѐстрави и т. п.), предлоги-префиксы изъ, исъ вмѣсто съ и рядомъ съ съ и одъ рядомъ съ отъ и формы род. ед. лаго̀. Въ другомъ говорѣ м. Горвали, можно отмѣтить только частое я вм. ѣ (но: на явѐры, имѣт.) и форму 1 л. мн. пойдамъ. Въ третьемъ говорѣ, с. Колки, при аканьѣ и частомъ я изъ ѣ, кажется, послѣ ударенія спорадически сохраняются о и ѣ. Сверхъ того, въ немъ у вм. ы (спорадически: пута̀ли (= пыта̀ли), но̀вули (= новыми), но̀вухъ (= новыхъ), кацу̀шки (= копытца), мн. ед. лало̀тцэ, твор. мн. трѣма (= тремя), повел. н. на ло, 2 л. мн. пов. н. кладзеця, неопр. н. на ци (рядомъ на цы), возв. з. на са.

О говорахъ Мозырскаго у, тоже съ дз и ц (спорадически также д и т) и формами III л. ед. на ѣ, мы знаемъ еще меньше. Одинъ изъ нихъ (неизвѣстной мѣстности) съ сильнымъ аканьемъ и частымъ употребленіемъ я вм. ѣ: залато̀га, варано̀га, бохо-зват. (но: на порѐзи, на хаци, на рэгцы). Формы мн. ед. на ы, 1 л. мн. ч. на йдомъ, сядзьма, павяпаройма. Въ другомъ говорѣ, дер. Колчи, Скородинской волости, къ югу отъ р. Припети, неударяемые о и ѣ, повидимому, послѣ

ударения спорадически сохраняется (записано: табе́, цябе́, мяне́, вярцёна (= веретено и рядом: пѐнно, бабо – зват, ѐтая сѐно). Формы им. ед. муж. на ы́й, средн. (и нарыя) на э, эе: хорошэ, тое ако, род.-дат.-мест. ед. на эи, 1 л. мн. на ло, неопр. н.: пякцы, возв. зал. на ся: нясцйся, бѐлися и цця: вернуцця (неопр. какл.). Формы зват. пад. Говоры западной группы отличаются сочетанием аканья съ оканьемъ, т. е. сохранением более или менѣе часто неударяемыхъ о и е, при дз и ц, твердаго р, дле, зъ вмѣсто съ и рядомъ съ съ, одъ вмѣсто отъ, формахъ им. ед. на ы: добры. Формы им. ед. на ы́й, дат.-мест. ед. на о́й, им. мн. на ы́я въ этихъ говорахъ не отмѣчено.

Одинъ изъ говоровъ Новагрудскаго у. (Шорсовская волость) сохраняетъ неударяемое о послѣ ударения и неударяемое е какъ послѣ ударения, такъ часто и передъ нимъ: старо́го, пивомъ (твор), китайкою (тв.), со́рцю, со́нцо, пощля́ные, злетаешь, прылятаешь, цевёртое, у селе́, залатые, любые (им. мн.), стрэгае, рядомъ табе́, залатъ, у дарозе, лядокъ, у вянку́. При этомъ неударяемое о послѣ ударения можетъ звучать какъ у: на цихуль

Дунаю, на белекуль кàмени, у трэ̀юль поли (рядоль: цихоль), неударяемое а съ предъидущимъ j или мягкимъ согласнымъ послѣ ударенія - какъ е: поеч, хòдзець, прасìлае, смѐюще (рядоль: ся, ца), а неударяемое е передъ удареніемъ - какъ и: шишà, лишке, цiперъ (рядоль: кемà, менѐ, цеперъ). Сверхъ того: группы согласный + j сохраняется: кущьà, пещье, гольё, палуляньё (ко весе́ле); формы им.-вин. мн. женьцэ̀, касьцэ̀ (= женцы, косцы), сватьз, зимэ (сваты), пастушке́, дварэ̀, дзецке, людзе; 3 л. ед. обыкновенно на е (рѣдко: скàчець), но: есць, ёсць, естъ (= есть), ешь и даже ести (= пѣсть); 1 л. мн. иногда на ло: рòбилло, седзилò; повел. накл. съ п: женьце, пазнеце (= поздните); неопр. накл. на ць и на ци; возв. залогъ на ся и ца (нѣтъ на сь). Сверхъ того: формы дв. числа: дзве шкòдзе, и дзве шкòды, им.-вин. ед. ср. р. сэрцо лаё и лаé, мѣст. ед. на бары и на барù; придыханье г (=h): гарань при арань (= орать) рядоль съ болѣе обычнымъ в: вòко, вакнò, вонь (при око, окно).

Другой говоръ того же уѣзда (с. Березовецъ) имѣетъ безъ ударенія звукъ близкій къ о во

второмъ слогѣ передъ удареніемъ и въ слогѣ непосредственно слѣдующемъ послѣ ударенія: молодóй, сокалá, отстýпися, дóрога, ясóнко (зват.), сéро, зéлёнё, застóлёнё; въ другихъ словахъ неударяемое о = а: балúшь, лаё. Неударяемое е сохраняется въ остальныхъ въ тѣхъ же слогахъ, гдѣ и о, но гораздо рѣже; оно замѣняется въ остальныхъ черезъ я или черезъ и: ся-стрá, вязú, лящемь, ездя, лимá, шибé, засúяцей, шихто ни злакая. Въ этомъ говорѣ удваиваются мягкіе согласные: зéлёнё; формы имет. ед. на и, ы: у сельцына гарúы (= горѣ); формы 3л. ед. только на е: вязé, плящё (= плестéть), кáжса. Формы пов. накл. яскця. Формы зват. над.

Третій говоръ того же уѣзда (лексически неизвѣстны) сохраняетъ неударяемые о и е во второмъ слогѣ послѣ ударенія: вялúкаго, целáго, лéраво (= лѣвяно), дзéраво, за пáзухой, далёкаё, блúскаё, сáмые маленькие, на передзе; а спорадически, можетъ быть, и въ слогѣ, слѣдующемъ за удареніемъ: пóле, здарóвые; въ другихъ слогахъ о и е замѣняются черезъ я или и: однáка, мягка, вязé, лéзя, у лéся, нимá, шиé. Двойные мягкіе согласные обыкновенно замѣня-

ются простыми: свинья, вяселя (но: здоровье). Формы им. ед. на ы (той), мест.: на каменьі, твор. пляскыми, 3 л. ед. на е, но есть = есть, повел. н. дарэце, напіся, возв. зал. всегда на ся.

О четвертом говорь того же уезда (дер. Крутовицы) мы не можемь сказать ничего определенного, кромь того, что ударяемое о въ немь иногда въ конце словъ сохраняется; записано: судзеньё, первё, сядзеньке, дайёё (= далася), рядомь съ цвятокь, узбе, глядая, пьеся, бъялая лицо, на болоцы, на рэбы, ялька, сцельдоцькъ (род.), далее; у вялику дарогу. Въ этомь говорь двойныя линкія согласныя: зельля, сядзеньё; форми им. ед. белаю гуку, им. вин. мн. гукі поясі, пасля (= посолы), ляд'э, быне, дзеўке, 3 л. ед. на е, 1 л. мн. вялічаямо, повел. надзеце, возв. залогь на сё (рядомь на ся). Сверхь того двойныя твердыя согласныя: ялд'э.

Какь далеко на востокь заходятъ говоры западной группы, мы не можемь определить, такь какь находящійся въ нашемь распоряженіи матеріалъ внушаетъ къ себѣ мало довѣрія.

Тексты, записанные Дмитріевымъ въ нездѣшнихъ мѣстностяхъ Минскаго и Игуменс-

скаго цц, позволяютъ думать, что говоры этихъ мѣстностей, не имѣя дифтонговъ уо, іе, въ томъ или другомъ количествѣ сохраняютъ неударяемыя о и е. Напримѣръ, въ нихъ стоитъ: хорошая, застайце, налетайце (лимек.), скажеце, надземле (им.), рядомъ съ формами абруце (вин. мн = убрусы, и), у сянёхъ (лимек.), збираешь (лимек), ходзе, паляколь (им.)

Тексты изъ с.с. Побережья и Скупшины (на р. Березинѣ), Борисовскаго уѣзда, изученные графомъ Пышкевичемъ, также позволяютъ думать, что говоръ этихъ селъ (несмотря на дифтонговъ уо, іе не имѣющій) часто сохраняетъ послѣ ударенья неударяемыя о и е. Записано: табѣ, залаты галава, яѣ, мяне, дзоло (= дѣло), цѣста (= тѣсто), лѣжка (3 л. ед), застолья, подворья (им.- вин. ед.), дубовай (твор.) и рядомъ: далёко, нашаго, добраго, у долгой дорозе, крынкой (твор.), у гародзе, на галпаколя, добрые, угадиѣ (3 л.), рэбиць (повел. н), райочекъ, вечеръ застануе; другія особенности: дз и ц, твердое р, сохраненіе мягкихъ согласныхъ + j: застолье (рядомъ: каханє = коханье), формы им. ед. на ы, род. майго, мѣст. пры татэгку, твор. мн. ручками бяленькими, 3 л. ед. на

ись и на ѣ, возвр. зал. на ѣе и на ѣся; формы зват. п.

Говоры южной группы - переходные отъ бѣлорусскаго наречія къ сѣверно-малорусскому подначечію - слышатся въ центрѣ Минской губ.: въ южной окраинѣ Минскаго у., въ Слуцкомъ, Игуменскомъ, Бобруйскомъ и Мозырскомъ уу. Они соединяютъ въ себѣ бѣлорусскія аканье (въ той или другой степени неполное) и дзеканье съ сѣверо-малорусскими дифтонгами уо и іе на мѣстѣ собственно бѣлорусскихъ ударяемыхъ о, ё и е (= древн. ѣ и ъ) и (иногда) ихъ неударяемыхъ рефлексовъ, причемъ въ этихъ дифтонгахъ въ сѣверо-восточной части территоріи говоровъ южной группы преобладаетъ вторая часть звука: вуо́лъ, люо́дъ, сіе́мъ (= 7), сіе́но, въ прочихъ мѣстахъ первая: вуо́лъ, люо́дъ, сіе́мъ, сіе́но. Сверхъ того: р звучитъ обыкновенно лишь твердо; двойные мягкіе согласные (съ болѣе или менѣе частыми исключеніями); зъ вмѣсто изъ, съ; дзе; твердое л въ сіе́лько, боло́но, палы́, что не составляетъ однако общаго правила (Игуменскій, Слуцкій, Бобруйскій уѣзды). Формы им. ед. на ы, род. лайно́ и лало́ и т. п., 3 л. ед. на е и ше

(но: есть и ѣсть = пѣть); формы зват. п. на е и на у. Формы им. ед., дат.-мѣст. ед. на эй, им. мн. на эя здѣсь совсѣмъ или почти совсѣмъ нѣтъ.

Неизвѣстно, звучатъ ли въ этихъ говорахъ древнія звонкія, какъ глухія, или сохраняются, т. е. произносятся ли мюодъ или мюатъ, салодкій или салоткій.

Объ степени аканья въ говорѣ южной окраины Минскаго уѣзда (дер. Ячонка близъ м. Столбцы) мы не можемъ ничего сказать; отмѣчено: пясочакъ, пчала, поплядая и т. п. Несколько-ко, неударяемыя о и е въ большемъ и меньшемъ количествѣ случаевъ сохраняются. О дифтонгѣ ие (объ одномъ отмѣчакъ) также мы не можемъ сказать, какая часть, первая или вторая, въ немъ преобладаетъ, и какъ часто онъ употребляется; едва ли можно сомнѣваться, что онъ употребляется много рѣже, чѣмъ въ сѣверно-малорусскихъ говорахъ: табіе (= тебѣ), выбіегла, поскодзіенки, піесня, піемъ, завіетая, стрэліенку (род. мн. = стремянъ), и рядомъ на дворэ (мѣст.), людъ и т. п. Другія особенности: твердое двойное шш: шшыгель (= шагахъ), формы: род. свэй, матушки, свое цётушки,

пов. н. завернѣце, одберѣце, запросѣце, возв. з. хлепшесе.

О степени аканья въ говорѣ с. Подлысья, Слуцкого у., мы не можемъ ничего сказать (записано: гòрда = гордо, табѝ, подлавѝли, вялюкъ, галò, везли, хлапю, собѣ, дзяцѝна, зязюлю, твор. нашага, 3 л. мàтцца, дат. бцольшоя, пцойдзшись. Дифтонги цо и цѣ, неизвѣстно съ преобладаніемъ какой части, употребляются очень часто: мцой, двцоръ, бцорѣ, бцокъ, тцолькы, дорцохка, вцойна, юцокъ (= окъ), мцодъ, лябцодка, хлопцонка, зялюцокъ, дзцѣ (= годъ), вѣкъ, галовѣкъ, лѣсъ, обѣдъ, на столѣ, пѣсъ, лѣсъ, причемъ рядомъ съ ними изрѣдка являются съ одной стороны ц и ц: вцойцуна (= войтовка), волцу́ (род. мн.), долцу́ (= головъ), табцѝ, вѣ, сѣ (= вѣтеръ, снѣгъ), пцрья (= перье), съ другой — о и е: лёдъ, семь (= 7) и т. п. Придыханіе г въ гостры (= острый). Формы им. ед. тай, имѣет. ед. на вцойскы, дат. мн. панцолъ, твор. плецымъ, очымъ, 1 л. мн. бцудамъ, повел. н. 2 ед. палюзцы, 1 л. мн. постайцмъ, возв. з. на ся: забылася, боюся и на цця: капѣцця. Формы буд. времени 3 л. мн. чысла собѝраць, лцуць.

О говорѣ с. Семяхова, того же у., наши свядъ-

ния очень скудны. Повидимому, онъ близокъ къ говору подлѣсскому: таѣкъ, гаѣй, нашаго, суѣсѣдка; рядомъ, голубовка, куожены (= каждый), у бокуцъ долѣ, у шелковуцъ пуцъ (отъ путо), рядомъ съ лоѣй, твоѣй и т. п. Сверхъ того: свае, род. ед. зайися, пов. н. одорвѣцуя, 3 л. ед. хорогиъ (= хорошо).

Тожде можно сказать о говорѣ д. Островковъ, Ивревской волости, того же уѣзда. Отмѣчено: гаѣкъ, стуолъ, суолъ, луолъ (рядомъ: твоѣй), небюосъ (род.), растрюокъ (= растрёсъ), слюозки. Сверхъ того: якъ (= якъ).

Въ говорѣ д. Конюковъ, того же у, при сильномъ аканьѣ (пахаваѣ, яка, дзяржаѣй, пяралѣлемъ), тѣ же дифтонги: туолькы, лужыкуоѣ, маіе апостолы (= им. мн.).

Въ говорѣ дер. Мелешкевичей и Мощицъ (въ 10 и 8 верстахъ отъ Слуцка) при аканьѣ (таѣкъ, гаѣло, ітаѣго), отмѣчено: буйсь, что по всей вѣроятности, должно читать: буойсь.

Въ говорѣ Игуменскаго у. (с. Юревичи) сильное аканье (галавочка, маладыя, далина зялёны, бялёнькій, кя знаѣй; дифтонги только подъ удареніемъ: луоѣй, туоѣй (дат.-мѣстн. жен. р.), вуокъ (= окъ), рядоцы, велюорг, лиіе (= линь), суіедъ, слё-

зы лаі, у крывіе (въ крови); рядомъ: на синюмъ морэ; формы имен. ед. не только на ы, но и на ый, род. ед. лаі (= моей). Сверхъ того: бывàюе (= бываете).

Говоръ бобруйскаго у. (с. Язвель) также имѣетъ сильное аканье передъ ударéніемъ: карàвай, залàты, аны (= они), нясли, вязли, цябе, жанà, но: свічà (рядомъ: гаёчокъ, дóброго и т. п.), и дифтонги въ ударяемыхъ слогахъ: лиуой, пиочъ, риобь, молиодочка, киожка, тиой (дат. – мѣст.), мiесяцъ, лiета, табiе, таiе (род. ед. жен. р.), гыiя, маiя (им. вин. мн.), лiесъ, пiечка, вяiэля, изъ которыхъ іо замѣняется при отсутствіи ударенія черезъ у: вувторокъ, у первуль улiе, на паловуй сякярàйки, у цёлнуй цялiнцы, пивоварувъ (род. мн.). Сверхъ того формы им.-вин. муж. род. на ый (и на ы), им.-вин. ед. сред. р. на э, эе: бяхвостэ, шыранкэ, вялiкее (рядомъ на ое: другóе, повел. накл. съ ъ: хадзiемъ, сядзiецэ, аблалiецэ, пов. накл. пи (= пей), возв. з. на ся и на са: збiраюса, накрыюса, буойса. Еще отмѣтимъ: формы мѣст. ед. у вишнёваму саду, двоист. ч. дзвiе бярозэ, тварама (дат.-твор), прош. вр. буў и быў.

Говоръ Мозырскаго у., с. Мелешковичи (къ югу

отъ Пинети) имѣетъ нѣкоторыя отличія отъ говоровъ центра Минской губ. О степени его аканья мы не можемъ ничего сказать (отличено: табѣ́, цябѣ́, клйдзѣшъ, козянятны, галу, нашалу; рядомъ: козынька и козанька, свецы, вежу, везала = вязау, лашъ; неопр. н.; елмѣнь); объ употребленіи дифтонговъ тоже (отличенъ лишь уо: на туолъ сельцэ, пирцохъ, туолько, корцовочка, рцозеечки, пцозеечки, далѣе: зцоброва; рядомъ: боцся, ццёкъ, стральцоу, род.). Сверхъ того: у вм. ы: бувáю, вучéу (= вышелъ), копцики (= копытики), и вм. ъ: зъ лива ўшка; формы им. вин. сред.: свецэ, правэ, колоцисто, тэе сельцэ, им. мн. хлопцэ, стральцэ, род.-вин. сред. свецэ, правэ, колоцистэ, род.-вин. табѣ́, дат. мн. сыно́мъ, 3 л. ед. цыцъ, цўцъ, 1 л. мн. на ло, на олъ: знайдолъ, неопр. накл. есцы (= пьсть), возв. зал. на са: садзиса и т. п. (далѣе 1 л. мн. прикайласо). Рядомъ съ дз и ц слышатся мягкіе д и т. Наши свѣдѣнія о бѣлорусскихъ говорахъ Гродненской губ. крайне скудны, и мы не можемъ ничего сказать о степени ихъ аканья. Особенности: дз и ц, твердое р, двойныя мягкія согласныя (кромѣ Слонимскаго у.; изъ нихъ иногда простыя!), зъ вм. изъ, съ; иногда одъ вм.

отъ, формы им. ед. на ы, 3 л. ед. на е и на ицъ, неопр. накл. на ць и ци. Формы им. на эй, эя неизвестны, дат.-мест. на ей очень редки. Употребление глухих согласных вместо звонких: голупъ, голупка (Слонимск. у.).

Говоръ Гродненскаго у., с. Лапы: табе, ище (= еще, др.-р. още), вялики, нядзеля, кашало акоиза, плача, зная; рядомъ: на гэтумъ свеци, на дорозъ, зезюля, целая (= тягается). Формы род. мало и т. п. и возвр. зал. на са: валюса.

Говоръ того же у., сѣверной части, отличается отъ говоровъ бѣлорусскаго центра более твердымъ произношеніемъ и меньшимъ измѣненіемъ о въ а: гаспадарыку (зват.), адноліи карощка, аставалася, Кіева (род.).

Дифтонги не отмѣчены, но: бугъ = богъ), рувня, (рядомъ: твоя), кшобъ, рижеъ (= рѣжеъ).

Говоръ Сокольскаго у., повидимому, мягкимъ не отличается отъ говора Гродненскаго у: каго, стаяла, лязела.

Говоръ Бѣлостокскаго у.: сабе, бабаю, (тв.), объ рѣбыи, питаць (род.), галованька, бедной (род.), ляне, но: двесце (= двѣсти), вяведзе, пушае; осею (= осенью).

Говоръ Волковыскаго у., д. Мелыки: табе, поля-

семь, сидишь, купишь, ны чужую старонькую (= на —). Въ говорѣ того же уѣзда, близъ Зельвы: старана, паюць, у цёмнома лесе, рудный, луй; около Росси: старана, гдзе, дзѣлася, дале: воуль (вѣроятно, вуоль = воль). Изъ другихъ мѣстъ: гало, страла (= стрѣла), на бицулѣ гальцинцы, боюсе, распаўляцце, для алваты, екъ (= якъ).

Въ говорѣ Слонимскаго у. передъ удареніемъ сильное аканье: аднаго, валоколь, вяна, ляды, цябе, сцяли (= стели), ранюсянька, при: коняй (род.), справаело, будзяцця, радуйцяся; рядомъ самаго, волокъ, чыстое поле, вульей (род. мн.); слѣдовательно послѣ ударенія о болѣе или менѣе часто сохраняется; на новцмъ двори, на чужой сторонцы, собы, табы, лими (= себѣ...). Мягкіе согласные + j иногда сокращаются: галье; дже; пѣлець (= пять): формы 1 л. ед. на ло, повел. ни, нися, неопр. н. на ць (но: есцы = быть). Сверхъ того: изнуй, цо (= снова, что; м. Колово); тэй (род., с. Горѣлье); пирадокъ, вызали, головычка, зыдывай (= задавай, д. Заполье); таё, род. ед. свало, зцели (= сняли, д. Збочка).

Бѣлорусскіе говоры Черниговской губ. намъ извѣстны очень мало. Ѳоломовъ говоритъ объ ло-

гилевскимъ говорамъ, по его названиямъ – восточному и южному, что выходятъ они въ Могилевскую губ. изъ Черниговской (первый въ Климовицкій у.). Г-нъ Радченко сообщаетъ, что тотъ говоръ, который слышится въ Гомельскомъ у., слышится также въ сѣверныхъ уѣздахъ Черниговской губ.

Говоръ Суражскаго у. – чистый бѣлорусскій: сильное аканье, частое я вм. р: вяцець, ляне, пастеция, рядомъ съ и: на парози, дз и ц, формы им. ед. на ы и на ый, Зл. на е и на ець: вядзе, вядзець (дажде ужуся), или часто звучитъ твердо: бярёза. Въ текстахъ изъ села Попова гора (въ 60 верстахъ отъ Суража): цяперь, прясти, трясци, стрялцы, формы вин. ед.: шалкова, Зл. ед. на е (ходзя). Говоръ Новгородъ-Сѣверскаго у. (с. Юрковка) представляетъ пеструю смѣсь бѣлорусскихъ особенностей съ малорусскими (онъ слышится въ мѣстности между Бѣлоруссіею и Малороссіею") съ преобладаніемъ однако первыхъ. Аканье сильно: падай, вадица, барада, паласкать, но иногда, повидимому, о безъ ударенія сохраняется; я изъ е, вполнѣ обычно: тябе, вяжу; слухайтя, пытаюся; дз и ц рядомъ

съ мягкими д и т: людзи и вадзіца, даць и крычаць; р то твердое вмѣсто мягкаго, то мягкое; формы 3 л. ед. на е и на ець. Рядомъ спорадически малорусизмы: лы́й (= лоі, при лоі), ро́дный (при ро́дный), сыль (= соль), рыбный, лапюнка, пудъ косолъ, пудъ ребро; ходыли, обсады (пов.), выдко, систы (при плывіцъ, вадзіца и т. п.), ялі (= ее родъ), дывочка, лисяцъ, хлібъ (при звездочка). Сверхъ того: формы им. вин. сред. р. на э, эе: прàвэ, тэе сельцо, дат. лайлю, 3 л. ед. ёсть и ё, булò, 1 л. мн. на ло, возв. з. на ся: аказалися, мѣстоименія цо и шо (= что). Относительно произношенія согласныхъ передъ е, какъ часто они звучатъ твердо, по малорусски, какъ часто мягко, по-бѣлорусски, нѣтъ данныхъ (но: дзятёначки, сё, усё и т. п. по-бѣлорусски).

Бѣлорусско-Малорусскіе матеріалы.

Бродненская губ.

Пóказка абъ рыбакú и абъ рыбцы.

Жыў стары́ ўъ свайго старога бабы каля́ сáмага сíняга лю́ра. Еный жывúй у развáленай земляны́цы рóўно трыццáць гадóў и три гóды. Стары́ лавíў валакóмъ рыбу, а старáя прала свою кудзéлю.

Адна́го рáзу ёнъ у лю́рэ запусцíў вóлокъ, выцягнуў вóлокъ ўъ адны́мъ мулóмъ. (Слонимскій уѣздъ.)

Абъ рыбакѣ и абъ рыбцы.

Жыў сабъ дзедъ ўъ бабы́ дзíнъ сíняго лю́ра. Еный жывúй у гнилóй земляны́цы рóўно трыдзéсць гадóвъ и три рóкы.

Дзедъ лáпаў сíтною рыбу, баба прала кудзéлю.

Дадъ ёнъ у лю́рэ настáвіў сíтку, прíйшла сíтка ўъ одно́ю цúною.

(Бѣлостокскій у.)

Зыў старúкъ до своéго старýлаго

у самого синего моря. Вони жили у биленькій землянці рівно тридцять літ и три роки.
Старий ловив неводом рибу, старуха пряла своє прядиво.
Раз вони у море закинули невод, витягли невод з одним забором.
(Ковельский уезд).

Жив був старик со своею старухою коло самого синего моря. Вони жили в старій землянці рівно тридцять літ и три роки.
Старий ловив неводом рибу, а старая пряла свою пряжу.
Раз вин в моря закинув невод, витяг невод с одною поплавушкою. (Ковельский у.).

Волынская губ.

Казка про рыбака и про рыбку.
Жив собі дидъ та баба коло самого синего моря. Жили вони в старенькій хатці-землянці рівно тридцять літъ и три роки. Дидъ ловивъ неводомъ рибу, а баба пряла

лычки. Одного разу дакінчыв дзядзь невадзь ва мары и выцягнуў ёй фільку зь мурэнкамі. (Віленск. у.)

Запись П. Шейна. „Изъ поѣздки изъ Прозороковъ заседаній общества русскаго яз. и словесн. въ 1868 году."

Минская губ.

Якъ ясій да быў дзядъ зь бабай. Дзядъ лавіў рыбу, а баба прала пражу. Вотъ разъ дзядъ дакінчыў нёвадзь; гледзь, анъ нічего нема.

(Минск. у.)

„Пѣсни Пинчукова."

76 Ой, пудъ лясомъ пудъ высокімъ — ягодки,
Ой, тамъ дзівонька мыла ягадзінъ набэрэ,
Мыла бабчыну дворъ на свекрыкоў покоя.
Да на тэстыма мой бабчына ягодокъ,
Бо упусціў золоты кубокъ изъ ручокъ;
Да тэстыма мае свекрыко ягодкі.
Бо оно узяло золоты кубокъ ў ручкі.

---

77. Да ходзіла дзівонька коло сыноксафы,
Да копала глогу, да садзіла розку:
Пучэй тобі, розка, да на вышокаты,

Ах, мать у батюшка да не выховаты.

2. Ой, я тобе, моя матинько,
Зарэ́нький говорыла:
Да не копай рутки, да не сады. мятки,
Бо нэкому поливаты.
Ой, я тобе, моя свэкроўка,
Зарэ́нький говорыла:
Николай рутки, на сады мятки,
Будэ кому поливаты.

3. Пышно горэлку, прогливайэ дэ́ўку,
Нехай она у косяк не ходыть,
Да нехай она хлопцаў не зводыть,
Да нехай же хлопцы да ворыть
не голомять:
Наше ворыно уж срэбра, уж золота.

4. Утэбэ, дэ́ўко, крамяное сэрцэ:
Дэ́ўки плачуть, а ты не плачаш;
Хоць заплачаш, да не жалостно,
Свэй маронькы да не розжалишь.

5. Пудыходь, пудыходь, коровай,
Дубовэ дэ́нцэ выбывай;
Як не будэш выбываты,
То не будэш сасаты.

97 Кудрявая печь лежа,
Хорошуха пожайгяе,
Ни буць пошлае.
98 Прыпечокъ рэче,
Пичъ коровая хоче:
—Дзе жъ тыи короваечки?
Чи на лэду потопылыса,
Чи на горы потопылыса,
Що до мэня сподылыса?
99 Росты, коровай, росты,
Як хмэль на тычыни,
А пшеныца на ныви.
Росты, коровай, росты,
Да на гору дывысь,
Да за яворъ берысь;
А якъ буде коровай расты,
То мы будэмъ коровай тряслы.
109 Стоить дубочокъ зэленэсэнькій,
На Дунаи похылыуса;
Сидить жэнщиночокъ молодэсэнькій,
У дорогу нарадуйса,
Дэржыть хустоньку у правой рученьцы,
Очыцы протырае,
Свойму батэньку, свойму рыдному,

До полюк прыпеўцы:
Мы же бяленькі, мы же румяненькі,
Гопцуй жа дзяўчыначкі,
А дзяўчыначкі — будзь маю ма-
лодзіцу.

118 Ох, ты рачанька быстрая,
Ты ўгора была быстрая,
А тапэра стоіш тыхая.
— Як жа мне быць быстрэнькай,
Колы мяне ногачкі нальгелы,
А ня мяне чаўночкі папсавалы!
— Ты ж, маладая дзяўчынка,
Ты ўгора была вясёла,
А тапэрка сядзіш жальбурнюнька.
— А як жа мне быць вясёлай,
Колы мяне осені чужына,
Усе жаніхова родзіна?

505 Замуцілася дуброва, (2)
Замуцілісі усе луга и прэкрасные
бэрэга.
На бэрэжку пясочак, на пясочку са-
дочак,
А ў тым садзе салавей, вялыкі ра-
но шчэбэча.

Ох, соловей, соловей, не щебечи при заре,
Не нагадывай жалю лихе, що я у чужой сторонке.

507. Дубоя, дубоя сей дзенёчок тровка?
Ох, пощуя я у вышнёвой садочок,
Да вышнину орэховый лысточок,
Да спшиу усю дьесадоньку сваю,
Да пашлю у слаунай городу Маскву.
Ой, хто жь будэ той лысточок хифаваць,
Той будэ усю досадоньку знаць.
Ой, мой лысточ, той лысточ прогибаў,
Усю досадоньку узнаў.

508 Ой, повець, да повець, да буйна ветер, изъ-за крутых гор.
Да як я маю повеваць, коли круга, гора,
Чужа далыня старана.
Ох пусцю я чорную галку на Дунай рэчку пьесць,
Чи не прынясэ горная галка от. любэзнаго вьесць.
Да пеляви, пеляви, горная галка, назадъ не вернися,

Накажи моёму миленькому щоб
по мне не журывуса,
Нехай ёнъ не журитца, я по ёмъ не
буду;
Нехай ему раба зайдуленька, а мнѣ
соловейко;
Нехай ему добро будя тамъ, а мнѣ
весялэнько.
Да глибокіе да колодзези, срэбные ключи,
Да выпякала по миленькому горныя
очи.
Да глибокіе да колодзези, золотыя рам-
ки,
Да выпякала горныя очи уъ вэчера
до ранку.

Пинск. у. Минск. губ. №№ 76–118 с. Добро-
славка, №№ 505–509 с. Гатицы. „Пѣсни
Пинчуковъ". М Довнаръ – Запольскій
13. I. К 1895 г.

Смоленская губ.

Якъ храмой, слѣпой и глухей царю
служыли.

Собрались у кучу на дарогу: храмой, слѣ-
пой и глухей. Слѣпой гаворить на хра-

лога: — „Ну, идъ намъ деньжи дасфадь?" Одруг ъ имъ прикулясь, што глухой нъмта сказаў: — „Пайдемъ къ царю: „енъ намъ будитъ деньги давать." — — Прышли къ царскому дварцу, и стали яны идъ чисавя ходить на калавури. Идетъ чисавой на хватеру, а яны гаворютъ: — „Пастадинъ чисавой, далажитя царю, што мы прышли у работники къ яму нанимацца." Цярь гаварить: — „Спрасить мъ суда." — — Приходютъ яны нимчина къ царю. — „Ну, мужычки, какею вы работою у мяне хотитя занятца?" — „Свять гасударь, дайтя намъ работу, которая палегчи!" — Пасылаетъ царь у дуслю: — „Якъ намъ уздумаютъ яму работу дать палегчи?" А дуслю (?) уздумали: — „Стяпога пасадить картошки стярть, храпога жывотину пасти; глухога паставить на царскихъ варотахъ, штоба енъ чуў, хто будитъ калаколо́мъ тхать...."

Деревня Провержина Ельнинского уезда. — Арх. 679.

Святы Дамарничисе.

Кировы у насъ стали пауть ячъ забитыя на самый праздникъ. Хявыстка мая сходила къ знахирки.

— Ета вы такъ ни убивайтись ни. Бюш: Богъ такъ ня бъетъ, а ета ячъ чуживаго, атъ урага — злой усиуа тирдъ Бога. Аддаеть уъ ячъ, Гаспоть миласлывый! Гаспоть миласлывый усё вамъ будить пасылать, и вы будитя жить, ну, усё будуть вамъ паддержки ячъ зслова, усё ёнъ будить давать вамъ грачъ... И сказала ина намъ: — Стайтя хлюу на паудни!..." Да вотъ яще чаго мы ня здъялали! — Падъ катыри вирхи упустиля живога серибра: ни якій урахъ вамъ ничога ня здъялаить, и будитя жить харашо сы свашъ служыть, будитя имъть кусокъ хлъба... Я знаю: твой мушъ чилавъкъ зимирный, ёнъ привыдищъ, ня здесь ёнъ рабдёнъ и атъ юныстви привядоцъ у етый дом"... И праду сказала Дамарашка, дяйствительна, ёнъ привыдищъ. стр. 76.

Ох, тишенькая Машенька нарядилася,
Ох, большая сё горюшка привязалася;
Ох, куды Маша ни пойдёть —
Все горя за ей;
Ох ишь Маша ня вострыштица,
Усе журять — дынять;
Журять-дынять Машеньку,
Усе плакыть сё вилять.
Пупляч, пупляч Машенька,
Пупляч, душинька,
Ты свалишь на горюшку, ты вялыкыму,
Ты скажишь на другу, ты Иванушки.
Есть у поли травушка,
Чуть ина шипастица —
Милый у дарожиньку выбирастица,
Ох с усими людями прищастица,
Но са мной, душой-Машей ни прищастица.

Красивушка, ты зялёная,
Ты всю поли прыукрасила!
Ищу милыму праходушки —
Ни стёжисчки, на дарожисчки.
Па т(э)й стежки — ты дарожки
Донись Ванька тыбунок лошадей.

Ах, конек вороненький
Скучно ему весело:
Карие глазки призакатаны,
Буйну голову повесивши.
— Ах, ты, конек вороненький,
Что ты скучен — не весел?
— Как мне веселому быть —
Хватерушки не допросился,
Овса сена не докупился,
Хозяина не добудился.

С. Красногаборье, Рославльск. у. Запись Зел.
Костылева. „Русск. филол. Вест." 1884 г. № 3.

Ах, ты, сад,
Ты, мой сад,
Сад зелёненький!
Ни во время
Ты, сад,
Раскидался —
Ох, ты куды,
Мой милой дружок,
Сибиряшка!
Ох, сибиряшка,
Ох, ты куды,
Мой милой дружок,

Выбираешься?
Ох, ты в ход,
Ты в поход, дружок,
Ты ли в дорожную.
Усе палки в поход наши —
Тебя, милой, дожидаются.

Кузача, кузача,
Что ты зажурився?
— Ты вали пристани,
Ты с дорожки сбився?
— А того не знаешь,
Что с такой тувалився,
Не платочку намочив.
Рыбаловы, братцы,
Зачинайте сети
Через быстры реки!
Принимайте долю,
Да мою молодецу!
Не вставайте долю,
Да вставайте рыбу:
Рыба — щука в море,
А молодчик будь дале.

Витебская губ.

Якъ у дьвинáцытымъ гóди, у тýю
ў сáмыю руйну, ды якъ эта-зьмсля́въ
Господь-Бярэ́йцыць уш рацъ-сíлу нязь-
мырнýю; пéрьши-на-пéрьши усё бусур-
мáнъ ды ўсякихъ хрáньцывъ.... Во, янú
шлéй-шлéй, алé тякú и стáли; стá-
ли-ш и людзéць... Ну, гэтá, бáтька,
лядú ни лядú - а мы ш твоéй нéярисцы
пытáным ни пыдадзéмся!... Пóки што
тóй-лядь! ў винúтца яцó рацъ-сíла:
якъ пивалúло крякнсэ - то ў пяць,
то ў шесь конéвъ, ансю́ зьмля дрижúць,
якъ нысюцьúло вынырагóвъ, ды ўсё
уъ пéрьши-што-пъ твоё выронé!...
Голю́нюць, гуляючць по нéйкым
- а ни разыбраць, кому што нáдзець...
Одúнъ - хто яго вúдзець - ци ёнъ ви-
нырáнъ, ци ёнъ кымандóра? сáмъ
товсцёным - товсцёным, ў вёсь
крáсным, лобъ ясным, а ў рущь ў яго
ци то тынúна, ци то лучúна.
Во, ёнъ кылы дзюй крякснúм ту-
дú й сюдú зьходзивъ, тудú и

сюды зирь, али тыки й сóвъ слуй-
ненькій... А йна-жъ якъ лыпанéць-
грыпанéць! й выскычила одтýдыля
ци то латýшка, ци то цырлянцы-
ка—лячýць-сипýць... Во, йна лящпа-
лящпала, алéй тыкí ны Пятрóвскій
лось не пáпыла. Ныхáй лясúць!
лошсá кóлцу тыбáку цéрци прыга-
дýлыца—бо, тóлькы убыúдуць!
Дыкъ ныпъ-яса-жъ! Ку пíпки(?) ня
бýтрывавъ—„лыя," кажыць,—цдзявъ
дый жупáнькыкъ накрывъ. А йна-жъ
якъ лыпанéць! дыкъ нáськыкъ сорыкъ
цыловъкъ якъ зьлúй цзыкомъ зелúза-
ла... Лось зыгарóвей, а хрáнищъ зы-
нáйці ў догóнку, ды всё ўъ лúзыкí:
ў пысвирóлькы свúщуць, ў цывíрки
бюць, а одынъ—ў босьлíцу—якъ
лыпанéць-лыпанéць! Ну, такъ яса
дóбри, якъ вулúкъ прочь! Здаéцца, усё-ъ
слúхывъ, ды слúхывъ!...

Сообщ. Никифоровская. Село Велятковичи
Витебск. у.

Горóлыца, горóлыца, да ты бысяслúха,

Брыга ляжыць цэрыць усю ноцку сукруха
Иди ліхаць(?) ліць быць цярпець цэрыць
усю ноцку:
Видзець я сабь у увосни парозную
бацку?
Паглядзю я на вулицу — пачава каляска..
Як папалась ліць у руки шыохви —
цыкь и хлячка.
Заюкаю, заюкаю да й запакчкаю:
Хвала Богу, што дасудався, вонь
тутъ нацваю,
Ай падгорная галовка, гдзь ліць тутъ
падзецца?
Як давгадзецца ісонка съ гласцы
апрядзецца!
Як придзю я въ свою хатку, тутъ
ісонцы вярёвка,
А вонь съ панам разбираецца гета
вищь ня ловка...
Пирадзь панам лугоску цыль будзешь
атвязець?
Едзіную маю свінку и тая палезець....
Ай, панорцыкь, буду пазаць, цяпер слае
гарэ,

Сына пасиў (?), сына градзіў цэлы дзень цяжка
А пан мяне пагукаць і сказаць
пакасіць,
Я ідзё хлопцу рулю даць пакасіць
ён прыказаць...

Мяне, панятна, завуць Хведар Аляксандравіч. Тата мой цяжка, тата цяжка хварэла, хата згарэла, і я застаўся адзін, як бязрукі, і ўзяў у Пана-скарб дварэц, цэламу пасціў кані. Зося хадзіла на вячэрні і на прыгон і я, панятна, заехаў, цяжка заехаў... Пан казаў, што мяне ў прыгон аддасць, я спалохаўся, што ў прыгон, а Маці Зосіна Аўдоцця хацела узяць прыгон да дзядзькі, а Зосю аддаць у хату за Рыгора Палішчука; яго Палішчукі ня цяжка празваць, бо ён сядзіць цэлы дзень у Пана за то, што пакрадзе бульбу у Панскага гаспадара.

Лісты 2ш.

Дзукíнся Лаўрýхина, панóсынь, éта и сапáпая и гарбáтая, íсь дáвіцца, пудзíць вáлiцци, а Зося, як сахáрная ягадзíнка. Éта калí быúй нáши разбóйнiкi, тады́ я лíшу Бóську апслýхав, свéцку Богу постáвiв, нiдзех на пíв, на гóв и гакáв на кiрмáшу Зóсю... хапáта Гóсподы, яна́ прышлá на кiрмáш... глáзы загпáканыя... я падашóв къ ей; мы павiтáлiся и яна́ моя́ любýна казáла: не, Хóманька, змiй свякрóвь на возíцць цяпь у прылáки, отдáсь ляне́ и татýля за погáнага Панíцу. Калí я гукáв уъ Зóсяй, зазъерóв гета паганы Панíца, пашóв у палянку и паньскаму канюнагу отсéкъ. За гéта пáнъ на ляне́ усцрцáвъ и хацьвъ атдáць ляне́ у салдáты; а вóпосле змóвiвъ у мiлiцыю и паслáвъ у Слапiéвскую Губéрню... Гéта блiска уъ гóтъ, як я тýта людзю; пан и на горбýнку дáюць, да нiдзех лiнь ни нáда бiць Зóси.

Мýсиць ей сякóйчъ гéта ужсá атдáли за Палíщу. Ай, калíбъ мяне́ гéта пярýнчъ забíвъ, валы́да, я въ́къ мя бýдзивъ гéта свéту босыка, валы́да мяне гéта мáтка ни раждíла, валы́да я гéта въ́къ гарълýки мя пíвъ"....

Сообщеніе Петра Кушина („Гéцкій") Москвитянинъ 1843 г IV № 8 (Витебскій у.)

Могилевская губ.

Мужыкъ и цыганъ.

Падружсыли мужыкъ съ цыганóйчъ и павяли ямы на нашылéчъ свайчъ коній. У цыгана́ быв конь бълый, да дрéнный, а у мужыка гарный, да харошый. Вотъ цыганъ и кажа: май конь бълый усялёка видзиць, а твой ня видзиць, дакъ я буду спать, а ты давясóнь стярéчь коній. Мужыкъ прастярóкъ ночь, падумавъ, што все ямý прыдзицца стярéчь, да и калíнявъ съ цыганóйчъ на кóній, штобъ самамý спать, а цыганъ будя стярéчь кóній. На другíй день взновъ пры-

взяли на нашлеч; лисэсык и каиса: „ну, тяперь табэ, цыганэч, (?) стяречь, тяперь уэсо свой конь бэлый, а твой чорный;" а цыганэ атвичая: „нычь, табэ стяречь, свой конь чорный, дажь свайго ночу ничто ни убача, а твой далёка видиць: якь прыеду у гóдзіч, дажь свайго ни убача, а твайго украдзю." На трэтьюю ночь прывяли яны кóні и украли парасенка. Стала парасенка яны зварыли; тады цыганэч и каиса: „тяперь лясэсык спать и хто луччый сонь убача, тому и парасенак;" лисэсык саглисився. Цыганэч якь леч, дажь и заснув, а лисэсыку ня спицца, яго думки бярут, што ён прамянявь харошага каня на дренага, да ищэ и стяречь нужна. Якь толькі цыганэ заснувь, лисэсык взявь и зъявь парасенка. Прачхнувся цыганэ и начавь расказавать свой сонь: „ишовь я, ишовь, бачу прадралась неба и стаить тамь лясвица; я палязь на той лясвицы и взлязь

на неба, аякъ тамъ сядитъ Богъ-абѣдая; и я съѣвъ уъ Богомъ абѣдать; чаго, чаго я тамъ не ѣвъ! Ѣвъ гусятину, ѣвъ я парасятину"... – „А я бачу, што ты тамъ абѣдаишь," сказавъ мужыкъ, „дайъ я взявъ да и зъѣвъ парасенка." Цыганъ ухватився, да якъ закрычытъ: „а штобъ-жа ты такъ свѣту не видавъ, якъ я уъ Богомъ не бѣдавъ!" На етымъ у ихъ и дружба кончылась.

(Сообщеніе Н. Короленка) Бѣлховскій у. с. Мокрое.

Кіевская губ.

1. Ще щука-рыба не тремця;
Багатый, ненько, не шануя,
А убогый, ненько, не сміе,
Тамъ моя кисонька завіе,
Зовила кисонька, зовила!
Бодай свекровы хата сгорила,
Свекруха пидъ тыномъ сидила.
2. Розсунься, павы,
Хай сядуть бояры:
Кальсоны соколуньки

Як чужої сторононькы.

3. Ой на хаті зимнія (2),
А в хаті вісімнія;
На двері боярє,
Як сами прощитає.

4. Погуляй, Ганочко, в виконце,
Стоїть Іванко, як сонце,
Кінь єго пропав до роси,
Взяв сам молодый - до краси.

5. Старшая дружечко,
Погуляй у виконечко.
Як ще рано,
То ще погуляйемо,
А як уже пізно,
Розійдемось різно.

6. До бору, дружечкы, до бору,
Рубайте сосну здорову,
Несіть єйе до долу,
Поставте єйі на столи,
На білєнькій скатерті.

7. Ой поле, поле гордіво,
Не звоны рано в неділеньку,
Зазвоны рано в суботу,
Потирай дружечкам роботу.

8. Как сяду я, матинко, шить;
Сейчас ко мне дружечки бегут,
Сейчас же и готовы,
Та все и чернобровы,
Сейчас же и плясать начинают
Та все у сапожечках.

с. Дашковка Черкасск. у.

Сообщ. г. Маценко „Этногр. Обозр." 1898. №4, стр. 106

Черниговская губ.

Ой-а матинко, моя матинонько, матинонько моя голубонько, матинонько моя газу-лечко, матинонько моя кабулечко, матинонько моя орлечко (?), матинонько моя соколечко! Кому ось вы мене, моя матинонько, такую нещасливую кругате, на кого ось вы, моя матинонько, теперь мене покидаете! Отцу не-щасну, отцу недолюбну мене, матинонько, покидаете, отцу несосуну, отцу й недоцуну, моя матинонько!.. Брательни мойи соколята. Брательни мойи яснолята, брательни мойи не-голени, брательни мойи не досыть

ой просить же вы своюй матюшки,
просить же вы своюй парадоньки,
а нехай же вам, люйи братики,
и парадоньку дають, нехай же вас
научають, нехай же вас парауня-
ють, люйи братики.... Сестрыци
люйи дзюлькы, сестрыци люйи ка-
вулюки! ой, просить же вы своюй
матюшки на останьноюй дорун-
жеци, и просить же вы, прохайте
и примечайте же вы, люйи сестры-
ци, у своюй матюшки, и познавай-
те йих по похуцоньци и по прыгу-
доньци; и просить же вы, люйи
сестрыци, свою матюшку у гости.
Колы ж'ь нам'ь ёмъ выпсуваты,
колы ж'ь нам'ь ёмъ выдыхаты? Эъ
якойи-ж'ь вас стярунюньки, моя
матюшко, цук якойи ж'ь вас кра-
йинюньки, моя матюшко? Ой пры-
сылайте ж'ь нам'ь парадоньку, моя
матюшко, хоць соловейкомъ, хоць
дзюлюю моя матюшко; нехай же
вонь нам'ь, моя матюшко, и пара-

доньку дають, и розгадоньку, моя ма-
тюнько... Да я ись буду ходыты, да
я ись буду вась, моя матюнько, позы-
вать и вызывать, моя матюнько...
Братику мий голубчыку, братику
мий орлыку, братику мий соко-
лыку! Куда се ись вы идете, куда
се вы отходыте, куда се вы выра-
етесь, куда се вы одбываетесь?.. Ис-
каженить же мыни, озовця ись до мене,
мий братику, хоча ись одным словечколь
на остатньому упрошеню,
мий братику!.. Извинить, мий
братику, извинить мыни, мий со-
колыку! Братику мий голубчыку,
братику мий соколыку, на кого се
вы гнивь положылы? Чы се ись вы
на мене, чы на мою матюнку,
такую недалугу, чы на мою матю-
нку, такую недосугу, чы се ись вы
на свого батюнка, такого нещасли-
вого, чы на свойих братикив таким
нещасливым, чы на старшого, чы на
пудстаршого.....

(Ныжинский у. гр. Мрин. Этногр. Об. 1898. № 4. Сообщ. г. Маслинки)

Харьковская губ.

У одного пана жывъ работныкъ, звалы Фанасомъ, и буръ винъ здорово бидовый на всяки штуки. Отъ панъ и каже ёму: „Слухай, Фанасъ, якъ шо зумиешъ ты украсти у мене самого лучшого барана, тако дамъ тоби 20 рублив, а якъ не вкрадешъ, — голову зниму!" Пишовъ Фанасъ на степъ, де дидъ та баба паслы овець, зайшовъ наперед, роззувъ одну ногу и бросывъ чобитъ, а самъ заховався, та и дывыться ця. Найшла баба чобитъ, узяла го и каже дидови: „Старый, я чобитъ найшла." — „Та брось его, стара, може винъ на поросту брошеный." Взяла бросыла. Гонячы овець дальше, Фанасъ узявъ тоi чобитъ, зайшовъ наперед и вбыть полонысивъ его, а самъ заховався. На цей разъ дидъ найшовъ чобитъ, узявъ та и каже: „Стара!

я найшов другой годить, отъ было-бъ того не бросать!" — „Ходимъ, дяду, та найдемъ его!" сказала баба. Вони пишлы шукать (?), а Фанасъ напывъ барань и повивъ додому. Узнавъ панъ, подаривъ Фанасу 20 руб. и каже: „Теперь, Фанасъ, украдь у мене самого лучшого вола, так щоб висимдесять рублив, а як не вкрадешь, — голову зниму!" Фанасъ уловывъ индычку, пишовъ у лисъ, де орялы пановы робыли, оскубъ їи всю, крим одного хвоста, и пустывъ изъ лиса. Орлы подумалы индычку, бросылы волива и почалысь за нею въ лисъ. Фанасъ узявъ вола и повивъ додому. Панъ похвалывъ его, давъ 80 руб. и каже: „Якъ украдешь, Фанасъ, самого любымого мого коня, щоб тоби за це увисти рублив, а як не зумиешь украсты, так голову зниму!" Теперь панъ прыказавъ трем работныкамъ день и ничь берегты коня; одынъ сивъ на коня верхомъ, дру-

гый сивъ въ ясляхъ и взявъ его за вузду́, а третій державъ коня за хвостъ. Фанасъ купивъ видро воды, вилывъ ёи въ баклагъ, пишо́въ до сторожи́въ и кансе: Хлопци! моясе вамъ воды треба?" На́те, — ось я прынысь!" Оддавъ баклагъ, а самъ пишовъ одъ ныхъ. Сторожи попробувалы, — водка въ баклази, началы ёи пыть и похвалывалысь. Хочу прыйшовъ Фанасъ, знявъ пьяного сторожа съ коня и посадывъ на перево́дыну верхомъ; тому шо державъ вузду́, давъ въ руцы кусокъ хлі́ба, а державшому за хвистъ давъ пучокъ конопе́ль. Самъ же взявъ коня и повивъ додому. Вдосвита сторожи прочумалысь, та одынъ и пытае: "Ты сидышъ на коні?" — Сыджу!" — "А ты держышъ за хвистъ?" — Держу!" — "А я держу за вузду." Колы дальше кынулысь, анъ хлі́ба, — нема коня! И одынъ сидыть на перевоздыни, а два держуть въ рукахъ хлі́бо и конопли. Узнавъ панъ, похвалывъ

Фанаса за удалость и отдавъ ёму обѣщаны 200 руб., а сторожевъ наказавъ ризкáлы.

С. Никольское Старобѣльск. у. „Харьковскій Сборникъ" Харьковъ 1894 г.

Чоловíкъ волгае, а жэнды свыни жэнуть. Взявъ вин тай укравъ у нихъ порóсей; тильки ставъ ёго ризать, побíгла зглядалась, тай побíгла до дóму. Дуликавъ, дуликавъ вин, взявъ звязавъ долíсята оглóблю, сивъ и спускáеться уъ горы. Жэнды побáчилы, що повóзка иде сама безъ коня прышлы до ёго, тай кажуть: „скильки твоя повóзка стое?" А вин каже: „мирку зóлота." Отдалы жэнды мирку золота, сивлы на повозку и пишлы. Повозка, як зъихала уъ горы, стала, а жэнды, посердывшись, пишлы, щоб того чоловика убыты. Прышлы до ёго, а вин дома лэжыть на лáвци и прытворывся що вмэръ. Жэнды

подывíлись тай кажуть: „догадався
що вмерь". Жинка того головника
взяла качалку, показала їм жидам
тай каже: „це нічого, у нась є така
качалка, що ять ударыть, так оксы-
ве, и тыженько ударыла головника
по животí, а вінь взявь тай схватив-
ся — неначе оксыв. Жиды подывова-
лысь на качалку и началы просыты,
щобь вінь їм продавь. Купылы жы-
ды и качалку за симску золота.
Через скилькось время захворавь одынь
жыдь и вмерь. Жиды началы бить
єго качалкою, щобь вінь оксывь, по-
былы всего, а вінь не оксыва....

(С. Свято-Дмитрівка. Старобільск. у.)
„Харьковскій Сборникъ" Харьковъ 1894.

Люблинская губ.

Была одна мачка, мала тры цурки; две любила барзо и кохала, а трэцюю ненавидила, одпэндзала, одганяла; що она є тшымала пощаловацъ въ рэнкэ по снядано або по

объдзъ, то ё одпихала одъ себе; такъ
юнсь ненавидила и нетэрпила, жэ
юнсь разъ повтуздяла: юнсь ё забійце,
а нехъ я юнсь йи не вшудэ и казали
йи собщинаць обърэнцэ, ажъ пуки о, по
локоть и выйнць йи сэрцэ. Такъ
цурсь! ни! юнсь ё вдеми! Вгоды она
та цурка се проси, але цурсь, кеды
матка казила, то и общеше йи объ
рэнцэ и хцели выйнць сэрцэ; такъ
она знову се проси: „а нехъ я юнсь
хоць калико ходзэ по сьвицу, а нехъ
жые, не выйлупце ми сэрци!" Такъ
якось се йи зомиловали, та подвинали
ли йи тэ кокетки ыматками
и пусьцили; а вшеки зъ суки сэрцэ и
тэ две общенте рэнцэ вдеми и пшодъ
матка занесьли то вшыско.
А та цурка тымчасом пошла со-
ё дрогу и плакала, и узяла трэх
зъ дроги въ бокъ, въ кшаки, такъ, бид-
на, ажъ ту дрогу еще пань хтэрэла
коньми и зъ локасем. Патшы, ма-
жы кшаки, а такъ се цось смига,

цы хлеба цось видаць! Так вела на локайи: „идзено сбеч цо то такего?" Локай идзе, патшы и мувi, цо то пана пыта, рэнцэла подвинала и крэв се так лейе! так пан казаль ё взёнць и всадзиць до себе на повуз, патшы: сьлична панна и взёнь ё до себе до палацу и так зара ги дали доктары руских масыци, и выгоили ги то рэнцэ, и так се выгоила, же пана сьликоносыци была, ино на нё патшыць, аиси се вшыцы дзивовали, и пан се зь нё оженiл.

Раз, была соби въ сэли мати можы домалы, мяжы стодолами и мала завды ино йисты; але раз пошла до лиса, одвидаты свою сэстру, такую мати лисовэю; так тамтая каже: „ото тоби мусишь дать добрэ бутэ и сэли, мати завды

*) Л – мягкое

що йисты и збижся и се"ръ(!) и лесо, а я тутъ не"маю що корине, ho!" — „Но, то прыйдыйся тайъ до мэнэ до се"ла, то я тоби вся покажу що я маю за комору; алы токойсь шэ е въ нась такый кутъ, що нась словдае!" — „А яхожъ то словдае?" — „А но, прыйдыйсь, а побачышъ, яйсь словдае, тахъ сдуреть, а пап"ера мурмотать и словдае нась, но побачышъ сама!"

Тахъ тая лисовая мышъ, вйся ею кортыть (?) яйъ то копъ тайъ словдае, идэ зъ ною, зъ тою сильською до халупы и йисыдь тайъ, и пьешо (?) иноxоря, тайта ею прыймае; алы вона такы хоря конячня кота побачыты яхъ вунъ словдае. Тахъ тая долапшая кэжэ ей: „отъ, бачъ, тайъ о сдуреть соби кутъ," а тая: „а дэжъ? дэжъ? нэ бачу!" но и высунулася изъ ямы, а кутъ махъ! и зглапавъ ею! отъ тахэ мамъ, отъ яхъ словдае, отто ею вся высловдавъ и на смэрть!...

Лисъ 3ій

Мала соби баба хвопця; бідна була. Той хвопець мавъ сімъ літъ. Отъ вона захтіла єго оддаты до науки и пошла зъ ныміъ въ дорогу. Ишла, ишла вона и сила соби на камінёвы, такому высокому; и тамъ прийшоль до ней такей панъ. Вона стала ся єго пытаты, узбы свого хвопця отдаты до науки. Вінъ ей сказавъ, жэбъ вона єго отдала до нёго до науки и жэбъ прышла за ныміъ бэзъ сімъ літъ на тое самое мисця, и якъ позная свого сына, то возьме соби, а якъ на позная, то вінъ ця въ нёго останэться на сімъ літъ; а якъ въ другій и въ трэтій разъ на позная, то вінъ въ нёго останэться назавсэгда. Той панъ, якъ тое сказавъ, то пропавъ зъ ей сонаць, а вона пошла до дому. Бэзъ сімъ літъ вона прышла на тое самое мисця, и до ней прилэтило сімъ пчіль; а той панъ такъ высся був. Якъ вона прышла, то ідна съ тыхъ

пчиль бзнхнула ей кого уха. Той
пань сказавъ ей: „выбырай собе съ тыхъ
сэсти, который твій сынъ." Но вона
не могла познаты свого сына. Подыв-
вылася, подывылася баба и пошла
до дому, а той пань сказавъ ей,
щобъ бзъ сиси слизъ прыйшла
зновэнькай на тое мисцэ. Якъ
вона прышла, то прылэтило до
ней сиси голубивъ, и той пань прый-
шовъ и сказавъ ей: „выбырай собе сво-
го сына." Якъ винъ тое сказавъ, то
цзэнь голубь подкрадався ногамо по
посови. Вона зновэнькай не познала
свого сына, и тыи голуби полэ-
тилы, а той пань сказавъ ей: „при-
ходы бзъ сиси слизъ зновэнькай, и
якъ вжэ тэпэръ не познаешъ свого
сына, то винъ вжэ мій будэ." Вона
гиорно зажурылася, заплакала и пошла
до дому. Якъ прышло тыи сиси
слизъ, вона прышла на тое мисц-
цэ, и тамъ уявылося ей сиси ка-
ный, такехъ хорошихъ, и цзэнь кинь

спала ногою дрягаты по земли, и тэпэръ вона пойимала, що то ей сынъ, показала на нёго и взяла соби и повэла за обротку до дому. Якъ вона одвэла ёго отъ того мисця, то винъ пэрэкинувся въ головика, и вона зара позналa свого сына. Правда, винъ зломывся, бо вона ёго на бачила двайцять цэлэ рикъ, и винъ признався до свои матэри.....

(Хойнск. у. д. Гнёшевъ. „Звуков. и формальн. особенности говор. Хойнск. Руси". В. Шимановскаго. Варшава 1897 г.

Хойнъский округъ

Шэсь вода зъ Нузэрова, тэсь вода зъ тыкси, —

то хто ны буў нузэровый, то ны знае лэха. x)

Та хто ны буў нузэровый, на танцуимъ

---

x) л звучитъ полумягко; въ окончаніяхъ лы произносится почти мягко: „прыимлы" почти какъ „прыимли".

обиги,
то ны знае ни слыхае книжонькой биды.
Ишэ Сава дорогою, кинь си попыкае;
а синь конь напечковь, не хаи (?) поступае.
Па блыжсыть си, пани Сава на свое подви-
ри (?)
пыпае си челядочки: шо си гіе въ двори.
Караздь, добрэ, пани Саво, шчисливэ
подына,
въ нашимь дворы, въ вашимь доми
стала си новына.
Въ вашимь доми, въ нашимь дворы
стала си новына:
наши пани, ваши жона породыла сына.
Сказавь кони въ стайно взеты, да вивса
му даты,
й-а самь пишоў до свитлыци
лыскичко пысаты.
Сидыть Сава конець стола сриблы
лыски пыше,
й-а Савыха молодэнька дытыну
колышэ.
Пиды ко мы малый хлопчэ, та-вто-
чы корицьку,

най си напью до здоровы до своей жинки.
Пиды ко мы малый хлопчэ, та втопчы
мы пывa
най си напью до здоровы до своего сына.
Вй пишоў малый хлопець пива на-
сыпаты,
та статы си найдамахы у виконци
драты.
Пишоў хлопець до коморы ны гйшоў
пывныци,
наскакалы найдамахы виконци до
свитлыци.
Вэчир добрый! паны Сабо, як-жэ ты
си маешь?
вэлыки-жэ ты носки маешь, чымчь
гимх прывытаешь?
Выпаў-бымчь Васьмздоль, выпаў,
чы схочэ пыты.
выпаў-бымь вась срибрэчь, зологэчь,
чы схочэ вэты?
Мы ны прыйшлы, паны Сабо, выно твое
пыты,
аля-мчь прыйшлы, паны Сабо, жынке твое
вэты.

Мы ны прыйшлы, паны Сабо, срибго-й
золото браты,
й-алэ-мы прыйшлы, паны Сабо, половку
ты скяты.
Ї-алэ-мы прыйшлы, паны Сабо, половку
ты скяты,
й-алэ хочем на подсини, бугем си-смя-
хаты.
Па пустый си, паны Сава до ясной
мочи,
й-а вны Саву на тры списи попидъ би-
ли плечы.
Па пустый си, паны Сава до ясной
здрайи,
й-а вны Саву на тры списи тай пид-
нэсли с'hорй.
Па играты паны Сава нова писоляточко,
й-а вны Саву на тры списи тай пид-
нэсли швыдко(?).
Па Савыска молодынька выкнола
укликала,
на служэницу вирнозэньку зъ тыха
покликала.
Па служэниця вирнозэнька, подай мы

дитыну,
будэшъ маты выдъ мэнэ ласку потый
ны заплачу....

(дер. Испасъ, Мышинъ. Рокиси. Obraz etnograficzny zebrał Oscar Kolberg. Kraków, 1883.

Гой цы такъ тэпэръ, — якъ було здавна,
гой дай Боже!
Якъ було здавна, й-а въ церковыка.
Колы ксыдовэ — Хрыста спиймалы,
Хрыста спиймалы, — Хрыста мучылы,
Хрыста мучылы — на хрэсть розпялы,
Пай окснинкою — вкорызовалы,
Всекэ дэрэвцэ — за ныжки пхалы.
Всекэ дэрэвцэ — за ныжки ны тшымо,
За ныжки ны тшымо, — бо си боямо,
Бо си боямо, пай си соромамо.
Проклята-жэ ыва, — симсотъ дзвиныка,
Симсотъ дзвиныка, — за ныжки тшымо,
За ныжки тшымо, — крайцю пустыма,
Крайцю пустыма, крайцю цямпала.
Дэ крайце цямпэ — це ружце стане,
Церковце стане, — въ пекла вархалы,
Въ пекла вархалы, — въ трэйца вихналы.

Одно виконця, — ни сходить сонця,
Въ друге виконця — въ полудня сонця,
Въ трэте виконця, — заходить сонця.
Й-а въ ки(?)узор'ковцы — три крови лэже,
Й-а въ одней кроби, — сывета Елэна,
Й-а въ другей кроби, — сывета Прыцыста,
Й-а въ трэтей кроби, — Сусъ Христосъ слэжыть.

Надъ Елэною, — вирвани крають,
Надъ Прыцыстою, — хорвыми сливають,
Надъ Сусом Христом, — вiросла рожи.
Й-а уъ тэй рожи, — вiлэчку пташочъ,
Та полэтку вiнь, — попидъ небэса,
Ему небэса, — розтворылы си,
Ему сывыки, — покегонылы си,
Ны есть то пташокъ, — есть-то Сынъ Божый,
Шо по всiм сывiки — людый розлiтаюсь,
Най бувай здоровъ — господарочку,
Най здоровъ, здоровъ, — най ны сам собовъ,
Най ны сам собовъ — й-а уъ газдыночковъ,
Й-а уъ газдыночковъ — най уъ чолядочковъ.
Дай-тэжъ вам Боже — шчиске здоровье,
Шчискенько на двiръ — для худобочки,
Здоровенько въ гiлъ — для чолядочки,

Для худобочки – для роховой,
Для голядочки – для договой.
Дайсохсь вамъ Бохсэ – въ короли зэло,
Въ короли зэло, – въ хаки всэло,
Въ короли зимѣ – въ хаки всимѣ.....
(дер. Испасъ. Россіа. Obraz etnograficzny
skreślił. Oscar Kolberg. Krakow, 1883)

Спишская Сталица.

Чортовы запысавъ ся и до пэкла
дыставъ ся.

Былъ гыдзинъ хлопэць худобный, прэ-
грозни гия радъ ґуцымъ, алэ пынязы
на мялъ. Радъ собѣ замыслилъ: Ны-
бы лэбы дяблу далъ пынязы, жэбы
лэбы пыльда съ кышэни на выпэлы и дуканъ
съ пыпкы, пальонка съ фрелячкы, ажэбы лэ
зсылъ сэдэмдзесять рокъ, та былъ
далъ свою душу за то дяблови! Зарадъ
дяблу тамъ сія сталъ. Квапытъ: Штось
квапытъ тэрадъ. Бо я дяблу, што
зсядашъ. Но та зробимы контрахъ на
сэдэмдзесять рокъ: цыпко ты
далъ, што зсядашъ, якбысъ квапылъ.

Зробыўы контрахъ и потпысалъ сія. Пыйдя до школы, пыняўы ма кўпу, дарўпы пыняўы, кышéни пóўны ўзясе. Учитъ гія дóбрўы, Бóна просыўъ. Разъ записалъ: Дэ́ суть худóбни ўйты, хелóпци, жебы ўшíйтцы гія сходзыўы къ нэлудо свўыта аось. А вынъ далъ селўынáрўыо выставíйтцы за тóты пыняўы. Прэфесóрўы трўысмалъ тымъ ўйтéнъ, досыць. На тымъ смалъ трўысто хелáпцыў у школи, на кóнцы ўшíйткымъ трўысмалъ, одíпъ тысмъ дáвалъ, ўшíйтко, што трэ́ба. А вынъ зостáлъ за ўдырэктóра. Хóдя а наказўыўы тымъ ўйтéнъ, жебы Бóна просыўы, зе вынъ гімъ óтпысь ўшíйткымъ.

— Узясь шездзéсять ўдзéсять рóкіў смалъ, ня смалъ гдзе рокъ пейтўы. Дзэ и тотъ рокъ хóрый былъ. А тотъ дзябоў, што гія му потпысалъ, тотъ узясь до цэ́рквы ходзыўъ съ тысма шпацырнайўы ў постанўы йіго. Прыйдя съ цэ́рквы хелóпець ку нэлу кварўыть: „Панъ ўдырэктóръ, ямъ мы

красьнн ў цэ́ркви слухаесь Бо́ку, а бы́ нашь нэ́ пръ́ыпаводаёць. — Выйць ква-
рэ́ыць: „Ой, мой се́ку, то́ урсь нэ́ я, бо́ то
дзябо́ль таш на ны́сця ла́ны; а́лэ вы́
но ўшы́ты нэ́ слухайть, нэ́шь як са-
мы́ найлы́пшы зна́ть, як я вас ўчыў,
так Бо́ка хва́лыць!" — На дру́гый дзень
тоць рано́вы́ць тышь студэ́нтыль,
эсе́ то ды́рэ́ктор нэ́ тоць, бо́ в ны́нь хо́-
рый а́лэ ў посна́ты ды́рэ́кто́ра ёсць
дзябо́ль, што́ му ды́рэ́ктор ко́нтрах
до со́бэ дась. Пы́дуть на́задь ку хоро́му
и про́ять ня́-но, ны́ бы дайць нэ́ сло-
вы́ Бо́ка упрасы́ты, эсе́бы тыло бы-
ло дзябло́во, а ду́шы бо́ська.
Вы́нь по́вы́ль, эсе то сло́нь; а Бо́нь вам
сэ́ль дась знак. То́рась ны́ць таш
на тоту дру́ку, у як(?) дзябло́ль
ко́нтрах роблы́ль. — Пы́дэ ны́дэнь, во́зьмя
со́бы ля́ньтыр вы́на и бы́блію и гнва́-
ну кры́ду таш ла́кы́ць ня́ лодзы́ты
трэ́вожны́. И опы́сась ня́ кры́дзяль,
эсе́бы ку ня́ну дзябо́ль нэ́ сло́ў пры́ты.
Таш а́лэ пры́шоль о́тэць ны́но ко́ртый

ужь дáуно ґулáрь, прьíшла спáтьы
гíлко, хтячь роспрадáтьы ўь нем, вьíнь ку нькóму, ку ктядюму сíлы слово. Прьíшлы грóфы, барóны, панóвя, попы, цьыгáны, якы дьíлы на совьíти, и ктядь Ицьык ўь Англьíи, жéбы гíлем дать ключик отъ пóкла. Але вьíнь нé дать. Прапрьíпалъ тíлко цьíлу нóць, але гíя напрáвил и лóдлил гíя цьíлу нóць тáлюк, тáлцюдь. И прьíшол тот дьырэктóрь сам: „Но, квáрьыть, сíну мой, та ужь гíлсь докóнчил?“ — Слáва Бóгу ужь. — Дáй же мы ключик! — А то ужь бíло рáно. Дáлы му ключик. Нé дал, же́ то дядал, а то бил дядол. Дáл му ключик и дядол одóрвал му пóлцюдь. Прьíдя назадь дóму ку тóму старóму дьырэктóрóвы, што прьíсто стуўзитьы за дядóльскы тынязы выучил. Но, сíну, квáрьыть дьырэктóрь, сíну, слáва Бóгу, што пáлцюдь то нь бил, про то можем ктíтьы, а тéпадь мóя дачка йдет

ту до хи́жи, а кыдь найдя́тъ холо́ть
йи́дуть па́лець зъ ли́ва, та эсе́бысто
тру́гу так дя́ты зробы́ты, як
кыдь бывъ ца́ркым чоловік бывъ, бо
дя́ды ци́тко ли́ты тило возять,
а́ле душа ли́ва и ци́ткым вась — бу-
дя́ть тя называ́ты сватя́ма. Як
будя́ть по́хрыбъ, будя́тя ны сыпыва́ты,
эсе́бысь тоту Бы́блію прынюсь, с
ко́трой ся у ночи чи́тавъ, та будя́тя
выйи́ты, эсе зы дя́ды ли́во душу
во́зять, зы а́нгелы до нэ́ба: Прый-
дуть так два чорны карва́ны и
два голубы и ко́трыбы будуть тя бы-
ты. Та кыдь голубы выкра́ють ли́ву
ду́шу и вась, та голубы за́трусять
тоту Бы́блію, а кыдь карва́ны так у-
то́пчуть ны ци́тко у пэ́кли. Прый-
шлы два карва́ны и два голубы
и лапы́лы тя бы́ты, а́ле голубы
сы́краты, а то бы́лы а́нгелы. И на
утрышний дэнь пачу́ють, кыдь не поцы-
ра́ты, а цы́ло похрэ́бы, а ду́ша
пы́шла до нэ́ба ку прэстолу Бо́го-

да. Бо́ка Ису́са Хри́ста Сы́на Бо́жого на в'і́чний отпочи́вок, де Авраам, Исаак и Якоў и ўсіко сыно́ў Якововы, таки шя ся ни́ма вобо́гнить. А то акура́тна пра́ўда, из цыга́нство. (Село Лётиманова.) Записки Наукового Товарыства імени Шевченка.

Воронгово Ямбарская столица.

Воякь и царь.

Де була де не була разь вадáска[x]) ўнуна́. Та на тоў вадáску и чи́сарь були прыйшлы́. Тоты́ шчо(?) тоў вадáскоў комындырувáлы, росстаўлялы гаўўў усіх, але ніхто ны знаў, жеи чи́сарь були на вадáсыци, бо оны ў в'і́ннакулях[xx]) гіáтю[xxx]) були, ў ягырськулях[xxxx]) ярь усі, ны чисáрьськуих. И так ся ўúсы запрáчаюю ў лі́сы(?),

---

x) охота

xx) другой, иной

xxx) одежда

xxxx) охотничий

ясы ны могёлы чёсарь потрáфиты
тóй путёй за дрýгыма панóма. Тай
уж ёдныясь опúтыташёсь[1] остáлы,
та пушлú бúньшыма путёсь. Тош
шлы, шлы лисóма, шлú, зай-
шлú далéко ў гёрпъ лисú и тамъ
нучь шлъ постóйла. Алы ясы ў въёдш-
лы ушú ў гёдныёмъ лúсти съвúтло,
ушы дýмалы, ясы то шлъ панóвы,
вадáска. Ушú прúшлú тамъ, а то
ясывáны[2], дванáцять шлъ. И тамъ ўсэ
вúдлы, ясы то ньшчáсьтя, ясы ны
нóдни ўтóчú, тай остáлы ся тамъ.
Кáжуть шлъ ясывáны: Што вы ту
лягáйты ў нась? Ай вúдять ясы-
вáны, ясы ў ньшъ пушкú[3] на плéчох
ў обúдвух.
Та ны забугýлы, чóсьны людú. И
тамъ ясывáны шлъ кáжуть: Вы
ту обúдвоёмъ нóловы полóжыть.

---

1) засúгувсонны воинъ
2) разбóйнúкы
3) рушкая

Па за чго? Мы вамъ нічь (?) ны вінны.

Па ўмѣстка гайдно, бо вы за насъ повѣсіцъ, та сны прападзіць. Мы бы васъ ўпусцілы, алы вы бы сказалі за насъ, та нам бы сьмярць бўла.

Вѣлы ішлъ до хыжы обыдвух, замкнўлі ішлъ ў хыжы и почялы ішлі судзіты сьмярць. И дўмаць собѣ чісарь изъ англійцько вадь изъ прўсько краю: Ны мушъ я жыты, якъ такъ ляжы жывананы ўмыраты?

Алы жывані ся найшлы, напѣлы, жыбы мялы чіжшу смуць, жыбы ны сановалы чоловѣка, жыбы постѣпналі. И пасы ішлі тоўчъ опшѣтоўчъ: Вы знайшлы вы по ладярську вѣно пѣты?

А уны кансуть: Мы нічъ.

Но, та я васъ наўчю, кыдь ны знайшлы; будзѣ вамъ хоснаво ижъ доки будзіць жыты.

Роскажаў напастны огня, напялѣты котѣлъ вѣна, обы кыпѣло тото вѣно, а ішлі роскажаў стяты ў ка-

рый[1] усіми дванацятьма оскубаюць. Як ся вино роскыпьло, та ўзяў у обі́ рукы кутлыкъ[x] и увупіў сьміхы ных и кварыть: Добрі́ позырайтэ, як но вы́пьло.

А уны́ ачі повыбаловалы на нёго, а за сёбе забулы сами́й. А вунь рась ся так обырнёў и заляў ўшыткых ачы. Тоды попадалы по зэмлі усі дванацять. Коды ўжэ ошыткых тёму яровы, нэ дуй гісарь, жэбы сёбто халяў а рубаў бо́ловы нэ бачыць. Аны эсы гісарь ны бырова́лы[xx] рубаць, бо у страхў бу́лы, а тоты ўзялы сёбто ўсь гісарьо и поуттынаў[xxx] дубальо́мы бо́ловы. Як то остатньо ўжэ спаў, а гісарь тоды́ бэсіду́ють: Дальо́ сьто́ гнить, квы́рыть, дэ́ўка. А вунь ся и нэ кывнэ! Ну, ўжэ ся

1) парре́

x) котелок

xx) мочь, силы

xxx) отрубить

2) бъясать

ўшы́тко добрі́ спо́йнаго; тыпе́рь дай Бо́жь дзень, забра́лы ся та йдуть вонч ўтіпаны путе́лч на орса́чь[1] (г.) Якь ўшылы, та чі́сарь собы дому пушылы́, ўтпы было, а о́пшытошчь собы́, ялчь ся попросылы тому́ опшытошовы, якь прі́узвошчы лайы. Тотъ сказа́ў.

Такъ да ў йодно́м сы́сячь прышло́ пысьмо́ унч чі́сарыя до тоно опшы́тоша, обы унч ся поста́вшў пы́рпыч чі́сарыя. Унч ся запудаў, ясы шчо ся тако́но ста́то на не́го, шчо ся нысподива́ў; а́лы пушо́ў.

Кшть прышо́ў прыпч чі́сарыя и бэсіду́ють е́му чі́сарь: Цы спо́знаў бы ты тоно па́на, гчось изъ нымч на ваўасыци бу́ў?

Лэхко́ быпч спо́знаў, кы́ль-быпч увы́дшў! А вунч нвары́ть и ны спо́знайы. Чі́сарь пушы́ў удъ не́го гэпч и убрали ся у тото́, шчо тонды́ булы, таў

---

1) край, дорога

бѣды такихъ прытнѣло̀ у ягѣрськуѣ
шáтно, цы спóзнайы.
Якъ стáлы ў ґлúду[1], тай спóзнаў. Чи-
сарь тодѣ бисидúуть ёлúў, якъ спóзнаў:
Та я товáрышъ тобѣ буў, колы по ма-
дя́рськы мы якъ жывáналы вúно пылы.

Вурк ся тодѣ напúдыў, ясы дáшчо,
пúдло[x] вúрѣжъ тодѣ, якъ ў бáрáтоўствѣ
булы, та пэрэпросúў сыпрэ́жно, бо
ны знаў, съ кымъ говорúў. Чúсарь
ёлúў подя́кувалы[xx] за жывóтъ бо булы
бы тодѣ пропáлы: За тотó бу-
дúчъ дзúкы кóло лэ́ны на вѣ́ры,
ясысь мы дарувáў живóтá! Тай
шчэ дзясь жúлы, кыдь мы улю́ръ.

Стнóґ рафічнúй зóірнúкъ видае Нáуко-
ве Товáрыство Тэ́ны Шевченко т. III.
У Львови 1897.

---

[1]) рядъ
[x]) дурно
[xx]) поблагодарить

Шевченко.

На-що мені чорні брови?
На-що карі очі?
На-що літа молодії,
Веселі, дівочі?
Літа мої молодії
Марно пропадають,
Очі плачуть, чорні брови
Од вітру линяють.
Серце в'яне, нудить світом,
Як тичина без води.
На-що-ж мені краса моя?
Коли нема долі?
Тяжко мені сиротою
На сім світі жити:
Свої люде — як чужії,
Ніс кому говорити;
Нема кому розпитати,
Чого плачуть очі?
Нема кому розказати,
Чого серце хоче.
Чого серце, як голубка,
День і ніч воркує?
Ніхто того не питав,

Не знаю, не чую.
Чужі люде не спитають,
Та й на-що питати.
Нехай плаче сиротина,
Нехай літа тратить.
Плач же, серце, плачте очі!
Поки не заснули,
Голосніше, жалібніше,
Щоб вітри почули,
Щоб понесли будь-несенькі
За синє море,
Чорнявому, зрадливому
На чужу горе!

Минають дні, минають ночі, —
Минає літо; шелестить
Пожовкле листя... гаснуть очі;
Заснули думи, серце спить;
І все заснуло, — і не знаю,
Чи я живу, чи доживаю,
Чи так по світу волочусь,
Бо все й не плачу, и не сьміюсь...

Доле! де ти. Доле! де ти.

— Нема ніякої!
Коли доброї жалі, Боже!
То дай злої, злої!
Не дай спати ходячому,
Серцем замірати,
І гнилою колодою
По світу валятись;
А дай жити — серцем жити
І Тебе хвалити,
І Твій світ нерукотворний
І людей любити...
Страшно впасти у кайдани,
Умірать в неволі;
А ще гірше — спати, спати,
І спати на волі,
І заснути на вік-віки,
І сліду не кинуть
Ніякого!.. однаково —
Чи жив, чи загинув....
Доле! де ти? доле! де ти?
Нема ніякої!
Коли доброї жалі, Боже!
То дай злої, злої!...

До сестри.

Не питай ти моїх пісень,
Сестро моя мила!
Цур їм! вони сумні-смутні,
Мов тая могила.

На що слухать, як на хресті
Пугач завиває,
Коли в саду соловейко
Весело співає.

Нам с тобою, моя сестро,
Не ходити в парі!
Твоє сонце світить ясно,
Моє-ж давно в хмарі.

Нехай твої квіти квітнять
На твоїй дорозі!
Нехай твою минуть весну
Вітри та морози!

Нехай доля, що з-малечку
Мене не злюбила,
Тебе щиро привітає,
Сестро моя мила!...

Эрыцько Основьяненко.

(Здесь не ставилось (тяжелое) которое у Потебни означает главное ударение фразы)

Смутный и невеселый сидíвъ у свитлúци на лáвци Конотóпський пан сóтныкъ, Мыкúта Глáсовичъ Забрёха, а объ чúмъ вин суповáвъ, мы вже знáемо... Эге! та незовсíмъ: хыбá бы недáсть нам тóвку отсéй, що лíзе у свитлúцю до пáна сóтныка? А хто-жъ-то лíзе? Що-жъ се вин тáкъ тамъ морудúстця? То питáнётця у увéри, та й назáдъ пáшов. От-та хворостúна, що несé у рукáхъ, та ёго знáй: колú дéржыть ій попéредъ сéбе, то тúлки ще нúсь у увéри тúне, а вже хворостúна и обпирáлась объ уголъ; колú-жъ ій волочé за собóю, то зовсíмъ увíйде у свитлúцю, а вонá за нúмъ волочúтця, и чипля ёго, як та варлúва зúнка за пúяну цею мужыкóмъ; у пóперекъ-же и

некакси ій вскрутны у свитлицю бо крипко дівча булó. Лізе-то не хто, як Прокипь Григорівичь Пистряк, сотенный Конотопскый писарь и щырый прыятель пана сотныка Конотопского, Михайлы Ілясовича Забрёхы, бо вин безь нёго ни чарки горилкы, ни ложки борщу до рота не пиднесé.... Що-жь то вин за хворостыну пре у свитлицю до пана сотныка. Алé! хучче усего посмухаймо, як и объ чимь вони собі будуть розмовляты, то тогдi усé зналеземо...

Одже-то як пань сотныкя дачь, що пань писарь невлизе у ёго свитлыцю за тою довгою хворостыною, тай пыта: „Що-то вы пане писарю, якого чорта до мене у свитлыцю прете?“

— Та сé, добродію, говорить объ сотенныхь народосчысленыи, въ наличности предстоячыхъ по чановенью бачыму, та-бодай вин сокрушывся въ прахъ и пепель! — невстыдились

есть въ чертѣ вашъ. Подобаетъ, або стѣну прятяты, або стѣсю пидняты, бо невѣдому до вашои. вельможности! сказавъ Пистряякъ, та и почавъ здоба возытысь съ тою хворостыною.

„Що-жъ-то за хлопъ такий дѣвый". Хворостына-жъ ёму, слабуть, здалысь хвостъ, чы що?

—Хворостына сія, хоча есть и хворостына, но вная не суть уже хворостына, понѣже бо суть на ній вписстѣлище душъ козацькыхъ прехвабрыи сотни Конотопскои, за ненахождѣнемъ(.) тысательнаго существа и трепетаючемъ десныци и кѣрно гнѣщи." Отъ такъ вгусѣпавъ нашъ Пистряякъ.

—„Та кажѣте менѣ по-простѣ, пане писарю! О, вже менѣ те письмо остыло та опогано, що ничого и невтерпаю, що вы кажете-говорыте. Тутъ и безъ васъ нудьга узяла, и печинки до серця, такъ и чую, якъ тыступаютъ, сказавъ нашъ сотникъ, та и здыгывсь на-руку, та трохи(.)

такый, чы й непустáвъ слизоточь пáры — другои.... —„Гóре ляхи, пáне сóтныку! казавъ Пистрячь... Сé внезáпная вíсть потрясé мою внýтренную утрóбу, а пáче и пáче, егда прочтóхъ и урáдумíвся повелíнные мáлостывого нáчальства збирáтися у похóдъ аись до Чернíгова..."

Погýхавъ гóлову пан Улáсовичъ, дóвго думавъ, удáли й кáже: „Сé-бъ-то, по нашому, перегóлитыся хворостúну; пан ты-бо кáжешъ, що сé вже не хворостúна а лéпортъ объ нашíй сóтни, так щобъ чáсомъ небулó кáтрусам вид стáрыхъ; бо и сам — зуорóвъ знáешъ, що пан полковúй мúсирь щось до нас добирáється и так и пидглядá, щобъ злóкрыхъ рядкáмъ на насъ напастú."

— Неубóйсяся, неустрашúмся супостáта до усéю "его" вражéдною сúлою. Сего рáди довлíетъ нам прочитавъ "его" бýты мýдрымъ и сíе послúдуючее речéнное предписáные неустрáшно

упо́ялыты, и того́-ульо́ повели́, вельмо́жный па́не, да сокруши́ сію́ пальцю́. Тамъ, покру́чувавшы у́сы и о́чи у стелю́ утопи́рившы, казавъ панъ Пистря́къ, а дали ба́чить, що панъ Мыкы́та ёму ни па́ры зъ уста́, бо й до́се ще невторо́пався, що той ёму ка́же, та й зрыкнувъ: „Тамъ лайда́ры."

„Та лайда́й, па́не пи́сарю!"

Хрусь! Панъ пи́сарь и перелетиві въ хворости́ну. „Прелагодимся," каже, „и се пи́ри любу́ю вмести́мся въ черта́ктви." Та се́е ка́ганчык и улизъ у свитли́цю, и кланяється пану со́тныку, и подае ёму зъ двоихъ ри́къ по цурпа́ку, и ка́же:

„Подозво́лте, прыймийте!"

— Та що ты мени от-се́, па́не пи́сарю, тыкаешь у ви́чи? ты шось выштрыкаты хочешь, ты що? — пытаеться ёго́ панъ со́тныкъ, прытулюючись до стины, а боячись ульо́ма: ты непогадавъ Ыго́ровычъ взъяты хымеръ, якъ було́ пысля перепою на Великодныйъ

свя́тках. „Що воно́ таке́ е́? какси́ мени́ по́простку, безъ пысьмей!" — „Сые суть пане со́тнику записць спи́ска на́шои со́тни," каже пысарь, „ого́-же невозмогаясь упысаты за дрыскаными дэсни́цы моя́.... и того́ ра́ды узя́хъ хворостыну и на ней назначаю́ хо́гожда козака́ и се́ суть ви́рне число́: и кожному десяти́ци подэ́сять козакивъ, а усихъ такови́хъ десятковъ суть такожде дэ́сять; слидовательно уся́ со́тня, як скажо́. Собигаовольте, пане со́тнику, щэтъ ий учынить по сий хворости́ни, и лыцэ́мъ кылыцю сами́ю естествэ́нную со́тню, зибравшуюся бы́ля палестинки Кузьмихы, крывои шынкарыхы, отсалы обозрить." — Э́, пане писарю, каже ёму пань Уласовычъ: я-бъ, можэ́шчи, собигаовольвъ, тай лыкивъ бычъ трыщэ́ти нэзнаю. Лычи́ сами и робы як знаешъ, ты на те́ пысарь; а я усе описля пидпышу, бо я на те со́тныкъ, щобъ нэчытаты, а тилькы пидпысова-

ты."

Отъ и ста́въ панъ Пистрія́къ лича́ти: лі́чить-лі́чить, а у пъя́тій со́тни одного́ коза́ка недоли́чится. „Що за прича́та?" аякъ зкри́кнувъ: „сонцы́тахъ и бу́ли усі и се одни́въ необрита́ється. Ідіду и пану учтиво́ пе́ренесь, хто зъ оголо́шенихъ, недавъ лей и предъ очи ва́ши ста́ти, бихъ и скри́ся. Не хто́, яко, куповатено, Илько́ Найгоменя."

Отъ и пиши́въ на двиръ до коза́кивъ сили́ти, а панъ сотникъ зара́зъ кинувся до карва́ти зъ дуліве́ю(?), та невидцихаючи, журбы-ра́ды, та и вы́скочивъ ій до́-гисна. Аякъ ось и панъ Ригі́ровичъ зъ своїми цурпи́ками сі́де у две́ри, и весе́ленькій, и невіре, щобъ втіши́ти пана сотника, и ка́же: „Не сумуйтесь, добро́дію. Усе́ господство наше у хати, никогдеся не ташивающя никуди, ось де вони́ є." И принявся лича́ти, — вчуя́ть у пъя́тихъ десятку лей,

та й нема́ козака.

Якъ на дво́ри лі́че, такъ усі́ до суди́ного, а у ха́ти лі́че, то одни́нъ, та усе́ у пъя́тому деся́тку, такъ и зчезне, немо́че ёго зглі́день зглюже! Вернувсе панъ Пистря́къ до со́тни, перелічи́въ козакі́въ, — усі́; верну́всь до па́на со́тника, лі́чить по хворостинці, що кожного погарубцювавъ, — нема́ одного, хтось утікъ. Впъя́ть ве́рнеться до со́тни, щоб тому́, хтохова́ється, го́лову побити, такъ бо усі́ якъ разъ, а у свители́ці то зарубався нема́ одного. Та разі́въ деся́ть таке́ ёму́ було́ прыведе́ные.

Взяв ась засапався серди́тый, бі́гаючы зъ хи́ты, то въ ха́ту, то до со́тни, то видъ со́тни, що вже и панъ Ула́совычъ убра́вся и зовсі́мъ ви́рядывся, и вже ша́пку узя́въ, щоб і́ты до со́тни, такъ у па́на пі́саря одни́нъ козакъ усе́ утіка́ и хто́ такы́й — незвісно, бо усі́ на дво́ри и одынъ-одного дёржаться за пояс, щоб неутікъ

ниxто, поки ихъ по хворостяни переличуютъ.

„Та годи тобі, Рыгоровычу, шастатысь. Ходимъ та у двохъ зо сыною переличимо. Коли таки усі, а на хворостяни немá одного, так кáжуть его бери! нехай тай и пропадá, абы жывый усі булы!" Такъ сказавъ панъ сотныкъ, та й прыглядаетця пильно на писаря, чы що дило-то вынъ сказавъ и що, чы негрыжне вынъ на нього за нисенитныцю, як воно й часто буває.

Довго слухавъ се Прокипъ Рыгоровычъ и пальцемъ повидывъ, а далі якъ цмокне, якъ пидскоче, якъ крычыть:

„Отъ сяя річъ до дила! Утрóбаю сосказаню, що таковóе мешитáные изыде изъ главы моей и уклонúся у дéбри пустынныя. Та вáсть, пане сотныку, довелúть и полковúку суддю бýты за таковóе неоправдúченное и смýдре рышéные, ево-же и áзъ невозмýлúйся. Ходúмо-же бáтьку!

Нині возвеселяся утроба моя отъ цілости сотні и здоровля дітей, уремъя и подкрепленые вічныйты."

Отъ и пишли. Сяду! и пишъ панъ сотныкъ по веселівлявъ трохи, що якось-то пидуманно-нигаданно, та прыдумавъ со-нагу, та ще и такъ, що и самъ Прокипъ Рыгоровычъ Писторякъ, Конотопськый сотенный писарь, та и тій его за выгаску въ роду вірне похваляе. А Рыгоровычъ идэ за сотныкомъ, та свое гадя та думка: „Се на биду вже идэ, колы панъ сотныкъ буде и выдумувать и писувать! От-се тилькы невыдно, що самъ буде и писать, та ліпше и на щетахъ выкыдать. Та недалися бо!"...

Пидійшлы до самого шынку Кузьмышынаго, изъ тутъ и сотня стоіть, и поскыдавчы шапкы, поклонылысь пану сотныку.

„Здорово булы, дітки! Чы вси вы тутъ?" „2" угукавъ ихъ панъ сотныкъ,

уздя́вшись, у бо́ки, обгляда́вь ихъ о́коло
нена́че облизова́вь, або розгляду́ваво
вбэ́ного у пи́ку; а ві́нъ — я-жъ-каэ́у
бли́чь трыщя́тый лі́ску недзи́вь, а
(2)
коза́кі́ пошу́пуе́ньного у тва́ри недзи́ва
и непя́лывь, хто у́жъ ни́ць Дени́ко́,
хто Крощ-ко́.

„Здоро́ва, Ани́ку!" пора́хнула е́ну́
громада: „Усі́ мы тутечка — здо́ро
до едно́го."

„А трыли́чъ пысарю; чи невхова́всь
яки́й" повели́ва́вь пань сотникъ, на-
дувшись, якъ тай сам.

Отъ пысарю Ги́ро́вичу взя́ть
бида́. Уси коза́кі́ и, якъ зтулы́вь
хворости́ну до ку́пы, тыкъ и по-за-
рубка́мь усі́.

— Та який-же ни́ць чортъ ли́ндра-
ва́вь, якъ я увиса́дывь до па́на сот-
ника? крыкнувь Пистря́къ у се́р-
дця, та ась ногою ту́пнувь.

„Та трыва́й-ка, Ги́ро́вичъ," ска-
за́вь е́ну́, усмиха́ючись, пань
Уласовичъ. „Дуже и коза́кі́ усі́,

и зъ хворостѝны ни-по́дымъ невти-
гавъ. Се́ ты́ якъ перего́лывъ хворо-
сти́ну, такъ вона́ якъ ра́зъ на коза-
ковы́ хру́снула. Отъ ты, де́ржавы
ій на́ дви половы́ны, тыжъ одного́
и недоли́чувався."

(Конотопська відьма).

„Малороссійскія повѣсти разсказан-
ныя Грицькомъ Основьяненкомъ."
Т. I Изд. Харьковск. Университ. Земле-
дѣльч., по редакц. А. А. Потебни.
Харьковъ, 1887.